

Морев Л. А.

ЧЕТЫРЕ ВЕКА ИСТОРИИ

**Город Задонск
и Задонский Богородицкий монастырь**

Воронеж
2013

ББК 63.3 (2Р-4Ли)
Т 79

*Книга издана при финансовой поддержке
администрации Задонского района
к 85-летию муниципального образования*

ISBN 5-221-00092-X

К читателям

Дорогие земляки и наши гости! В июле 2013 года Задонскому району исполняется 85 лет. В 1928 году новое территориальное образование было создано из земель Задонского уезда, учрежденного в 1779 году. Но и до учреждения уезда, и придания его центру городского статуса, нынешний Задонск, именовавшийся слободой Тешевка, благодаря светочу духовному – Богородицкому монастырю, у стен которого и возникло это поселение, на протяжении почти двух сотен лет был центром притяжения округа.

Вот об этих-то, в целом, четырех веках истории центра нашего района и рассказывает значительно обновленное издание книги Леонида Морева, ранее именовавшейся «Под перезвон колокольный». В связи с 85-летием нашего муниципального образования особое внимание здесь уделено истории Задонска как районного центра, о чем повествуют две фактически новые заключительные главы, последовательно рассказывающие о том, как город, пережив и невзгоды, и испытания, выпавшие на долю страны за эти восемь с лишним десятилетий, не только не утратил своего статуса и значения, но и сумел обновиться, стать уютнее и современнее, сохранив при этом очарование старины. А главное – как перед Задонском и задонцами открылись новые перспективы, благодаря возрождению Богородицкого монастыря и реализации проекта туристско-рекреационной зоны «Задонщина», столь разительно изменившие лицо райцентра в последние годы...

*Григорий МОСОЛОВ,
глава Задонского района*

роде и невелик городок наш, а никак про него не скажешь, что затерялся он на российских просторах. Да и на страницах истории отечественной нашлось ему место куда как заметное для города столь невеликого и относительно молодого. А причин тому две: дорога и монастырь. Так уж повелось, с тех пор как стал Воронеж колыбелью регулярного флота России, что основной поток грузов и пассажиров из первопрестольной к югу направлялся по дороге, пролегшей через Задонск. И город наш, расположенный при самой серьезной речной переправе на трассе, понятное дело, был не последней по значению станцией вплоть до пуска в 1866-1868 годах Юго-Восточной железной дороги, оставившей Задонск далеко в стороне.

Впрочем, значение Задонска как «транспортного узла» и ямщицкого городка, судя по доступным документам, было изрядно преувеличено в советское время, возможно, из атеистических соображений. Акцент на «дорожный» фактор в развитии Задонска позволял отвлечь внимание от фактора другого — наличия здесь знаменитого монастыря, не только положившего начало нашему городу, но и веками бывшего приводной пружиной местной экономики.

Так что определенное запустение шоссе Москва-Воронеж, не выдержавшего конкуренции с железной дорогой, не слишком сказалось на состоянии экономики и развитии уездного города, доживавшего свой первый век. Утратив значение (никогда, впрочем, и не бывшее большим) как транспортный узел, Задонск не только не растерял, но именно в 60-е годы позапрошлого столетия умножил куда более громкую и не столь скоро преходящую славу религиозного центра, благодаря местному мужскому монастырю с более чем 250-летней историей на тот период.

Известность Задонского Богородицкого монастыря постепенно формировалась с конца века XVIII – времени, когда здесь опочил и был похоронен удалившийся на покой епископ Воронежский и Елецкий Тихон (Соколовский), еще при жизни почитавшийся народом за святого. Еще более упрочило значение Задонска как одного из центров российского православия официальное причисление святителя Тихона к лику святых Русской Православной Церкви, состоявшееся 13 августа 1861 года.

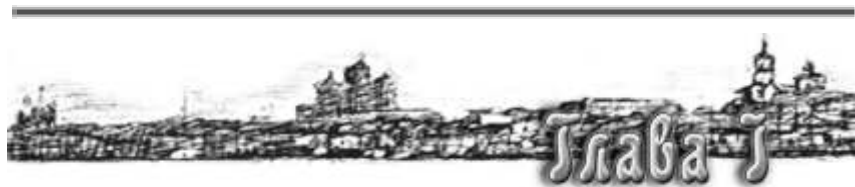
Вновь ожила было опустевшая, сравнительно с прежними временами, дорога. Со всех концов Руси Православной шли сотни и тысячи паломников к Задонску, где покоились почитаемые чудотворными мощи одного из самых чтимых в России конца XIX – начала XX веков угодников Божиих...

Вот об этих-то, а по возможности – и более ранних временах, и хотелось бы рассказать нынешним задонцам. Зачем?

А, *«чтобы»*, следуя словам Великого князя Московского Симеона Гордого, *«не перестала память родителей наших и наша и свеча бы не погасла»*.

Тем более, жителям Задонска есть о чем помнить. Городок нам достался от предков не самый худший. Именно они, деды и прадеды дедов наших сформировали тот город, в котором мы живем сегодня и написали, каждый, как мог, его историю. И грех было бы это забыть. Правда, память иметь надо здравую, не смешивая воедино факты и предания, научно обоснованные выводы и досужие измышления...

НА ИЗВИЛИСТЫХ ТРОПАХ КРАЕВЕДЕНИЯ

От времен древнейших

И год и даже день рождения Задонска, как города, известны прекрасно – 25 сентября 1779 года – именно эта дата была на календаре «старого стиля», когда императрица Екатерина II поставила Высочайшую свою подпись под «Именным, данным Сенату» Указом «О составлении Воронежского Наместничества из пятнадцати уездов», который и перевел Слободку (Тешевку) в более высокий статус. Согласно указу, стала бывшая вотчина Тешевского Богородицкого монастыря городом. А заодно – и центром вновь созданного уезда. Наречен был новый город первоначально «Задонской».

Казалось бы, «*тут Родос, тут и прыгай*», как порекомендовал своему приятелю один древний грек. Но есть такая традиция в российском историческом краеведении, заложенная еще Нестором-летописцем, – любое исследование более-менее обобщающего характера начинать «от Адама». И писавшие о Воронежском крае вообще и о Задонске в частности, начиная с митрополита Евгения (в бытность его Е. А. Болховитиновым), традиции этой исправно следовали. Не будем сходить с проторенной тропы и мы.

Тем более, что, в случае с Задонском, эту «тропу» следует по меньшей мере подмести.

Ведь для исторического краеведения характерна традиционная вполне патриотичная, но не вполне научная тенденция не просто начинать свой рассказ со времен древнейших, а и непре-

менно изыскивать там то, что хоть сколько-нибудь может быть похоже на свидетельство существования уже в древности милых сердцу градов и весей с карт дня сегодняшнего. Не минула чаша сия и Задонск.

Совсем по историческим меркам недавно, в 1994 году, по воле авторов «Липецкого энциклопедического словаря», оказалось, что наш город – *«один из самых древних городов Липецкого края, упоминаемый в летописи под 1116 годом... Ярополк в 1116 году “хотел на половецкие земли к Дону и ту взял полон много и города три половецкие Галин, Чешев и Сугров”. Чешев—Тешев—Задонск»*. И доныне эту информацию тиражирует Интернет.

Оно бы, конечно, неплохо, да вот беда, это категоричное утверждение при ближайшем рассмотрении оказывается совершенно безосновательным. Если, конечно, оценивать его с позиций истории как науки.

А историческая наука в XX столетии отвергла предположения историка XIX века И. Д. Беляева (сделанные им в работе «О географических сведениях в древней России»), что «города половецкие» находились в среднем течении Дона, на территории современной ему Воронежской губернии.

В частности, в трудах ведущего российского специалиста по археологии кочевых племен средневековой лесостепи – С. А. Плетневой – убедительно показано, что так называемые «города» находились не на Дону, а в бассейне его притока, именуемого ныне Северский Донец.

Что же касается цепочки «Чешев-Тешев-Задонск», то это и вовсе из области умозрительных предположений, высказанных более века назад воронежскими краеведами Л. Б. Вейнбергом и Е. Л. Марковым после прочтения трудов Беляева.

Именно они увязали Чешюев (Чешев) из Лаврентьевской летописи с более поздним Тешевом – гипотетическим средневековым поселением городского типа у речки Тешевки, близ Тешевского леса. В основание столь смелого предположения положены были якобы существовавшие *«особенности местного выговора, путающего “Ч” и “Т”»*, что само по себе спорно. То есть, изначально, построение это возводилось на довольно шатком

фундаменте. Особенно, если учесть, что другие летописные своды, например Ипатьевский, называют города Сугров, Шарукан, Балин. И именно такая транскрипция названий подтверждается иными источниками...

Казалось бы картина ясная. Что и признали липецкие энциклопедисты, включив в окончательное 3-х томное издание «Липецкой энциклопедии» уже исторически корректную статью о Задонске.

Но вот, летом 2004 года, трудами сборной команды геральдистов, взявшихся обеспечить Задонский район достойной символикой, в «Положении о гербе муниципального образования "Задонский район" Липецкой области» появляется следующее «историческое» обоснование символики: *«Задонский район образован в 1928 году, однако центр района, город Задонск, имеет богатую историю; впервые упоминается в 1116 году. Известен с XIV века как г. Тешев (Чешев) – одно из древнейших русских укрепленных поселений (червленная крепость) на Дону (лазоревая оконечность)»*. Строки эти, к счастью, в окончательный вариант «Положения...», опубликованный в печати, не попали. Но сам факт их включения в документ некоей Галиной Туник из «г. Москва», занимавшейся «обоснованием символики», достаточно красноречив...

Впрочем, не один только «Липецкий энциклопедический словарь», но и иные крупные работы справочного характера, вышедшие в свое время, содержат исторически некорректные, а то и просто фантастические сведения о прошлом Задонска.

Отличилась тут и некогда авторитетная «Большая советская энциклопедия» 3-его издания. В томе IX, увидевшем свет в 1972 году, читаем статью «Задонск»: *«Известен с 14 в. как Тешев (по названию протекающей здесь р. Тешевка); к концу 16 в. Тешев был разрушен татарами; в начале 17 в. восстановлен»*. Откуда такие сведения? Ведь во втором издании той же БСЭ говорилось лишь, что Задонск: *«известен с 16 в. как г. Тешев, с 1779 – как З.»*

Не все верно и здесь, но куда ближе к истине. Которая, кстати, была установлена воронежскими историками еще в начале XX века, но в советские времена «подзабылась», как и многое другое из тех «классово чуждых» времен...

Так что не малый есть резон для начала обратиться именно ко временам «седой», «глубокой» и прочей подобной, не слишком хорошо известной, бесписьменной древности.

В нашем случае, когда речь идет об истории Задонска и ближней его округи, «темные» эти столетия простираются от древнейших времен и до самого начала века XVII.

Подобное ограничение письменной источниковой базы открывает, с одной стороны, самые широкие возможности для построения разного рода гипотетических предположений (что не раз и делалось), а с другой — заставляет оперировать в том, что касается древней истории края, в первую очередь, иными доступными источниками. А именно — археологическими свидетельствами. Количество которых, скажем сразу, относительно невелико. На территориях, расположенных южнее и севернее, насчитывается куда большее число археологических памятников. Связано это отчасти с тем, что Липецкая область, из-за долговременного отсутствия собственных квалифицированных кадров, в археологическом отношении вплоть до конца 1990-х годов явно проигрывала в археологической изученности соседним регионам. Но есть и другая причина. Дело в специфике Дона в здешнем его течении — главной водной артерии лесостепи, разграничивающей лесную и степную зоны с их антагонистическими в древности способами организации экономики, порождавшими неминуемые военные конфликты. Как всякая пограничная территория, Воронежско-Липецкое Подонье было зоной риска, а потому неохотно и нестабильно заселялось. Хотя и безлюдным не оставалось.

Так, в период владычества Хазарского Каганата в наших краях пролегает его северное, славянизированное приграничье.

Позднее придонские земли в районе Задонска, согласно картам, составленным на основе археологических исследований древнерусских памятников X-XIII в. в., — юго-восточное пограничье Древней Руси. Правда, весьма условное.

Фактически же, на протяжении многих сотен лет, эта территория оставалась, за незначительным исключением, зоной, абсолютно незащищенной от сменявших друг друга кочевых пле-

мен и боевых отрядов разного рода догосударственных и государственных образований.

Уместно привести здесь точку зрения ведущего специалиста по исторической географии Золотой Орды – доктора исторических наук В. Л. Егорова, изложенную им в статье «Владения Золотой Орды в бассейне Верхнего Дона», вошедшей в состав специального сборника «Липецк: начало истории» (1999 г.).

«Достаточно интенсивно обживалось верхнее и среднее Подонье в период Древнерусского государства. Археологически хорошо изучена распространившаяся здесь славянская боршевская культура (VIII-X вв.). Казалось бы, столь надежные датирующие материалы и обширный ареал славянских поселений в верхнем и среднем Подонье обнадёживающе свидетельствуют о постоянном обитании здесь славянского населения по крайней мере с VIII века. Однако более углубленное изучение вопроса и раскопки выявленных памятников привели к однозначному и хорошо обоснованному выводу о том, что славянское население покинуло эти благодатные земли в конце X в.

Археологические исследования свидетельствуют о массовом уходе славянского населения из этих мест, скорее всего, на север, к Оке, под надежную защиту лесов. Причиной столь внезапного переселения могла стать угроза, исходившая от печенегов, орды которых появились как раз в это время, о чем сообщают русские летописи. После ухода древнерусского боршевского населения район верхнего и среднего течения Дона, в том числе и тульский степной коридор, остаются практически в полном распоряжении кочевников. Расселившееся по Оке древнерусское племя вятичей на протяжении X-XII вв. старательно обходило безлесные пространства верховьев Дона.

Наметившийся с X в. принцип разделения двух противостоящих хозяйственных укладов – оседлого и кочевого – по границам растительных зон, сохранился в этом районе вплоть до монгольского нашествия на Русь 1237-1241 гг. После образования Золотой Орды в 1242 г. степные пространства верхнего Подонья вошли в состав этого государства в качестве одного из северных улусов. Пограничная линия, отделявшая русское население от золотоордынского, в основном совпадала с южной кромкой лесных массивов, кото-

ры переходили в лесостепь и уже затем в открытые безлесные пространства.

Прямым следствием (монгольских рейдов) стало не только сокращение населения, но и уменьшение территории, которую оно занимало. Ареал русского населения сжимался за счет его ухода из районов, пограничных со степью, поскольку проживание здесь было не только опасно, но и не гарантировало успешного ведения хозяйства из-за постоянного страха перед золотоордынскими набегами.

В результате, вдоль очень протяженной русско-золотоордынской границы, появились обширные незаселенные пространства, обычно занимавшие переходные лесостепные природные зоны.

Такие нейтральные полосы посезонно использовались то одной, то другой стороной для конкретных хозяйственных нужд - обычно для охоты и выпаса скота. Тем более, что для самих кочевников понятие "территория государства" ассоциировалось со степными пространствами, удобными для ведения кочевого хозяйства. А представление о границах практически полностью совпадало со сплошной полосой лесных массивов, ограничивающих степи с севера».

Лишь в конце XVI века левобережье Дона в Доно-Воронежском междуречье стало пригодно для относительно безопасной, а значит — организованной и долговременной в перспективе колонизации, благодаря включению так называемого Дикого Поля в состав российской государственной территории. Что и ознаменовалось строительством ряда крепостей на тогдашней южной границе Руси, включая Елец и Воронеж.

Из изложенного вполне очевидно, что до этого времени существование русского поселения (тем более городского типа) на месте Задонска представляется маловероятным.

Впрочем, и это главное, помимо вышеприведенных аргументов, носящих в большей степени характер предположений, есть еще один, более веский: отсутствуют археологические свидетельства, позволяющие сделать вывод о существовании на месте современного Задонска постоянного поселения до начала XVII века. И оснований для надежд на то, что подобные свидетельства со временем появятся нет: в 1990-х — начале 2000-х годов в

Задонском районе проводились достаточно тщательные археологические разведки, выявившие немало интереснейших памятников. Раскопки их ведут и липецкие, и воронежские, и московские археологи. Но все эти памятники к истории именно нашего населенного пункта, ставшего в 1779 году Задонском, прямого отношения не имеют.

Не раз доводилось слышать от сторонников досужих краеведческих теорий, «построивших» на месте Задонска город-крепость, «защищавшую рубежи Руси от татар», что, если таковая крепость существовала, значит, располагалась она в самом стратегически выгодном месте — на вершине холма у слияния Тешевки и Дона. А именно там в начале XVII столетия возник Задонский монастырь и с тех пор практически безостановочно велись строительные работы. Что, вполне понятно, могло свести на нет оставшиеся в земле небогатые материальные свидетельства.

К сожалению, это весьма маловероятно. Ибо мощный культурный слой — а именно таковой и должен был возникнуть в случае протяженного во времени существования поселения (тем более городка, по местным легендам) — непросто было бы скрыть бесследно. Да и периодически выкапываемые из земли осколки посуды, а то и фрагменты инструментов и оружия вряд ли остались бы незамеченными строителями в рвах. И уж тем более подобные находки или рассказы о них монастырских старожилов не прошли бы мимо иеромонаха Геронтия (Кургановского), автора обстоятельнейшего «Историко-статистического описания первоклассного Задонского Богородицкого монастыря»*, в

* «Историко-статистическое описание первоклассного Задонского Богородицкого монастыря», составленное иеромонахом Геронтием, впервые увидевшее свет в «Воронежских епархиальных ведомостях» за 1870 г., отдельными изданиями выходило трижды — два раза в Москве (1871 и 1873 гг.) и третий — в Санкт-Петербурге (1893 г.). На текст последнего издания мы и будем ссылаться, упоминая «Описание...», кроме особо оговоренных случаев.

Автор «Описания...», по мирскому имени Гавриил Михайлович Кургановский, родился в 1836 г. в г. Болхове Орловской губернии. С 1846 года был принят на воспитание в Задонский Богородицкий монастырь. Здесь принял постриг с именем Геронтий. Пребывал в Задонской обители до 1894 года. Скончался в 1903 году, будучи архимандритом и пребывая на должности настоятеля Волоколамского Иосифова Успенского монастыря.

стенах которого он спасался как раз в середине XIX в. — в период наиболее интенсивного здешнего строительства.

Но отец Геронтий, скрупулезный собиратель не только исторических фактов, но и местных преданий, приводит лишь одно свидетельство, косвенно связанное с затронутой темой. Вот что сообщает монастырский летописец: *«Как говорит предание, была встреча князей Рязанских и Елецких с Тамерланом за рекой Доном, в деревне Данищине; битва же между ними происходила будто бы, на месте, занимаемом ныне монастырем Задонским. Это предание подтвердилось в 1827 г. тем, что при закладке ныне существующей монастырской колокольни, при бутировании ее, нашли тут огромную могилу, наполненную костями человеческими».*

То есть, в представлении историка-черноризца из Богородицкой обители, местность, занимаемая монастырем, ассоциируется, применительно ко временам древним, разве что с диким полем, которое вполне могло стать ареной некоей битвы.

Захоронение «наполненное костями человеческими», обнаруженное при закладке здания колокольни Задонского Богородицкого монастыря в 1827 году, по вполне понятным причинам так и осталось неатрибутированным ни по культурной принадлежности, ни по времени совершения. Тем не менее, сам факт его наличия именно в этом месте косвенно позволяет уточнить древнюю топографию местности, занимаемой ныне городом Задонском. Когда бы ни было совершено найденное монахами погребение, вряд ли оно было устроено среди лесной глуши.

Крайне мала в этом случае и вероятность того, что монастырские строители вскрыли захоронение на территории некоего древнего поселения. Практика погребения на местах поселений фиксируется археологическими исследованиями (в том числе и на нашей территории), но это, обычно, отдельные захоронения. У отца же Геронтия, судя по использованным выражениям, речь идет о массовом. Для которого естественно было выбрать место открытое, безлесное.

Видимо, не придвинулся лес к пойме Тешевки и позже. Старцы Кирилл и Герасим, основавшие здесь Богородицкую обитель, вряд ли начинали свою созидательную деятельность с вырубки

чаши. Да и в межевой грамоте 90-х годов конца XVII века, когда массовое сведение лесов в Подонье еще только начиналось, встречаем следующую фразу, характеризующую положение Тешевской обители относительно опушки леса: межа проходит *«прямо подле Тешевского лесу до Тешевского монастыря»*. Так что не будет большой смелостью предположить, что с весьма отдаленных времен леса, обильно здесь произраставшие, отстояли достаточно далеко от речки Тешевки, оставляя удобный проход вдоль ее русла к Дону.

Что же было в древности на месте нынешнего города? Пожалуй, опушка простиравшегося до поймы Дона Тешевского леса. Был он обширен, густ и темен. Ведь был Тешевский лес лиственным — «черным», как характеризуют его документы четырехсотлетней давности. По тем же документам можно ориентировочно представить его размеры. Разросся лес Тешевский от Придонья, вдоль Тешевки, вплоть до речек Репца (на востоке) и Проходни (на севере). Протяженность его вдоль Дона считалась 10 верст, а поперек — 7 верст. Лесистыми, если судить по карте конца XVIII века, возможно, были и холмы, именуемые «Казацкими горами», ныне частично скрытые в ходе строительства автодороги «М-4» и поросшие «Казенным» лесом.

Более того, о прошлом территории, занимаемой Задонском, в одном из поздних воронежских губернских изданий сказано так: *«Прежде в этой местности был непроходный лес»*.

Но как явствует из сохранившихся ранних свидетельств, земли, прилегающие как с севера, так и с юга к оврагу, промытому Тешевкой, вполне могли оставаться безлесными. А потому, не исключено, издревле служили проходом сквозь прибрежное чернолесье к броду через Дон.

В пользу такого предположения говорит также то, что именно проложенные в древности дороги, в большинстве случаев стали основой трактов и шоссе более близких к современности. В том числе — и много позже пролегшего через Задонск. Тянулись же они от брода к броду. И в эту картину отлично вписывается, в частности, такой факт: в начале 1970-х годов на правом берегу Дона, прямо напротив Задонска, в районе спуска к возможной

древней переправе, были найдены серебряные арабские дирхемы, датируемые IX-XII веками н. э., что может быть свидетельством пролегания здесь торгового пути.

Есть сведения и еще об одной находке, сделанной в непосредственной близости от русла Тешевки, на левом ее берегу, в центре современного Задонска. По сообщению местного краеведа и коллекционера-нумизмата В. И. Капитонова, учениками Задонской средней школы №2 как-то была найдена статуэтка (позднее утраченная), вырезанная в форме женской фигурки из «твердого каменистого материала». Она попала в коллекцию учителя В. Г. Абанина, немало сделавшего для сохранения исторической памяти нашего края. Владимир Григорьевич считал статуэтку доказательством существования на месте Задонска раннего по времени возникновения, «дославянского», поселения. Но, как справедливо замечал В. И. Капитонов, находка носила единичный характер. Рядом ничего более обнаружено не было. Так что статуэтка вполне могла быть занесена в наши края кочевниками или торговцами, использовавшими натоптанный с древности путь, пролежавший по берегу Тешевки к броду через Дон.

Если так оно и было, то именно расположение точки более позднего возникновения города Задонска близ важной переправы на гипотетической древней дороге как раз и могло стать определяющим в том, что здесь так и не возникло поселения вплоть до начала активной колонизации края под эгидой Московского государства. Весьма выигрышный, на первый взгляд, географический фактор, в екатерининские времена сыгравший решающую роль при возведении выросшей здесь слободки в городской статус, в эпохи древние – безгосударственные и малоцивилизованные – как раз был основанием не задерживаться в столь проезжем месте надолго...

А что там, за словом «Тешев»?

И все же... И все же... А откуда, как говорится, «ноги растут» у местных исторических легенд и преданий о «городе Тешеве». Да и что это за «Тешев» такой? Что слово это значит?

Есть, например, деревушка с таким названием в современной Македонии. Встречается оно в адыгейском языке.

Так, в племени шапсугов, что проживают близ города Сочи, фамилия «Тешев» весьма распространена. А ведь тамошнее население – осколки Хазарского каганата, некогда простиравшего до Дона свои границы.

Государственное это образование раннего средневековья в VIII веке сделало своей религией иудаизм и влияние этнических евреев (если верить Л. Н. Гумилеву) в Хазарии было довольно сильно. Меж тем в иврите – языке Ветхого Завета – есть слово «тешев». В переводе на русский, при определенных условиях, глагол «тешев» можно связать с понятиями «трон», «сидение». А плавно полукруглая излучина Дона у Задонска, ограниченная так называемыми Казацкими «горами», весьма таковое «сидение» напоминает. Вот и могли хазарские купцы-рахдониты, этнические евреи по происхождению, оставить прошедшее сквозь века напоминание о привалах в местности «Тешев» у Дона. Заметим, что такое название носил некий древний, только по имени своему ныне известный, город на берегу Иордана. А в языке кумыков, тоже уходящих корнями в Хазарию, слово «тешев» означает «настил», от которого недалеко и до «сидения» с «отдыхом».

Впрочем, подобные предположения вряд ли можно обосновать с достаточной убедительностью. Легче опровергнуть.

Куда больше внимания заслуживает вариант, предложенный задонским автором Ю. Д. Бухаровым, специально занимавшимся вопросом происхождения топонима «Тешев».

Придя к выводу, что первично в данной ситуации все-таки наименование речки Тешевка, он, в итоге, предлагает следующее непротиворечивое объяснение: *«Применительно к случаю с Тешевом, исходным скорее всего является именно тот лексический пласт, к которому принадлежит и слово «тещити», то есть «течь», в переводе на современный русский язык. Самый общий контур посредствующих звеньев, связывающих этот древний глагол с гидронимом «Тешевка» может быть представлен так: ТЕШЕВКА-ТЕЩИТ—ТЕЩИТИ, где первый элемент соотношения наличествует в реальной топонимии, а второй и третий - в реальном лексическом материале.*

Одним из кажущихся существенных недостатков этого варианта этимологизации гидронима «Тешевка» состоит в том, что им предусматривается своеобразный переход «щ» в «ш». И действительно, с точки зрения сравнительного языкознания бесспорен факт того, что старославянскому «щ» в русском языке соответствует «ч», а отнюдь не «ш». Тем не менее, при функционировании не просто слов, а топонимов, такой переход возможен. Более того, исторически зафиксирован по крайней мере один конкретный случай подобного перехода - причем, в местах, непосредственно соседствующих с рекой Тешевкой.

Речь о современном топониме «Даньшино», обозначающем село Задонского района, располагающееся неподалеку от Дона. Собственно, именно это «донское соседство» и послужило основанием для именованя. Первоначально ойконим «Даньшино» буквально совпадал с гидронимом «Донщина» (прежнее русло, покинутое рекой Дон, старица на месте этого прежнего протока). Еще в начале XVII века в этой местности возник монастырь, который, впрочем, просуществовал недолго. Соответственно, сей ойконим известен еще и в форме «Даньщина». И, наконец, окончательное переформление в форме просто «Даньшино». То есть, прослеживается следующая система переходов: «Донщина» > «Даньщино» > «Даньшино», с заменой исходного «щ» на последующее «ш».

Приведенный вариант этимологизации гидронима «Тешевка», где в основе лежат такие характерные признаки водного объекта, как «изливающийся, источающийся, испускающийся», источник какой-то необычной обильности и силы, со многими питающими ключами и ключами-истоками, обладающий быстрым течением и «продирающийся» сквозь густые заросли, - словом, источник, который и «тешит», и «тешет», и «тешется», - хорошо согласуется с сопутствующими реальной речке Тешевке географическими и историческими обстоятельствами. Разветвленная сеть истоков и протоков, сравнительно немалые размеры и «бурный норов» - все это характеризовало Тешевку почти вплоть до недавнего времени».

Первое появление топонима «Тешев» в анналах российской истории относится к 1350—1351 годам. Именно так, приблизительно, но, датируется «Докончание великого князя Семена Ивановича

с князьями Иваном Ивановичем и Андреем Ивановичем», где есть строки: *«Или что мя благословила которыми волостьми тетка моя, княгиня Анна, Заячковым, Тешевым...»*.

Документ этот опубликован в составе объемистого тома «Духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV-XV вв.», вышедшего в свет под редакцией академика Л. В. Черепнина в 1950 году. Как указывает публикатор, текст грамоты, ввиду ее плохой сохранности, очень фрагментирован. Как до слова «Тешевым», так и после него имеются нечитаемые участки. В результате доступный текст не позволяет выполнить сколько-нибудь четкую географическую привязку топонима.

Тем не менее, с достаточной долей уверенности можно утверждать, что волость Тешев из внутрисемейного договора московских князей никакого отношения, кроме топонимического созвучия, к ныне не существующему Тешевскому лесу и донныне окончательно не пересохшей речке Тешевке не имеет. Дело в том, что при великом московском князе Симеоне Гордом (а именно он и есть тот самый Семен Иванович, который делит с братьями княжество) пределы московские не простирались столь далеко. Это подтверждают исследования москвички А. А. Юшко, по настоящее время углубленно занимающейся вопросами формирования княжества Московского.

Территория, где сейчас расположен Задонск, если и контролировалась каким из русских княжеств в то время, то разве что Рязанью, бывшей с Москвой в отношениях, мягко говоря, напряженных. Таким образом, в докончании Симеона Гордого речь идет, скорее всего, о каком-то топониме на территории тогдашнего княжества Московского, возможно, связанном с рекой Тешей.

Не случайно Л. В. Черепнин в географическом указателе, сопровождающем издание, не только никак не комментирует топоним «Тешев» из грамоты 1350-51 года, но и отделяет его от более позднего «Тешева» из грамоты 1496 года, четко атрибутированного как волость Переяславль—Рязанского уезда.

Да и в целом возможность возникновения городка у слияния Тешевки с Доном в этот период вызывает весьма большие сомнения. В то время как земли московские, благодаря умелой

политике Калиты и его потомков, отдыхали от татарских набегов, Рязань, а тем более окраинные территории княжества Рязанского, пили чашу горькую до дна. Причем, доставалось рязанцам как от ордынцев, так и от московских союзников монголо-татар. *«Ни одна русская земля в то время не терпела столько разорений, как рязанская. Ее беспрестанно опустошали то татары, то москвичи»*, — так охарактеризовал ситуацию Н. И. Костомаров. Результат подобных опустошений был печален.

Митрополит Московский Пимен, чей путь лежал в Византию, в 1389 году *«влезши в суды... поплыхом рекою Доном на низ»*. Сопровождавший его дьякон Игнатий по прозвищу Смольянин — автор «Хождения Пименова в Царьград» — оставил следующее мрачное описание тогдашнего Подонья: *«Бысть же сие путное шествие печально и уныльниво, бяше бо пустынно зело всюду, не бе бо видети тамо ничтоже, ни града, ни села, аще бо и бываша древне грады красны и нарочиты зело видением, места точию пустожь все и не населено; ни где бо видети и человека, токмо пустыня велия и зверей множество... и птицы... и бяша вся пустыня велия»*.

Причем, по мнению автора «Липецкой топонимии» В. А. Прохорова, речь в процитированном отрывке идет и о местах, где ныне расположен Задонск. Согласно его расчетам, упоминаемая в «Хождении» «Острая Лука» — не что иное, как крутая излучина Дона, *«зафиксированная практически на всех, даже мелкомасштабных картах и расположенная всего в паре километров ниже Задонска по течению»*. А значит, возможно, в задонских и близких к ним краях почерпнул дьякон Игнатий впечатления для своих печальных записей, свидетельствующих о запустении Среднего и Верхнего Подонья в конце XIV века.

Но если на момент путешествия Игнатия Смольянина по крайней мере на правом берегу Дона весьма уверенно чувствовал себя подчиненное то ли Золотой Орде, то ли Рязани княжество Елецкое, то спустя лишь три десятилетия и от него не остается следа.

В 1395 году на Елец обрушился Тимур. Затем одно за другим следуют татарские нашествия, как следствие периода «великой замятни» и последовавшего за тем распада Золотой Орды.

Самым разорительным для елецкой земли стал набег 1414 года. По свидетельству Никоновской летописи татары *«Елец взяша, и елецкого князя убиша, а инии в Рязань убежаша»*. Именно с этим набегом связывал временное исчезновение Ельца с исторической карты России В. П. Загоровский.

В своей последней работе «История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке», увидевшей свет в 1991 году, Загоровский – видный специалист по российской колонизации Дикого Поля – приходит к выводу, что к 1427 году Елецкого княжества более не существовало. Вывод этот основан на свидетельстве литовских документов, опубликованных в конце XIX века А. Барбашевым. Там говорится, что во время поездки литовского князя Витовта в Рязанскую землю в 1427 г. его, как своего покровителя встречали все подчиненные и зависимые от Рязани князя, но елецкого князя среди них не было.

А чуть позже, по мнению В. П. Загоровского, практически все земли Центрального Черноземья вошли в состав Большой Орды, сформировавшейся в 30-60-е годы XV в. Большая Орда, впрочем, не была крепким государственным образованием. Здесь отсутствовали города, сохранялся кочевой образ жизни. А потому не приходится говорить о сколько-нибудь постоянном и жестком контроле подвластных территорий, особенно на окраинах. И постепенно русское население начинает возвращаться в ранее оставленные края.

Так что не случайно появление в самом конце XV века топонима «Тешев» на страницах исторических документов. И, что особенно важно, на этот раз в контексте, позволяющем с немалой долей вероятности увязать его с историей Задонска.

Упоминание о некоем, явно находящемся в «нашем» Подонье, Тешеве встречаем мы в «Докончании» (договоре) великого князя Рязанского Ивана Васильевича и брата его, удельного князя Федора Васильевича от 19 августа 1496 года. Договариваются братья о разделе забот по управлению княжеством Рязанским. А потому очень подробно перечисляют его составляющие.

Документ хорошо сохранился, текст его читается полностью. Он неоднократно публиковался. И часто, но к сожалению, не

точно, цитировался. Точная же цитата из внутрирязанского докончания такова: *«А что... мордва деленная во Цне, и в Карабугинском уезде бортники, и в Бовыкине, и в Вороножи в Верхнем, и Тешев весь, и в Дону реце жеребеи, и перевитские бортники, и рязанские бортники, и Мещерские волости с оброки и з доходы по старине, что ся ... в делу достало»*. «Тешев весь» отписывается «братом Иваном» в удел «брату Федору».

Кстати заметить, что документ ранее не только неточно цитировался в местной краеведческой литературе, но и именовался, а иногда и датировался ошибочно. Так, в ряде публикаций 1960-1970-х годов знатоки задонского прошлого ведут речь о жалованной грамоте великого князя Московского Ивана Васильевича князю Федору Васильевичу Рязанскому от 1496 года. Поводом для ошибки стало то, что великий князь Рязанский Иван Васильевич, на самом деле являвшийся одной из договаривающихся сторон, был тезкой по титулу и имени современного ему московского правителя.

Начало такой краеведческой традиции положил иеромонах Геронтий, введенный в заблуждение тем, как рязанские докончания интерпретированы были Е. А. Болховитиновым (будущим митрополитом Евгением) — автором «Исторического, географического и экономического описания Воронежской губернии», за которым о. Геронтий в общеисторической части следовал беспрекословно.

Те же, кто писал об истории Задонска и края уже в советское время, чаще всего руководствовались именно трудом о. Геронтия. Итогом стало то, что в публикациях «большой» истории по поводу слов «Тешев весь» изначально велась речь о «договоре двух братьев», а вот местные знатоки в этом случае считали, что цитируют «жалованную грамоту» великого князя Московского. И эта незначительная вроде бы ошибка, на деле не столь невинна, как может показаться.

Упоминание того или иного топонима во внутрирязанском договоре, когда договаривающиеся стороны знают все закоулки своих владений по имени — это одно. А когда тот же топоним упоминается в межгосударственном по тем временам соглаше-

нии Москвы с Рязанью — это уже совсем иной масштаб его известности, а, следовательно, и значения.

К сожалению, реальный договор Великого князя Московского с по-прежнему Великим, но уже преклонившимся под крыло Москвы князем Рязанским от 9 июня 1483 года Тешев в числе южных опорных пунктов не упоминает. О ближнем к Задонску Подонье там говорится лишь следующее: *«А что за Доном твое, великого князя Иванова, Романцево с уездом и что к нему потягло, и нам великому князю (московскому) в то не вступатися, а тебе не вступатися в нашу отчину в Елец, и во все елецкая места, а Меча ведати вопче»*.

Процитированный документ 1483 года показывает, что на момент его составления на относительно близких к будущему Задонску территориях из административных центров имелись лишь Романцев и Елец. Средневековый Елец, как традиционно считается, находился на месте нынешнего, расположенного на 30 километров (по прямой) севернее Задонска. Исторический Романцев, по мнению ряда исследователей, увязывается с поселениями, обнаруженным археологами в районе современных правобережных придонских сел Перехваль Данковского и Романово Лебедянского районов, также расположенных севернее. Причем, километров на 80.

Таким образом, из текста московско-рязанского договора 1483 года следует, что пограничными южными территориями обоих княжеств в Подонье были земли, лежащие севернее Задонска, в правобережье Дона, и группировавшиеся в то время вокруг топонимов, с изрядной вероятностью атрибутируемых как города — Елец и Романцев.

Хотя на этот счет имеется и другое, причем, весьма авторитетное мнение. Его высказал В. П. Загоровский. Он считает, что в конце XV века *«здесь находились лишь селища, места разоренных татарами сел и деревень, да, может быть, промысловые бортные и рыбные ухажьи»*. И упоминание в договоре конкретных топонимов — имен реально не существовавших к тому времени городов (по Загоровскому последние жители покинули Елец в сентябре 1414 года) — носит чисто формально-топографический

характер, позволяя обозначить границы делимых территорий с опорой на точки, известные с более давних времен.

Позиция, скажем так, не бесспорная.

Но, так или иначе, а топонимы, перечисляемые в грамоте 1496 года, в общем, укладываются в границы, обозначенные грамотой 1483-го. За исключением Тешева. Если, конечно, вести речь о «Тешеве», как о топониме, происхождение которого связано с Тешевским лесом или речкой Тешевкой, — то есть местами, непосредственно связанными с последующей историей возникновения и развития Задонска. В этом случае прибавление Тешева к списку рязанских территорий можно расценить как свидетельство не только дальнейшего продвижения к югу, но и начала колонизации левобережья Дона. Причем, в период между составлением грамот.

И позволительно предположить, что в сфере Рязанского влияния (а значит и в составе государства Российского) округа Задонска оказывается где-то между 1483 и 1496 годами.

Но мог ли возникнуть на этой территории город?

Ряд ученых-историков XIX столетия — времени, когда критический подход к источникам и российская археология делали только первые шаги, а за ними — краеведы, ссылаясь на «Тешев весь», однозначно трактовали эти слова как неоспоримое свидетельство существования на месте Задонска уже в конце XV века постоянного поселения или даже крепости с уездом.

С тех пор, трудами российских археологов и специалистов по вопросам становления Московского, а потом — и Российского государства, картина распространения границ российских была заметно скорректирована и уточнена. И — не в пользу многих предположений предшествующего столетия, основанных на безоговорочном доверии к текстам летописей и иных документов, требующих критического подхода. Невозможным, как мы отмечали выше, было признано и существование городка Тешев на месте Задонска. Тем не менее городская атрибуция слов «Тешев весь» вновь прозвучала уже в конце XX века в докладе профессора В. М. Важинского, включенном в «Материалы научно-практической конференции-ярмарки» (Липецк, 1994 г.).

Пошло такое толкование, судя по всему, с «Истории княжества Рязанского» Д. И. Иловайского, изданной в середине позапрошлого столетия и достаточно в свое время распространенной. По поводу топонимов, упоминаемых в договоре двух братьев 1496 года, в «Истории...», в частности, сказано: «*Тешев, который надобно искать где-нибудь между Воронежем и Доном*». И тут же сделана сноска: «*На речке Тешевке, на месте Задонска, как предполагает г. Калайдович*».

Примечание это, надо заметить, весьма примечательно. Тем самым, достаточно маститый на момент написания «Истории...» ученый Иловайский уклоняется от необходимости делать собственные сколько-нибудь конкретные выводы из столь краткого и неконкретного упоминания о Тешеве. Он предпочел сослаться на мнение более раннего и по-дилетантски смелого исследователя, принадлежащего ко времени первых самостоятельных шагов российской исторической школы – археографа и историка К. Ф. Калайдовича, который, по словам биографов, «не обнимая истории в целом», был «любителем, знатоком, искателем частностей».

А вот П. Н. Черменский, опубликовавший свое «Прошлое Тамбовского края» веком позже (1961 г.), но явно знакомый с трудом Иловайского, уже куда более конкретен в своих выводах: «*Административными центрами донских уездов являлись городки Романцев и Тешев... Южнее владений великого князя Ивана Васильевича находилась вотчина удельного князя Федора Васильевича – городок Тешев с уездом (“Тешев весь”)*». Городок стоял на левом берегу Дона, при устье реки Тешевки. Здесь переправлялись через Дон путники, следовавшие из Москвы в Воронежский край. Тешевский уезд простирался по Дону к реке Воронеж». Без оговорок следует за П. Н. Черменским, ограничиваясь прямым его цитированием, и В. А. Прохоров, автор «Липецкой топонимии», вышедшей в 1981 году и по-прежнему широко доступной для интересующихся историей родного края.

Меж тем подробности, приводимые П. Н. Черменским, как говорится, ошеломляют. Но откуда подобная осведомленность? Да все оттуда же. Все «подробности» вычитаны «за строками»

договора двух братьев, откуда их не рискнул извлечь обладавший меньшей фантазией и большей добросовестностью Д. И. Иловайский. Но в истории чтение между строк, а вернее, подмена действительного желаемым не приводит к искомой истине, а как раз удаляет от нее. Черменский, без должных на то оснований, ставил знак равенства между тем, что известно о «Романцеве с уездом» и о Тешеве. Но Романцев и в грамоте 1483, и в 1496 году упоминается как расположенный у Дона город — центр уезда. А сообщение о Тешеве не столь конкретно.

Что касается прочих «подробностей» задонской истории из книги Черменского, то они еще менее обоснованны и являют, по сути дела, результат механического переноса более поздних по времени атрибутов Задонска и уезда в прошлое с совершенно иными обстоятельствами.

О каких, например, путниках «из Москвы в Воронежский край» может идти речь в конце XV века, когда местность этого самого края была дикой окраиной Рязанского княжества и до строительства Воронежа оставалось почти сто лет?

Да и вообще, внимательное изучение текста договора двух братьев не дает оснований для атрибуции топонима «Тешев» именно как населенного пункта, тем более — центра уезда.

Речь в процитированном выше абзаце из рязанского «Докончания» идет скорее о неких территориях, тяготеющих к рекам и иным топографическим ориентирам, нежели о четко разграниченных административных единицах и их центрах.

Не случайно издатель духовных и договорных грамот московских и удельных князей Л. В. Черепнин в комментариях к географическому указателю однозначно атрибутирует «Тешев весь» лишь как волость Переяславль-Рязанского уезда, а не город с уездом. Еще более категоричен в этом вопросе В. П. Загоровский: *«Нет никаких оснований считать, что в конце XV в. и в “Романцеве”, и в “Тешеве” существовали постоянные русские поселения»*.

И действительно, трудно представить долговременное существование левобережного придонского городка на самой границе формирующегося Российского государства в то весьма беспокойное время. Распад Золотой Орды на более мелкие военно-госу-

дарственные формирования заметно обострил ситуацию на южных границах Руси. Вместо грозного, но достаточно организованного в государственном плане и заинтересованного в стабильном притоке дани соседа-сюзерена на рубежах Юго-Восточной Руси оказался ряд соперничающих орд, всегда готовых к набегам, приобретавшим все более частый и разбойный характер.

«В ходе этих вторжений, — замечает В. П. Загорский, — завершился процесс запустения земель в пределах бывших Курского и Елецкого княжеств. Во время нашествия хана Ахмата на Русь в 1480 г. и его бегства после известного "стояния на Угре" основная территория современного Центрального Черноземья была уже в полном смысле слова Полею.

В 90-х гг. XV в. русские летописи сообщают об эпизодических выходах московских воевод с ратными людьми в Поле, «под Орду». Один из таких походов состоялся, по свидетельству Никоновской летописи, в мае 1491 г. Тогда «посылал князь великий (Иван III — В. 3.) воевод своих с силою в Поле на помощь крымскому царю от ординских царей». Хотя точный маршрут воевод не известен, сам факт выхода московского войска в 1491 г. в географические пределы Центрального Черноземья не вызывает сомнений.

В 1492 г. воеводы Федор Колтовский и Горяин Сидоров нагнали уходивший после грабежа отряд ордынских татар "в Поле, промеж Трудов и Быстрые Сосны". Подобная географическая детализация, приведенная в Никоновской летописи, не оставляет сомнений в том, что берега Быстрой Сосны являлись в конце XV в. частью Поля, что постоянных русских поселений здесь не было».

Вплоть до середины XVI века Дикое Поле — зона между южными и юго-восточными татарскими «царствами» и Украиной Руси, находившаяся вне военного контроля России — начиналось сразу за Тулой. Прервалось существование Ельца. Уничтожены были и другие города, только-только обозначившие заселение территории нынешней Липецкой области.

А в 1571 году государство Российское оказывается в силах вновь заявить свои претензии на Подонье в районе Ельца. Выполняя царский указ, под руководством боярина М. И. Воротынского «из

всех украинских городов дети боярские, станичники и сторожи и вожи в январе, а иные в феврале к Москве все съехались» для выработки общих принципов организации сторожевой и станичной службы. В итоге на Поле, в пределах современных областей Черноземья, решено было создать 4 общероссийские сторожи, которым ставилась задача выслеживать татарские отряды совместно со станицами и сторожами из Рыльска и Путивля.

Как раз с этого времени территория современного Задонского района и оказывается в сфере внимания крепнущего государства Российского. Соответственно, в перечне окраинных сторожевых постов конца XVI в. появляются такие близлежащие к Задонску топонимы, как *«Галичьи горы»* и *«Тешевский лес»*. А вот ни о каком городке около того явно пустынного леса, не упоминается.

Зато, как явствует из *«Росписи сторожам из украинских городов...»* 1571 года, особое внимание тем, кого наряжали в сторожу на Галичьих горах, рекомендовалось уделять натоптанной к тому времени татарской дороге, проходившей по нашему, левому берегу Дона и заканчивавшейся как раз на участке подконтрольном галичьегорским дозорным, где, видимо, был *«перелаз»* — брод через Дон: *«а беречи им направо от Галичьих гор вверх по Дону до усть Сосны Быстрые двенадцать верст, а налево до усть Липовицы десять верст; а дорога, которую ходят позадь Тишевского лесу, пришла к усть Липовицы же»*. Подобные *«дороги»*, использовавшиеся татарами для грабительских набегов на русские пределы, прокладывались, естественно, в местах безопасных, удаленных от пограничных сторожевых пунктов...

ОТ СТАРЦЕВ КИРИЛЛА И ГЕРАСИМА

О чем рассказала икона?

Пришло время веку шестнадцатому отсчитать последние десятилетия. И были они для юго-восточной, «полевой» Украины Российской куда более мирными, чем первые.

Свою роль сыграла отлаженная сторожевая служба. В ее задачи входило раннее оповещение о приближении противника и устройство степных пожаров для лишения татарской конницы корма. Бушевали заградительные пожары и в наших краях.

«Боярский приговор о пожоге полей, с расписанием: из каких городов станицам какие поля жечь» лета 7080 (1572 г.) сохранил, в частности, такое указание: *«Из Донкова жечи поле: вниз по Дону, на правой стороне Дону до усть Мечи и до усть Сосны Быстры и до усть Снав Донских и до усть Девице и до усть Тихие Сосны. Да меж Мечи и Быстрые Сосны и Дону до усть Воронежа. А посылати из Донкова поля жечи три станицы а в станице по шти человек, а по розписать им те полские урочища на трое как бы им мочно и ездити и выжечи поле без пропуска».*

Тактика «выжженного Поля» в сочетании с дозорами несколько снизила успешность набегов татарских отрядов на окраинные поселения. Но, при всех ее частных успехах, организация сторожевой службы коренным образом проблемы обороны южных рубежей не решала. Так что ставка была сделана на строительство крепостей и сотрудничество с вольным казачеством, расселившимся по Дону вплоть до его низовьев, по-прежнему недоступных дезорганизованному опричниной и ослабленному

в военном отношении Российскому государству. Реализация намеченного и изменила для Москвы к лучшему неблагоприятную ситуацию в Подонье.

Так что, начавшись огнем и мечом, завершился век XVI, напротив, относительным умиротворением южных границ.

Государство Российское наконец-то окончательно перешагнуло Дон и двинулось вглубь южных степей. Каковой факт и ознаменовался сооружением целого ряда крепостей в «Диком Поле». В 1585-1593 годах были основаны или возобновлены Воронеж, Елец, Белгород, Оскол, Валуйки, отодвинувшие границы государства далеко на юг, по сравнению с прежними его рубежами.

Сооружение укрепленных поселений на юге потребовало создания системы коммуникаций для связи с ними. По наиболее коротким и удобным «сакмам», использовавшимся еще степняками для набегов на Южную Русь, теперь пролегли колеи внутригосударственных дорог. По ним следовали войска и обозы припасов для снабжения гарнизонов расширявшейся сети пограничных крепостей. И гипотетический древний путь, имевший «перелаз» через Дон у впадения в него Тешевки, также становится основой для постоянной дороги на Воронеж со стороны Ельца.

Известны исторические документы подтверждающие, что в этот период дорога от Ельца к Воронежу не только уже существовала, но и (в общих чертах, конечно) проходила знакомым ныне маршрутом, постепенно превращаясь из военной тропы «Дикого Поля» в одну из транспортных артерий государства Российского. В росписях елецких сторож от 1623 года, в числе прочих, упоминается и «*Воронежская дорога*», проходящая близ речки Паниковец.

Впрочем, не только сапоги стрельцов, копыта конницы да колеса обозных телег трамбовали пыль новых дорог.

Одновременно, как отмечает Р. Г. Скрынников, «*началось заселение крестьянами района старых засечных линий (Елец-Воронеж-Курск)*». В том числе — и территории современного Задонского района Липецкой области.

Верставшихся на службу в украинные городки казаков, и «командировавшихся» на пограничную службу кадровых воинов

жаловали не только деньгами, но и поместьями. Причем, из земель, располагавшихся неподалеку от места службы. Не случайно по окладным записям начала семнадцатого века в селах на территории нынешнего Задонского района числятся почти сплошь земли и крестьяне казаков да прочих мелкопоместных служилых елецких людей. Селились на новых землях, чье освоение только начиналось, и люди беглые, решившие поменять притертое ярмо на свежее.

А потому неудивительно, что, невдолге после основания Воронежя, ставшего центром новых территорий, дорога, к нему ведущая, сделалась трактом весьма оживленным.

Вот у этой-то дороги, при переправе через Дон, близ устья впадающей в него речки Тешевки, и основали Тешевский монастырь «за Доном» два старца-инока – Кирилл и Герасим, прибывшие сюда из самой первопрестольной, где спасались они в Московском Сретенском монастыре.

Именно эти имена упоминают Писцовые книги Засосенского стана Елецкого уезда 1628-1630 годов, фиксирующие имущественное положение, в котором находился к тому времени «монастырь Тешевской на реке на Дону, усть речки Тешевки, под Тешевским лесом». Как отмечено в цитируемой записи: «в церковь поставленье и в церкви образа местные и книги и ризы и у церкви колокола и все церковное и монастырское строенье дву старцев Кирилла и Герасима».

Но откуда известно, что пришли эти старцы из Московского Сретенского монастыря?

Как сообщает о. Геронтий в своем «Описании...» 1893 г. издания: «признаем достовернейшим предание, что старцы Кирилл и Герасим... пришли (быть может даже по благословию многострадального св. Патриарха Гермогена) от Московского Сретенского монастыря». Правда, автор более ранний и весьма для своего времени компетентный, а именно – упоминавшийся уже Е. А. Болховитинов, о таком предании не знает. Он сам, как историк, анализируя известные факты, делает следующее предположение: «можно также догадываться по именованию храма, не из Сретенского ли Московского монастыря и пришли для основания выше-

*упомянутые старцы». В основе предположения – все та же запись в Елецких Писцовых книгах 1628-1630 гг., указывающая, в частности, что церковь в Тешевском монастыре была «**во имя Пречистые Богородицы Сретения Владимирския иконы**».*

Видимо, это замечание авторитетного автора и послужило в дальнейшем основой для «предания», о котором спустя более чем полвека упоминает о. Геронтий, приводя, впрочем, в подтверждение обосновываемой точки зрения еще ряд моментов, помимо столь красноречивого названия храма.

Весьма справедливо, на наш взгляд, задонский монах-историк обращает внимание на самую древнюю святыню монастыря у слияния Тешевки с Доном – Владимирскую икону Пресвятой Богородицы – копию прославленной общерусской святыни, принесенную именно отцами-основателями обители (об этом сообщает действительно древнее предание). Основание храма в честь Сретения этого святого образа – праздника, ежегодно отмечаемого 26 августа (8 сентября нов. ст.) по православному календарю, – у Дона, на пути от Ельца в «Поле», весьма символично с учетом церковной исторической традиции.

Созидание монастыря – обители молитвенников пред Господом – есть не только факт истории, но и факт духовный. Именно поэтому о. Геронтий обращает свой взор на события 1395 г., когда грозила Руси рать Тамерлана. Поводом для подобной ретроспективы стало то, что, предположительно, как раз где-то в здешних придонских землях имело место известное явление Богоматери Тимуру, отвратившее Железного Хромца от продолжения похода на Русь после сожжения Ельца. Не случайно в представлении местных жителей и в XIX веке название соседней с Задонском деревни Даньшино увязывалось с требованием дани именно этим азиатским властителем. И, хотя «народная топонимика» абсолютно неверна, она показывает, сколь крепка оказалась память поколений о кровавом нашествии.

Чудо же, избавившее землю Русскую от продолжения Тимурова вторжения, явлено было 26 августа (8 сентября нов. ст.) 1395 года, когда в Москве торжественно встречали привезенный из Владимира издревле чтимый образ Богородицы. Позднее, в па-

мать о благодатном событии, на месте встречи (сретения) делегации, доставившей святыню из Владимира, был заложен Московский Сретенский монастырь.

Таким образом, с учетом избрания места основания монастыря, храмового его праздника и сюжета иконы, принесенной отцами-основателями, можно с известной долей уверенности говорить о том, что стопы свои на берег Дона направили старцы Кирилл и Герасим именно от врат Московского Сретенского монастыря.

Точная, до года, дата основания Задонской обители у устья Тешевки неизвестна. Хотя, сведя воедино, то, что известно о России рубежа XVI—XVII веков вообще и о заселении нашего края в этот период в частности, можно достаточно уверенно ограничить возможный период возникновения Тешевского монастыря 1606-1610 годами.

По сохранившимся историческим документам установлено, что будущая Задонская обитель (под именем Тешевского монастыря) впервые упоминается в 1615 году. Этот факт стал известен в начале нынешнего столетия, благодаря трудам жителя города Задонска, историка далеко не уездного масштаба, действительного члена Воронежского церковного историко-археологического комитета, С. Н. Введенского, получившего в свое время доступ к столичным хранилищам древних актов.

Итоги своих архивных изысканий, относящиеся к Задонску, С. Н. Введенский обобщил в статье «Хозяйственная деятельность Тешевского (Задонского Богородицкого) монастыря на Донской Украине в XVII и в первые годы XVIII века». Эта публикация, пожалуй, наиболее серьезное в научном плане дореволюционное историческое исследование, касающееся прошлого Задонского мужского монастыря.

Данная статья была представлена на суд читателей в 1905 году на страницах выпуска №5 «Воронежской старины».

В 1907 году Введенский был уже целенаправленно командирован Воронежским ЦИАК в архивы Министерства юстиции для продолжения работы. Сергей Николаевич, по поручению комитета, занимался копированием писцовых, переписных, межевых, платежных книг начала семнадцатого века, составленных по тер-

риториям, которые позднее вошли в состав Воронежской губернии. Но повторная работа с архивами не внесла корректив в вышеупомянутую публикацию 1905 года.

Таким образом, информацию Введенского о том, что касается первых лет существования будущего Задонска, можно считать исчерпывающей. Он дважды тщательно изучил оригиналы соответствующих документов (ныне хранящиеся в Российском Государственном архиве древних актов).

А к Задонску и Богородицкому монастырю у Сергея Николаевича интерес был особый – до переезда в Воронеж почти четверть века прожил он здесь, сначала преподавая в местном духовном училище, а затем являясь его попечителем и инспектором народных училищ Задонского уезда.

Таким образом, можно считать вполне достоверным, что первым бесспорным упоминанием Задонской обители и населенного пункта у ее стен является следующая запись в Платежных книгах Засосенского стана Елецкого уезда от 7123 (1615) года: «Монастырь Тешевской на берег реки Дону, усть речки Тешевки. За монастырем, под Тешевским лесом, слободка Тешевская на речке Тешевке на верхах» [РГАДА Ф. 1209. Оп. 1. Д. 131. Л. 226].

То есть, к 1615 году, монастырь не только существовал, но и имел приписанную к нему слободку с крестьянами.

А ведь для того, чтобы предстать на страницах учетных документов уже оформившимся вотчинником – владельцем земли и крестьян, монашеская обитель должна была не только организоваться фактически, но и бить челом государю о «земле и людишках» и на свою челобитную получить удовлетворение. Для чего, вполне понятно, по неспешной жизни того времени, требовались не то что месяцы, а, порой, и годы. Поэтому правильным было бы ставить знак равенства между датой первого упоминания Задонского монастыря в письменных источниках и датой его основания.

Подтверждение тому запечатлено было на первой святыне Богородицкой обители – Владимирской иконе Божией Матери, принесенной старцами Кириллом и Герасимом – основателями Богородицкой обители.

Эта икона, бережно и благоговейно сохранявшаяся поколениями черноризцев до самого упразднения Задонской обители в конце 20-х годов двадцатого же столетия, являла (в центральной части композиции) копию общерусской святыни – Владимирской иконы Божией Матери, написанной, как повествует традиция, самим св. апостолом и евангелистом Лукой и привезенную на Русь из Греции.

К сожалению, Задонский вариант этого чтимого изображения Богоматери был утрачен в ходе церковных погромов начала 1930-х годов. Но сохранилось его описание, оставленное очевидцем – иеромонахом Геронтием: *«Образ писан на доске корсунской иконописью; высота его 9 3/4 вершка (43,3 см), ширина 9 вершков (40 см); по сторонам изображения – с левой стороны св. Дмитрия Царевича, с правой – св. Василия Великого».*

Описание, оставленное отцом Геронтием, дало возможность с высокой достоверностью художественно восстановить утраченную святыню (храмовая икона Божией Матери во Владимирском соборе Задонского мужского монастыря является реконструкцией). Но не менее важно, что оно оказалось определяющим для уточнения предположительной даты основания обители у Дона.

Как сказано выше, икона лишь в центральной своей части была списком с общерусской святыни. Дополняли ее образы святых, помещенные на полях. Они и позволяют сузить хронологические рамки основания Богородицкого монастыря.

Слева от образа Пресвятой Богородицы кисть иконописца изобразила царевича Дмитрия, канонизированного только в 1606 году. Справа располагался образ св. Василия Великого, избранный вовсе не случайно. Этот святой считался небесным покровителем царя Василия Шуйского, в правление которого и состоялось обретение мошей царевича Дмитрия. Царствовал Шуйский с 1606 по 1610 год. Видимо, к данному четырехлетнему промежутку и следует отнести создание иконы.

Следовательно, основание монастыря не могло произойти ранее 1606 г. И вряд ли имело место заметно позже 1610 г.

Ведь, в соответствии с бытовавшими в средневековье традициями, подобная торжественная икона была написана, скорее

всего, «по случаю», специально для монахов-миссионеров, отправлявшихся в дальние края с задачей основать монастырь. А значит, произошло это в годы, когда св. Василий Великий считался ангелом-хранителем главы царствующего дома.

Заметим, что видный церковный историк Воронежского края архимандрит Димитрий (Самбикин) обращает внимание на то, что царем Василием Шуйским практиковалась рассылка иконописных образов новопрославленного мученика – царевича Димитрия, для увещания местностей (Серпухов, Елец), склонявшихся перед очередным самозванцем – Лжедмитрием II. И в контексте этой оставившей след в истории традиции изображение св. Димитрия на задонской иконе подтверждает его своего рода политическое на тот момент значение.

Нам видится, что образы святых Димитрия и Василия Великого могли появиться на иконе вследствие низложения 17 июля 1610 г. Василия IV Шуйского, как воспоминание о последнем православном царе на московском престоле*.

Св. Димитрий царевич – сын Ивана Грозного, согласно слухам того времени, принял мученическую кончину от «узурпатора» Бориса Годунова. И его изображение напоминает о трагической судьбе последнего законного наследника престола из числа потомков Рюрика. В свою очередь, св. Василий Великий мог олицетворять последнего на тот момент православного царя Руси, свергнутого очередным узурпатором – королем Речи Посполитой Сигизмундом, посадившим в итоге на московский трон своего сына Владислава, католика по вероисповеданию.

Правда, в качестве контраргумента подобной версии формирования сюжета иконы может быть использована известная по многим документам общая, «всех чинов и званий», нелюбовь россиян к «боярскому царю» Василию Шуйскому, о котором, если и вспоминали после низложения, то без печали и сожаления.

Но не менее известным является и такой факт истории Церкви Российской, как неприятие священномучеником Ермогеном (Гермогеном), Патриархом Московским и всея Руси, «дела мя-

* Низложенный, насильно постриженный в монахи и выданный полякам в сентябре 1610 г., Василий IV окончил дни свои в Варшаве 12 сентября 1612 г.

тежного» – вынужденного отречения Василия Шуйского от престола. Как отмечает М. В. Толстой, «*патриарх торжественно молился за Василия в храмах, как за помазанника Божия, царя России, хотя и в темнице; торжественно проклинал бунт и не признавал Василия иноком*». А по предположению, высказанному еще иеромонахом Геронтием, старцы Кирилл и Герасим пришли на берег Дона «*быть может даже по по благословию многострадального св. Патриарха Гермогена*».

Но насколько достоверна датировка, основанная на иконописном сюжете? Ведь икона могла попасть в монастырь позднее, уже после его основания. К счастью, в данном случае, для умозаключений, ограничивающих временные рамки возникновения Задонского Богородицкого монастыря периодом, соответствующим наиболее вероятному появлению рассматриваемых изображений, помимо общероссийских исторических реалий, находятся и иные основания. Уже более локального характера. Вытекающие из ситуации, сложившейся в конце XVI - начале XVII веков в Воронежско-Елецком Подонье.

В наиболее ранних документах, относящихся к Засосенскому стану Елецкого уезда (появившемуся лишь после 1592 года, когда был возобновлен сожженный Елец), мы не встречаем упоминания о Тешевском монастыре. Что и не удивительно.

Заселение земель между Воронежем и Ельцом происходило не вдруг. Некоторое время Воронеж оставался передовой крепостью, удаленной от крестьянских поселений, постепенно продвигавшихся на юг со стороны Ельца по мере дальнейшего укрепления границ Российского государства. Так, анализ записей об отводе земель елецким служилым людям в 1593-94 годах показывает, что к этому моменту освоены были территории в основном севернее Ельца – вдоль Новосильской, Ливенской и Данковской дорог.

Активизацию заселения южных окраин в определенной степени стимулировало страшное бедствие, обрушившееся на Россию в первые годы XVII века – невиданный доселе голод, особенно тяжело ударивший по северным и центральным территориям. Неизвестный современник так описал тяжкую го-

дину: *«Лета 7110 году 7111 (1601-1603) глад бысть по всей земли и по всему царству... и вымерла треть царства Московского голодною смертию».*

Голод, вызванный небывалым похолоданием, а на следующий год – столь же жестокой засухой, несколько легче перенесли более плодородные и малонаселенные черноземные области. И многих из тех, кто был еще в силах, бежали на юг, в надежде найти там пропитание. Но, как раз после голода, земли Черноземья, привлекая оголодавших, отчаявшихся крестьян, неожиданно оказались далеко не благоприятны для более организованного заселения.

Не успели похоронить последних умерших голодной смертью, как надвинулась новая беда – начался период «разбоев», наиболее значительным из которых была банда Хлопка. Ее участники после разгрома бежали как раз в окрестности Ельца. Затем последовала гражданская война, именуемая в истории «Смутой» или «Смутным временем», волны которой не раз докатывались до Ельца и Воронежа. Огонь войны, то и дело опалявший близкие к Ельцу земли, не добавлял привлекательности краю, как объекту мирной хозяйственной колонизации. Тем не менее, заселение бывшего Дикого Поля продолжалось. В том числе, и в отдельные периоды умиротворения страны под властью Василия Шуйского. Так что к 1610 г. здесь было достаточно постоянного населения, нуждавшегося в христианском слове ободрения и участия.

А потому мы считаем правильным обратить особое внимание на упоминавшийся выше примечательный момент в истории Смуты. Сложившиеся политические обстоятельства вполне могли подвигнуть к решению основать обитель во имя Сретения Владимирской иконы Пресвятой Богородицы именно в тех краях, где Матерь Божия однажды уже явила свое заступничество, отведя иноплемеников от нашествия на Русь.

Речь идет о весне-осени 1610 г. – финалу пребывания «боярского царя» Василия на московском троне и первых месяцах после его низложения. Еще в феврале 1610 г. группа русских бояр – сторонников Лжедмитрия II, разочаровавшись в своем избраннике, отбыла к польскому королю Сигизмунду, чтобы пригла-

свить на трон сына его Владислава. Влиятельные сторонники этой идеи вскоре объявились и в Москве. Становилось ясно, что дни Шуйского на престоле сочтены.

Перед православной страной маячила вполне определенная перспектива получить царя-католика. Обозначилась угроза не только жизням и имуществу, не только государственному суверенитету (регулярная польская армия, возглавляемая лично королем Сигизмундом, уже вела активные боевые действия в районе Смоленска), но и самой вере Православной – последней опоре и последнему прибежищу многогосударственного народа.

Несложно представить, сколь глубоко было потрясение патриарха Гермогена и окружавших его единомышленников перспективой иноплеменного и инославного нашествия, готового заполнить Русь Святую.

И вполне представим выбор духовенством в первую очередь методов духовных в противостоянии надвигающейся угрозе. А именно – соборной молитвы ко Господу.

Отсюда, вполне в рамках тогдашнего менталитета, могло возникнуть решение благословить старцев Московского Сретенского монастыря, направить свои стопы, с доверенной им копией Владимирской иконы, в края, где она некогда явила свою силу, остановив азиатские полчища Железного Хромца в 1395 году.

Основание здесь, в Подонье, обители в честь сретения чудотворного образа виделось частью общего молитвенного обращения к Небесной Владычице с тем, чтобы она вновь вступилась за Русь перед лицом очередного супостата.

Ну, а то, что во всей обширной Елецкой округе для построения новой обители был избран именно холм при впадении речки Тешевки в Дон, видимо, явилось результатом решения самих старцев Кирилла и Герасима после ознакомления их с местностью. Сказалось тут и наличие бойкой переправы, и отсутствие иных монастырей на всем протяжении пути из Ельца в Воронеж...

В свете вышеизложенного мы и считаем возможным, говоря о дате основания Задонского Богородицкого монастыря, назвать следующую – около 1610 года.

«За Филиппом за Ивановым сыном Тюнина»...

Уже оформившимся вотчинником предстает Задонская обитель со страниц документов 1615 года. Правда, невелика была вотчинка, да и ту приходилось делить со стрелецким головой из Ельца Филиппом Тюниным. Продолжим цитировать Платежные книги: *«... слободка Тешевская..., а в ней на монастырской жеребей пашни паханные четверть с осминой. За стрелецким головой за Филиппом за Ивановым сыном Тюнина в той же слободе Тешевской на его жеребей...»*.

Другие дошедшие до наших дней старинные документы свидетельствуют, что, благодаря подобному «двоевластию», на самом начальном этапе формирования постоянного поселения на месте современного Задонска у новорожденной слободки была реальная альтернатива развития. И сложись обстоятельства по-иному, жили бы мы сегодня в селе Тюнино (...или городе Тюнином).

Уже в 1620 году Платежные книги Елецкого уезда рисуют такую картину: за Тешевским монастырем записана все та же «слободка Тешевка на речке на Тешевке», а вот Филипп Тюнин, как явствует из текста документа, к тому времени устроил из своей части слободки село, поставив там церковь. *«За Филиппом за Ивановым сыном Тюнина село Пречистенское, что была слободка Тешевка»*, – сказано в Платежных книгах.

О том, что это было за село и сколь долго оно существовало можно судить по информации, содержащейся в Писцовых книгах Засосенского стана Елецкого уезда 1628-1630 годов.

«За Филиппом за Ивановым сыном Тюнина в поместье пустошь, что было село Пречистенское, под Тешевским лесом, на колодезе, старое его поместье, а в ней: место церковное, да 4 места дворовых пустых; место попово, место дячково, место пономарево, место просвирницыно... да на пустоши ж место дворовое помещиково, да 6 мест дворовых людских, да 23 места дворовых крестьянских и бобыльских пустых»...

Для сравнения заметим, что монастырская часть слободки Тешевки по тем же записям насчитывала вдвое меньше крестьянских

дворов. Село Пречистенское явно развивалось более динамично и вполне могло стать ядром будущего города если бы не неблагоприятно сложившиеся для Филиппа Тюнина обстоятельства.

Что же привело к запустению весьма интенсивно развивавшееся село? Возможно — татарский набег, но скорее всего — побеги и увозы крестьян — дело для того времени обычное.

Тут уместно вспомнить дело о челобитной «ельчан разных людей» 1628 года. В 1627-1628 годах между мелкими помещиками Засосенского стана Елецкого уезда и крупным вотчинником из Лебедянского уезда Иваном Никитичем Романовым по прозвищу «Каша» — дядей царя Михаила Федоровича — разгорелась нешуточная тяжба.

Владельцы поместий, включая Филиппа Тюнина, а также и Тешевский (Задонский) монастырь, обратились к царю с челобитной, в коей обвинили могущественного соседа, чьи земли в районе верховьев рек Репца и Проходни граничили с Елецким уездом, в том, что тот переманивает к себе, а то и просто увозит их крестьян. Не лично, вполне понятно, а через приказчиков и иных доверенных лиц.

«А из тех поместий и вотчин, которые отняли у монастыря Пречистой Богородицы и у нашей братии в Запольном, под Стрыговым и под Тешевым лесом и в иных во многих местах наших же крестьян и бобылей и из-за иных из нашей братии насильно вывозили и нынче вывозят беспрестанно... Каковое уже было нам разоренье злое от Литвы и от ваших государевых недругов, теперь же от Ивана Никитича плен наш, коему и конца нет, пуще нам крымской и ногайской войны», — писали челобитчики Засосенского стана, уповая на столичное правосудие.

По челобитной был устроен скорый «обыск» специально для того прибывшей из Москвы комиссией, говоря языком современным. И сысканное говорило не в пользу челобитчиков. По всему выходило, что возвели на царева дядю напраслину.

Начались преследования «подписантов», затронувшие и Задонский монастырь. Главный на тот момент «черный поп Геласий», непосредственно приложивший руку к челобитной, ударился в бег. Пострадать пришлось некоему старцу Перфилию, на три дня

взятому под стражу в Елецкую тюрьму. А *«черного попа Геласия»* велено было *«сыскать и, сыскав его, расспросить подлинно против челобитной ельчан всяких людей и про его побег, куды он от старца Перфилия побежал и для чего и куды бегал, и где был?»*.

Впрочем, «попа Геласия» так и не поймали, а старец Перфилий, как явствует из Переписных книг за 1646 г., благополучно пережил следствие и в 1629 г. вместе с другими заинтересованными лицами, как полномочный представитель Богородицкой обители, «земли своей грань» указал по требованию государевых писцов, проводивших заново размежевание владений боярина Романова и ельчан, на него жаловавшихся.

Благополучно пережил тяжбу с влиятельным боярином и Филипп Тюнин. В 1632 г. уже новый настоятель обители «игумен Прохор с братьею бил челом государю» о возвращении в состав монастырских земель починка Елисеевского, которым до того владел ельчанин Филипп Иванович Тюнин, как явствует из документа – незадолго перед тем скончавшийся. Братья умершего помещика «Федот да Олфер да Богдан» заняли явочным порядком выморочное владение, которое монастырь считал своим. И не зря, так как землю, по грамоте от 13 сентября 1632 г., обители все же вернули.

Сегодня, благодаря документам, на которые опирается в своих исследованиях воронежский ученый В. Н. Глазьев, мы можем более зримо представить себе Филиппа Тюнина – одного из отцов-основателей города Задонска.

В 2001 году увидела свет очередная работа Владимира Николаевича: «Власть и общество на юге России в XVII веке: противодействие уголовной преступности». Здесь автор активно использует елецкие документы, как раз и дающие возможность поближе познакомиться с одним из героев ранней истории Задонска. Дело в том, что Филипп не только командовал стрельцами, но и на закате жизни своей избран был губным старостой – своего рода шерифом или начальником уголовного розыска на подведомственной территории.

Как явствует из «книг разрядных» соответствующего периода, елецкий сын боярский Ф. И. Тюнин по елецкой десятне де-

нежной раздачи 1604/05 г. «новик», «деньгами верстан в 1603/04 г. в Ливнах, а поместьем верстан в 1601/02— 1602/03 гг.», поместный оклад 200 четвертей, денежный — 4 рубля 65 копеек.

По документам 1615—1616 гг. известно, что он выполнял обязанности елецкого стрелецкого головы. Под командованием Филиппа могло находиться до 1000 стрельцов.

По десятне 1621/22 г., донные хранящейся в Российском государственном архиве древних актов, Ф. И. Тюнин — дворовый сын боярский с окладом 650 четвертей, поместьем 520 четвертей, денежным окладом 30 рублей, 25 крестьянами, 8 бобылями.

В боевые походы вместе с Филиппом Ивановичем выходили несколько вооруженных слуг.

Тюнин служил на *«добром коне, в бехтереце, да в шапке в мисюрке, а ружья: саадак, да сабля, да самопал короткий, да за Филипом же конь простой добрый»*. «Бехтерец» был защитным доспехом для тела, который изготовлялся в виде куртки с застежками на плечах и на боку. «Шапка мисюрка» — шлем в виде железной шапочки с присоединенной кольчужной или пластинчатой защитой, прикрывавшей шею. Упомянутый в числе «ружья»-оружия «саадак» — это лук.

«Собою Филип добр», — засвидетельствовали современники.

В 1628 году Филипп Иванович Тюнин не только подписал челобитную против увозов крестьян, но и активно поддерживал выдвинутые против царя дяди обвинения, добиваясь справедливого разрешения елецких жалоб от комиссии, делегированной в Елец из Москвы «для подлинного сыску». Из материалов «елецкой челобитной 1628 года» явствует, что *«приходили шумом на съезжий двор ельчане ж Филип Тюнин, Евсей Немцов. И на них смотря и все ельчане, которых в московской челобитной руки, также к порожней бумаге рук прикладывать не почали, тем государево дело сперва поставили»*.

Видимо как раз эта, подкрепленная делом, принципиальность в получившей широкую огласку истории и заставила ельчан проголосовать за Филиппа Тюнина на очередных выборах губного старосты. Несмотря на его неграмотность, которая также зафиксирована в материалах «челобитной 1628 года». *«К сей челобит-*

ной Троицкий игумен Авраам за сына своего духовного Филиппа Тюнина руку приложил»...

В «делах десятен» по Ельцу, 1 февраля 1630 г. и 28 марта 1630 г. Филипп Иванович упомянут как местный губной староста.

В это же время против Ф. И. Тюнина были выдвинуты обвинения в увозе крестьян и использовании служебного положения для покрытия содеянного. Пострадавший от увоза елецкий сын боярский М. Н. Фаустов, жалуясь на Тюнина, писал: *«тот Филипп Тюнин научал воров говорить для свой бездельной корысти на добрых людей и сыски всякими не сыскивал».*

Иных документов, касающихся деятельности Ф. И. Тюнина на посту «начальника уголовного розыска», пока неизвестно. Как неизвестны и события последующих двух лет его жизни. Вплоть до 1632 года от Рождества Христова (7140 от сотворения мира, как считали в XVII веке), когда жизнь его окончилась, согласно документу о тяжбе по поводу починка Елисеевского. *«И того-де Филиппа Тюнина в прошлом во 140 году не стало».*

По мнению елецкого исследователя Д. А. Ляпина, Ф. И. Тюнин погиб на службе, не связанной с исполнением обязанностей губного старосты, являвшихся по сути «общественным поручением». Это утверждение обосновывается тем, что его вдова Матрена унаследовала поместье в деревне Короткой (Казыева тож) под Радушкиным лесом – такое наследование обычно практиковалось лишь в случаях, когда владелец поместья погибал «за царя и Отечество». Косвенно подтверждает эту версию не столь уж преклонный (даже для XVII века) возраст Филиппа Тюнина на момент кончины.

Как известно, в начале 1600-х годов Тюнин числился в «новиках». Так в России XVI–XVII вв. называли молодых дворян и бояр, достигших пятнадцатилетнего возраста, но еще не записанных на военную службу. В этом «звании» – новичков в своем деле – они обычно пребывали до 18 лет, после чего зачислялись в полк и переходили в разряд служилых людей. Филипп начал службу (был «поверстан») около 1603 года.

Следовательно, на момент смерти Ф. И. Тюнину возможно не исполнилось и 50 лет..

Монастырь, да к нему — слободка

Писцовые книги Засосенского стана Елецкого уезда 1628-1630 годов не только рассказывают нам об имущественном положении Тешевской обители, но и дают возможность поближе познакомиться с первыми «задонцами».

«За рекою ж за Доном: монастырь Тешевской на реке на Дону, усть речки Тешевки, под Тешевским лесом; ограда древена, ворота простые затворные на монастырь. А в монастыре церковь во имя Пречистые Богородицы Сретения Владимирския иконы; а в церковь поставленья и в церкви образа местные и книги и ризы и у церкви колокола и все церковное и монастырское строенье — дву старцев Кирилла и Герасима; да в монастыре же келлий: келья черного попа Геласия; келья старца Мисаила; келья старца Иева; пашни монастырские паханые б чети да перелогом да дикого поля 11 четвертей. И обоего пашни монастырские паханые и перелогом и дикаго поля добрые земли 21 четь в поле, а в дву по тому ж; сена нет.

Да к монастырю слободка Тешевка, под Тешевским лесом, на речке Тешевке на верхах; а в ней: двор белого попа Федора; двор дьячков — Бориска Васильева; двор пономарев — Антошка Иванова; да в слободе ж двор монастырской; да детенышей: во дворе — Ивашко Харин; во дворе — Кленка Харин; во дворе — монастырской служка Васка Юдин; во дворе Ларка Карпов; во дворе — вдова Акилина Зинина; да крестьянских дворов: во дворе — Васка Кривобок; во дворе — Данилко Воров; во дворе — Панка Голошуб; во дворе — Панка Онцыфоров; во дворе — Федка Гурев; во дворе Ларка Власов; да бобыльских дворов: во дворе — Самсонка Карпов; во дворе — Меркушка Терентьев; во дворе — Ульяновко Прокофьев; во дворе — Гаврилка Родионов; во дворе — Леонка Гончар; во дворе Алпатка Акатьев...» — такова первая достаточно подробная информация о будущем Задонске, известная по письменным источникам.

Что касается мирского населения слободки, принадлежавшей обители, то в него включены как монастырские крестьяне, так и

5 дворов неких «детенышей». К таковым традиционно относят крестьян, не имевших собственной пашни — из числа сирот, нашедших приют в монастыре, или наемных работников.

То, что в списке лишь одна женская фамилия — не случайно. Учитывалось в то время лишь податное население — плательщики разного рода налогов. А таковыми были главы семей. Лишь благодаря своему вдовству Акилина Зинина оказалась на страницах истории.

Не случайно и то, что при одной церкви есть как черный поп Геласий, так и белый — Федор — со своим причтом.

Согласно так называемым «Апостольским правилам», являющимся основой организации богослужения в православной церкви, монашеское духовенство, как отрекшееся от мира, не должно совершать некоторые требы и таинства, носящие мирской характер (крещение, брак). А потому и полагался единственной на округу монастырской церкви отдельный, «светский» клир, а сам храм одновременно числился и приходским.

В монастыре же старшим был о. Геласий. Это зафиксировано в другом документе того времени («челобитной ельчан 1628 года»): *«монастырь в Елецком уезде Пречистой Богородицы Задонский, а в нем черный поп Геласий, а игумена в нем нет».*

Обитель явно не была общежительной — каждый насельник проживал в личной, отдельно стоящей келье. И было таковых насельников всего трое.

Видный церковный историк, академик Императорской академии наук Е. Е. Голубинский дает подобным монастырям такую характеристику: *«В монастырях “несобственных”, или в монашеских слободах при приходских церквях, не было ничего вещественно общего: ни стола, ни одежды, ни келлий, ни церкви, ибо келлия у каждого была своя собственная. Они представляли собой нечто совсем вольное, своего рода казачество в монашестве... нет сомнения, что и нравственный надзор в них был до последней степени слаб и более номинальный, чем действительный. Каждый монах в них был сам себе игумен».*

Неясной остается судьба старцев Кирилла и Герасима, названных в процитированном выше отрывке основателями мо-

настыря. Но в списке насельников их имен мы не видим. Конечно, за 18 лет, минувших с 1610 года, могло случиться разное – могли отцы-основатели мирно опочить и упокоиться в стенах основанной ими обители. Но по некоторым данным судьба их могла быть трагична. Ведь в 1616-1617 гг., только-только обустроившемуся монастырю пришлось пережить набег «басурман».

Об этом сообщает рукопись XVII в., содержащая «Расспросные речи иноземцев и русских, возвратившихся из плена, присланных из Разряда в Патриарший дворец для допроса». В XIX в. она хранилась в частном собрании П. А. Муханова и была опубликована во 2-ом томе «Русской Исторической Библиотеки, издаваемой Русской Археографической комиссией».

Есть в «расспросных речах» и материалы допроса елецкого попа «*Левонтья*», датируемые 1624 годом. «*И тот поп роспрашиван, а в роспросе сказал*», что он, будучи только что поставлен во священники церкви Михаила Архангела г. Ельца, был взят в плен «*нагайскими татарами*» в 125 году «*тому восемь лет минуло о Никитине дни*» (1616/17 г.). Произошло пленение о. Леонтия «*в Елецком уезде, в Задонском монастыре*». А что Тешевский монастырь именовали и Задонским (по положению его «за Доном» относительно Ельца), уже с первых лет его существования, видно из документов того времени.

Налет татар на основанный около 1610 года Богородицкий монастырь позволяет предложить объяснение некоторых туманных моментов его ранней истории, включая судьбу основателей обители – Кирилла и Герасима, а также то, почему после более чем полутора десятков лет существования монастыря в его стенах спасаются лишь трое, как явствует из процитированной выше записи в Писцовых книгах 1628-1630 гг.

Ведь, если действительно именно на Богородицкий монастырь (наименование «Задонский» в данном случае указывает лишь на расположение монастыря «за Доном») был совершен этот набег ногайцев, пленивших тех, кто помоложе и порубивших тех, кто показался строптивым или для полона негодным, то все вышеупомянутое связывается воедино.

Например, соотнеся с «расспросными речами» обретение в 1827 году, при устройстве фундамента колокольни, «огромной могилы костей человеческих», мы можем предположить, откуда взялась здесь братская могила. Соответственно, страх перед опасным местом объясняет малое число насельников. В тех же Писцовых книгах упомянут набег татар 1626/27 гг. на деревню Юрьеву, что лишь несколькими километрами ниже, причем на менее опасном правом берегу.

Есть, правда, одно весомое возражение. В 1628 году упоминается *«все церковное и монастырское строенье дву старцев Кирилла и Герасима»*. То есть, на момент составления описи, сохранились здания (деревянные!) и инвентарь от первостроителей. Значит, монастырь не был ни сожжен, ни разграблен. А в XVII веке, если уж доходило до насилия («могила костей человеческих»), то без грабежа и пожара никак не обходилось. Известна челобитная иноков располагавшегося ниже по течению Дона Карачунского монастыря, подвергнутого татарскому набегу в 1659 году: *«Приходил под Воронеж крымский хан войною и монастырь... разорил... а братию всех и крестьян посекали»*.

Получается, набег на Тешевский монастырь был не столь опустошителен и жесток.

Так что расспросные речи «попа Леонтья» требуют дополнительного изучения, если оно, конечно, теперь возможно.

Ныне же нам, вслед за летописцем Задонского монастыря — иеромонахом Геронтием, остается лишь констатировать: в точности судьба основателей обители у Дона остается неизвестной. С известной долей вероятности можно предположить, что ко времени совершения реестровой записи 1628 года они уже так или иначе окончили свой земной путь на территории Тшевского монастыря, где и были упокоены. Причем, достигнув высшей ступени монашеского служения — схимы. По свидетельству о. Геронтия, старцы Кирилл и Герасим записаны были в монастырский помянник «в схимонасах».

Что же касается прочего населения слободки, упоминавшийся уже исследователь задонской старины С. Н. Введенский так прокомментировал перечень здешних первопоселенцев: *«Все эти и*

подобные им прозвища, на наш взгляд прямо указывают на то, что их носители были беглые и очень ненадежные люди. При первом удобном случае они могли без сожаления бросить свое тягло, чтобы поискать лучшей жизни».

Тем не менее, слободка росла, развивалась и к 1646 году, согласно Переписным книгам Елецкого уезда, насчитывала «47 дворов крестьянских, людей в них 73 человека, да 11 дворов бобыльских, людей в них 16 человек». Среди них вновь видим Голошубиных, Зениных, Терентьевых, Хариных, Акатовых, Юдиных, знакомых по записи рубежа 20-30-х годов XVII века...

При дороге, на перевозе

Но, хоть и знаем мы пофамильно первых «задонских» поселенцев, с точными их «адресами» дело обстоит сложнее. Известно, что Тешевка стояла «*под Тешевским лесом, на речке Тешевке, на верхах*». А где искать эти самые «верхи»? И что считать «речкой Тешевкой»?

Достаточно заметным ручейком Тешевка становится там, где ее пойму пересекает современная улица Бебеля в Задонске и где, парой десятков метров выше, сходятся два оврага, по которым сочатся воды сливающихся здесь ручьев. Так же выглядела Тешевка, судя по отзывам о Геронтия, и более ста лет назад. Если же вести речь о еще более ранних временах, то рельеф русла Тешевки и промытого ею оврага не позволяет сделать вывод о том, что когда-либо (кроме паводков и дождей) она была заметно более полноводной...

Иеромонах Геронтий, однозначно увязывал историческую Тешевку с современной ему, да и нам теперь, пригородной деревенькой (имевшей, кстати, и второе, предположительно более раннее, наименование «Арканы»), расположенной в верхах левого, лишь по весне оживающего притока. Хотя, в качестве основного русла предпочтительнее правый приток. А его верховья теряются в разветвленной системе весьма древних оврагов...

Планы Задонска конца XVIII в., фиксирующие старую застройку, показывают заселенность района современного автовок-

зала, улиц Максима Горького-Свободы на всем их современном протяжении, и участка от въезда в город со стороны Воронежа до начала улицы Урицкого. Но работа над первым Генеральным планом новоустройства города велась спустя более чем полтора века после начала освоения территории поселения.

Меж тем, есть «археологические» основания предположить, что дома Кленок, Федков и Акилин стояли на более близком к монастырю левобережье Тешевки.

Проводившиеся в 2003 году работы по прокладке теплотрассы выявили следы каких-то старинных деревянных конструкций у пересечения современных улиц Крупской и Ленина. Да и огороды задонцев, расположенные в этом районе города, периодически приносили «урожай» из материальных остатков, датируемых XVII веком.

Краевед В. И. Капитонов рассказывал о неоднократных находках «в южной части города, близ разделяющей его речки Тешевки» бусин, наконечников стрел и серебряных копеек, относящихся ко времени царствований Михаила Романова (1613—1645) и Алексея Михайловича (1645—1676)».

Причем, надо заметить, что «сеяли» эти копейки тешевцы отнюдь не от зажиточности. Жило сельцо, а в нем — его обитатели, весьма небогато. «Переписные книги Воронежской епархии монастырским вотчинам», датируемые 1702 годом, голос в голос повторяют сетования тешевского игумена с братией на то, что с крестьян, «за скудостью» оных, денежных поборов и запасов нет. Деньги вотчинников уходили на уплату податей, а с монастырем рассчитывались, выполняя работы в хозяйстве обители.

То, что слободке на берегу Тешевки в первые десятилетия ее существования было далеко до экономического процветания, свидетельствуют и колебания численности ее населения.

В 1657-58 годах в слободке было 39 бобыльских и крестьянских дворов. Через три года — 58. А потом начался временный упадок поселения. В 1678 году насчитывает оно 41 двор. К 1702 году «убыло 7, осталось 34 двора».

А вот реестр монастырской вотчины и ее населения от 1706 года: «И всего за монастырем... слобода живущая ея, да починок да

пустошь в пусте, а в слободе 28 дворов крестьянских людей, в них 116 человек, 4 человека в бегах, 4 двора бобыльских людей, в них 7 человек, и всего крестьянских и бобыльских 32 двора, людей в них 132 человека».

И в то же время, нельзя сказать, что Тешевский монастырь бедствовал. К 1690 году численность монахов выросла до 12 человек. А в 1702-м в стенах обители спасались четверо монахов в сане, 15 простых монахов и три трудника. Жили они на ежегодное денежное жалованье, выплачивавшееся из монастырской казны: игумену – 2 рубля, двум «черным попам» – по 40 алтын (1,2 р.), дьякону 20 алтын (60 коп), десяти монахам – по полтине, пяти другим монахам да трем трудникам – по 30 коп.

Хлебного жалованья не полагалось – питались в общей трапезной. ***Таким образом в 1702 году мы наблюдаем уже не «своекоштный», как в первые годы существования, а общежительный монастырь.***

Расход вина церковного составлял 3 ведра в год. При этом вино, ладан и свечи *«иногда подают мирские люди»*.

На прочее же приходилось изыскивать средства от имевшихся источников дохода, включая приношения прихожан, сельское хозяйство и некоторые другие предприятия и промыслы. За обителью числилась 381 четверть земли, покосы на 450 копен сена, рыбные ловы в 2-х местах на Дону, торг, перевоз и мельницы.

Правда, большая часть собственности обители, по тем или иным причинам, не отличалась высокой доходностью.

Так, например, часть сенокосов была распахана, часть заросла «дубровою», а вдоль Репца покосами не давали владеть ельчане, дети боярские, «села Уткина жители», потому что «покосы по урочищам имянно к монастырю не написаны, а у них, детей боярских, покосы по реке Репцу в дачах». Так что приходилось сенные покосы до 400 копен нанимать у посторонних помещиков. Косили монастырские крестьяне.

От ловли в небогатом, как и сегодня, рыбой Дону большой выгоды монахи не имели. По свидетельству документов, датированных 1696 годом, от рыбной ловли Тешевской обители «прибыли нет, только малое число идет про монастырский обиход».

Сети забрасывали в двух плесах. Один начинался с современного Задонского городского пляжа, «Песочка» по-тогдашнему, и уходил под «Крутые», а второй начинался от устья Каменки.

Невелик был толк и от мельниц. Главная, по свидетельству о. Геронтия, была устроена близ монастыря и приводилась в действие запруженными водами Тешевки пока та не иссохла до такой степени, что и запруда потеряла смысл. Еще одна монастырская мельница, устроенная на речке Проходне без запруды, «об одном камне», молола зерно только «вешнею водою». В 1696 году обветшавшую проходненскую мельницу отдали «покровскому попу Ивану» на два года безоброчно, с условием, что он отремонтирует ее своими силами. А с 1698 года поп Иван должен был в течение последующих 20 лет платить за пользование мельницей Тешевскому монастырю по 2 рубля в год. Кроме того должен был арендатор в рясе молоть безвозмездно по 20 четвертей монастырского зерна. Только что-то не заладилось, и, ввиду неуплаты оброка, монастырь у попа Ивана мельницу отобрал. Но стояла она на начало XVIII столетия «пуста»...

Как упоминалось выше, владел монастырь и «торгом». Под «торгом» подразумевается участие в уже тогда бывавших на берегу Дона ярмарках, проводившихся в дни праздников, посвященных главной святыне Тешевского Богородицкого монастыря — Владимирской иконе Божией Матери.

По данным 1702 года, Тешевскому монастырю принадлежало *«15 лавчонок и шалашей на приезде для торгу, а торг бывает о празднике Владимирской Богородицы, приезжают из разных городов разных чинов люди, торгуют только один день»*. С каждой ярмарки монастырь собирал до двух рублей.

Но главным мирским источником монастырских доходов был отданный обители на откуп безоброчно в 1694 году и содержавшийся ее средствами перевоз через Дон на дороге Москва-Воронеж, приносивший в лучшие годы прибыль до 15 рублей серебром. А в прочие — «3-4 рубля неровно». Обслуживали перевоз 3 наемных работника, получавших по полтора рубля в год, а также «свои крестьяне» в рамках крепостных повинностей. На починку перевоза деньги брались из монастырской казны.

Особенно оживилось движение по дороге через перевоз мимо монастыря за Доном в связи с началом работ по сооружению в Воронеже верфей для будущего флота России.

Но, казалось бы, благотворное для владельцев перевоза усиление интенсивности движения по дороге на Воронеж особой радости у тешевских монахов не вызвало. В 1698 году подали они следующую жалобу-челобитную: *«На тот перевоз надлежит проезжая большая Московская дорога и через тот перевоз переезжают, едучи с Москвы на Воронеж и с Воронежа к Москве со всякими великого государя полковыми припасы и служебные всяких чинов люди, а перевозного с них не емлют, а меж служилых людей и промышленные многие люди переезжают безденежно».*

Отметим, что именно на рубеже XVII-XVIII веков, как свидетельствуют документы того времени, маршрут дороги на Воронеж сформировался практически в нынешних его чертах. Соответственно, принадлежавший Тешевскому монастырю перевоз стал главным местом переправы через Дон в округе.

Подтверждение этому находим в документах первых лет века XVIII, характеризующих экономическое положение Елецкого Богородицкого девичьего монастыря на Каменной горе, где имеется запись о том, что этот монастырь с 1688 года владел «безоборочно» перевозом через Дон напротив села Мокрый Боярак (Ржавец). И с этого перевоза шло в монастырскую казну рублей по 5 – 6 за год. *«Ныне же, – говорится в документе, – дохода малое число... На перевоз идет мало народу, потому что большая дорога идет через перевоз Тешевского монастыря, а здесь дорога залегла».* Связано это, в частности, с упразднением находившейся близ Ржавца достаточно солидной деревянной крепости, относимой к числу «загадок» местной истории.

Об этом укрепленном городке, в лучшие свои годы бывшим явным центром ближней округи, известно немного. Но однозначно можно сказать – к истории возникновения и развития города Задонска крепость в Ржавце прямого отношения не имеет. Первоначальной побудительной причиной ее устройства мог быть как все еще существовавший страх перед татарскими набегами (последний отмечен в Елецком уезде в 1677 году), так и

соображения контроля за придонской округой, весьма сочувственно среагировавшей в начале 1670-х годов на восстание Степана Разина. Согласно «Воронежской летописи» в 1670 году велено было воронежскому воеводе *«по всем причинным местам поставить заставы крепкие, чтобы ни из которых городов и из уездов на Дон и на Волгу к Стеньке Разину и воровским казакам никакие люди ни с чем не проходили и не проезжали»*. Последующие модернизации обветшавшего острога, фиксируемые известными документами, можно связать с Азовскими походами Петра I (1695-1696 гг.).

Ржавецкая крепость, в период своего существования, не играла активной оборонительной роли, а являлась своего рода «военным городком» для размещения одной из резервных воинских частей, отчасти выполняя «полицейскую» функцию контроля за округой. Окончательно потеряв свое военное значение в связи с успехом Петровских завоевательных походов к Азову, Ржавецкий острог был 1 января 1702 года передан адмиралтейцу Ф. М. Апраксину как часть поместья, дарованного царем «за ево многую к нему Великому Государю, верную службу». А затем, скорее всего, разобран на строительный материал, использованный для «укрепления» уже мирных объектов на доставшейся Апраксину территории, которая, лишившись крепости, утратила и свое лидирующее в округе положение. Все здешние дороги, можно сказать, вели теперь в будущий Задонск...

Через него и проследовал в августе 1682 года к месту назначения св. Митрофан, первый епископ Воронежский. Достоверно неизвестно, посещал ли святитель Богородицкую обитель, но можно предположить, что вряд ли он миновал гостеприимный кров монастыря, столь удобно расположенного при «большой Московской дороге».

В 1700 году дорога Москва-Воронеж через Елец стала государственной. Вот что писал Петр I: «На Воронеж. Стольнику нашему Еремею Назарьевичу Хрущеву. В нынешнем 1700 году... Учредить почту по станом от Москвы..., от Ельца до Дону, от Дону до Хлевного».

В книге известного липецкого краеведа Л. Е. Рудакова «По следам легенд» находим немаловажное замечание о том, что связанный со строительством флота в Воронеже поток грузов и пассажиров *«притягивала и выстроенная в начале XVIII века дорога Москва-Воронеж, через Елец. Привыкший экономить время, Петр I это... расстояние часто преодолевал менее чем за трое суток»*. Информацию о поездках Петра Великого по дороге, пролегшей мимо Тешевского монастыря, липецкий краевед дает со ссылкой на многотомное исследование М. М. Богословского «Петр I».

Получается, что и по задонской земле ступала нога Петра Великого, ежели он, конечно, покидал здесь по какой-либо надобности везшую его карету...

Произведенное в начале XVIII века обустройство старой дороги за счет государства и придание ей тем самым официального статуса, еще более оживило здесь движение, а значит – способствовало дальнейшему росту и экономическому укреплению слободы, расположенной в узловом месте бойкой трассы. Одновременно, с ростом числа проезжающих, а значит и паломников, росли доходы Тешевского монастыря. Так что, несмотря на официально высказанное монахами в 1698 году недовольство, усиление интенсивности движения через содержащийся монастырем перевоз не могло не сказаться на экономическом благополучии как обитатели, так и слободки при ней.

Тем более, дорога мимо Тешевского монастыря, как более удобная и короткая, постепенно стала основной трассой Москва-Воронеж, оттеснив на второй план главный прежде тракт того же маршрута, пролегавший через Ранненбург (Чаплыгин).

Правда, поначалу оскудевшую дворами и людьми Тешевку обидели – почтовая станция при переправе на обновленной дороге была устроена за рекой – в Понарьино (так именовалось Панарино). Следующую смену лошадей делали уже на станции Дол (современная Введенка). Объяснение этому дает карта конца восемнадцатого столетия, на которой ясно видно, что почтовая дорога через Тешевку первоначально не проходила. Миновав Дон, путники следовали в Воронеж берегом излучины реки, вдоль подножия холма, на котором расположился монастырь...

Тем не менее, Понарьино не суждено было воспользоваться плодами столь роскошного государева подарка как ямская станция и возможность зарабатывать на обслуге пассажирского транзита. Доходы, извлекаемые из карманов проезжающих, оседали все же на левом берегу, чему немало способствовало наличие здесь монастыря, уже на раннем этапе своей истории привлекавшего немало паломников.

Особым уважением пользовалась Богородицкая обитель у Войска Донского. Наиболее значительный вклад на устройство монастыря от казачества сделан был Варварой Ивановной Фроловой – женой атамана Василия Фролова и невесткой знаменитого Фрола Минаева, бывшего разинского атамана, перешедшего на государеву службу и прославившегося при штурме Азова войсками Петра I в 1695 г.

Эта набожная и чадолюбивая женщина благодарила Тешевской обители с тех пор как в 1742 году ее старший сын – бригадир и казачий старшина Иван Васильевич Фролов был упокоен в здешних стенах. Возвращаясь из Москвы в Черкасск, он в дороге опасно занемог и обрел последний приют в Богородицком монастыре. С разрешения епархиального начальства он был похоронен под алтарем Владимирского собора.

Показательно, что уже в 1740-х годах основные строения обители, включая и ограду, получили каменное воплощение.

Произошло это благодаря умелой экономической политике игумена Евфимия (Евсевия – в схиме), бывшего не только мудрым духовным наставником братии, но и сметливым хозяйственником. И все же, при всей хозяйской сметке, вряд ли удалось бы игумену одеть обитель в камень, не заложи еще его предшественники достаточную для этого финансовую базу. Причем, процесс накопления денег, потребных для возведения более основательных кирпичных построек взамен деревянных, не занял у тешевских монахов слишком много времени.

Всего несколькими десятилетиями ранее монастырь пришлось отстраивать заново после разрушительного пожара 1692 года, доглатившего тогда еще деревянные постройки, а с ними – и архивы монастыря. Среди бушевавшей огненной стихии

неопаленной осталась лишь Владимирская икона Божией Матери, поставленная в иконостас первой церкви Богородицкого монастыря еще первостроителями – старцами Кириллом и Герасимом. Слухи о чудесном спасении из пламени и без того чтимой в округе иконы заметно усилили приток паломников и пожертвований.

«Самыя существенныя средства содержания получались Задонскою обителью от честныя чудотворныя иконы Богородичныя Владимирския, к которой притекали во множестве усердствующие поклонники и доброхотно оставляли посильные лепты свои на благоустройство честной обители», – сообщает о. Геронтий.

И уже на следующий год после пожара игуменом Трифоном была сооружена *«вторая деревянная церковь Владимирская на месте прежней, сгоревшей, и прочее монастырское сгоревшее строение также было возобновлено “деревянным зданием”»*. И вот – в конце 30-х годов XVIII века – новое строительство, причем, куда более масштабное!

В 1736 году было начато и в 1741 закончено строительство двухпридельной каменной церкви.

Главный престол освящен был, как и прежде, во имя Сретения Владимирской иконы Богоматери. Правый придел – в честь рождения Иоанна Предтечи; левый – во имя Евсевия, епископа Самосатского (судя по всему – небесного покровителя игумена-строителя). Кроме того парадная, западная стена ограды и ворота в ней были выложены из кирпича.

«Против соборной церкви сооружена каменным же готическим зданием колокольня, примыкавшая передней стороною к означенной ограде; внутри оной в первом этаже устроен был храм во имя Святителя Николая; по обе стороны колокольни построены о двух этажах келлии с кладовыми для настоятеля и казначея; приобретена ризница и утвари престольныя», – так рассказывает об обновлении обители о. Геронтий. Кое-что из построенного схиигуменом Евсевием дожило и до дней сегодняшних. Это, частично, кирпичная стена, отделяющая собственно монастырский двор от колокольни и гостиницы, а также башня, завершающая северный конец старинной стены.

С «хозрасчета» — на «бюджет»

Возведение кирпичных зданий в то далекое и не слишком обустроенное время, надо думать, обошлось Тешевской обители не дешево. Тем не менее, средства нашлись, и работы завершились успешно. При этом есть все основания впрямую связывать упрочение финансово-экономического благополучия Богородицкого монастыря в начале XVIII века именно с обустройством и изрядным оживлением московской дороги. Вряд ли тут может идти речь о повышении доходности вотчины. Она и прежде, как уже было сказано, «за скудостью» вотчинников являлась малоодоходной, а к середине восемнадцатого столетия стала еще и трудноуправляемой из-за все возраставшей строптивости крестьян.

Как сказано в «доношении», датированном 1752 годом, *«самовольные крестьяне над нижеписанными настоятелями наперед чинили непорядки, а имянно: архимандрита Питурима, вытоща из настоятельской ево кельи за волосы за монастырь били ево немилостиво, а игумена Ефимия намерены были убить до смерти, который из их злодейских рук едва мог высвободиться, при чем имеющуюся на нем игумене в то время ряску всю в ключья изодрали»*. О случившемся игумен Евфимий доложил по инстанции и *«чрез присланного из дому архиерейского казначея» «злому вымыслу... зачинатели» «были плетью нещадно наказаны»*.

Впрочем, нелады монахов с вверенными им управлению крепостными имели место не только в Задонске. Свидетельство тому — определение Святейшего Синода Российского от 1753 года, в котором отмечается, что крестьяне монастырские *«по восприятию свою бесстрашию, своевольству же и дерзновению, в некоторых местах оных архиереям и монастырским властям и подчиненным им во всем явно чинятся весьма непослушно и противны, и по нарядам от домов архиерейских и монастырей своих... надлежащих работ и других изделий исправлять не хотят, и отрицаются, и, таким образом, по немалой части сами себя разоряют и не в состояние приводят»*.

Как тут не вспомнить строки из описания экономического положения Тешевского монастыря, свидетельствующие о том,

что крепостные его крестьяне обрабатывают пашни обители «из своей воли».

Более того. Сохранились подробные сведения о конфликте, разгоревшемся летом 1752 года и прекрасно иллюстрирующем приведенное выше синодальное определение.

В 5-ом выпуске «Воронежской старины» можно познакомиться с «Доношением Задонского архимандрита Варсанофия о самовольстве и непослушании монастырских крестьян». Из документа следует, что в течение нескольких лет между монахами и их крепостными имела место некая негласная договоренность – крестьяне без спроса обкашивали монастырские сенокосы, чтобы в дни Владимирских ярмарок заработать копейку-другую и поправить, так сказать беспощлинно, свои дела, а монахи закрывали на это глаза, так как сена всем хватало.

Но лето 1752 года выдалось засушливое, травы горели на корню и «к сеножатию угодий» имелось мало. Впору было задуматься, чем зимой скот кормить. Причем, не только монастырский, а и слободской. Вот архимандрит Варсанофий и наказал тешевскому старосте Ивану Воргущину, чтобы крестьяне *«все до одного человека, как монастырское, так и свое сеножатие во время ярмарочное не косили и в продажу чтоб травы не употребляли, дабы от того в сене впредь последовать не могло каких недостатков»*.

Но крестьяне должного послушания не проявили. Напротив, *«лучше сеножатвенные места прежде времени повыкосили и в ту ярмонку (3 июня) продали, а протчую траву потолочили»*.

Чтобы это не повторилось, поставил архимандрит надзирать за сенокосами монаха Питирима. Да только не смог монах за всеми уследить. И придя на торг в день очередной (27 июня) Владимирской ярмарки обнаружил там крестьянина Козму Рублева, торгующего монастырским сеном. На высказанные претензии *«оный крестьянин учел безсовесно, яко сущей злодей, кричать и бранить ево, монаха, всякими скверными и непотребными словами»*. Слово за слово, монах схватился за прут и ударил Рублева *«раза два по спине слегка»*. На что *«оный крестьянин Рублев, бросясь на ево, монаха, яко настоящий злодей и ухватя ево обеими руками за волосы и бороду драл немилостиво»*. Отбили монаха во-

ронежские купцы. В результате о. Питирим лишился части волос на голове и клока бороды. Рублев же отделался штрафом, при полной, судя по всему, поддержке его действий со стороны односельчан. Ибо архимандрит был весьма озабочен тем, как бы и над ним *«не учинили такого же вредительского и злодейского случая»*. И в итоге, *«ради того, а наипаче, чтобы оные крестьяне не могли учинить какого мятежа и во время ярмоначное возмущения, принужден был дать по их воле, что хотят, то учинять»*.

Как видно из заключительных строк «Доношения», для тешевского архимандрита возможность крестьянского бунта представляется достаточно реальной. В смирении своих крестьян он явно не уверен. Да и о каком смирении можно вести речь, когда, по сообщению о. Геронтия, тешевцы не только не признали своей вины, но и возбудили дело в суде против своих хозяев. И 24 июля 1752 г., как сказано в примечании к с. 116 «Описания...»: «за № 5 было дело в земском суде об отнятии архим. Варсанофием земли сенных покосов у крестьян села Подтешеваго».

Понятно, что в таких условиях о больших выгодах с вотчины говорить не приходится.

По предположениям И. П. Тарадина, сделанным на основе среднеарифметических расчетов (он разделил сумму доходов монастырей Воронежской епархии на число их крепостных), в 1762 году доход Тешевского (Задонского) монастыря от вотчины мог составлять 58 рублей 57 копеек, а хлебом – 435 четвертей. А вскоре монастырь и вообще лишился вотчинного владения. В рамках проводившейся правительством Екатериной II политики секуляризации церковных владений, монастырская слобода в 1765 году была переведена в разряд «экономических» – то есть, подведомственных государству.

По данным ревизии 1744 года, в Тешевке числилось 236 душ крепостных. 3-я ревизия, наиболее близкая к моменту секуляризации, зафиксировал в слободе 305 ревизских душ.

И тут стоит отметить, что есть данные, позволяющие уверенно говорить о том, что население слободки с довольно раннего периода ее существования не ограничивалось лишь монастырскими крепостными. С первых лет, как указывают документы

начала XVII века, жили здесь представители и иных социальных категорий. Естественно, что с годами их число также росло.

Лишение монашеских общин вотчинных владений сопровождалось закрытием их или официальным утверждением в качестве монастыря с присвоением класса и утверждением соответствующего штатного расписания. То есть – переводом с «хозрасчета» на «бюджет».

29 апреля 1764 года Святейший Синод определил оставить штатными 5 монастырей Воронежской губернии. В их числе был и «Богородицкий Задонский монастырь».

При учреждении монастырских штатов Задонская обитель была отнесена к III классу, с ежегодным штатным жалованьем 806 рублей 30 копеек серебром. Штат определен был в 15 человек. Но реально в 1764 году в стенах обители спасались не только положенные по штату 15 насельников, но и трое сверх штата.

Первоначально, как сообщает автор «Монашества на Дону» П. В. Никольский, для черных работ в штатных монастырях были оставлены служители из бывших крепостных, получивших статус экономических. Работа на монастырь засчитывалась им в несение государственных повинностей. Но, как всегда бывает в таких случаях, связанных с «общественными» работами, большой пользы труд малоинтересованных в результатах работников не принес. Более того, породил многочисленные жалобы и тяжбы, в которых одна сторона обвиняла другую то в недоработке, то в чрезмерной эксплуатации.

И 17 января 1768 года практика бесплатного, в зачет, привлечения бывших крепостных к работе в монастырях была отменена. Дополнительно к штатным деньгам решено было ассигновать суммы, необходимые на вольнонаемных работников.

По данным, приводимым П. В. Никольским, штат наемных служителей для Задонского монастыря определен был в 9 человек, на содержание которых из казны причиталось обители 46 рублей 91 с четвертью копейка (по 5 рублей 21,25 коп. на каждого служителя в год).

Так завершался первый период в жизни слободки и монастыря, благодаря которому она появилась.

Прожив бок о бок, в едином хозяйственном механизме, добрых полтора века, Тешевская (Задонская) обитель и бывшая ее вотчина – Тешевка теперь учились жить врозь. Особенно перестраиваться при этом не пришлось – крепостное население слободки просто поменяло хозяев, а монахи, избавленные мудростью власти от неспособствующих молитвенному сосредоточению хозяйственных забот, получили возможность сосредоточиться на том, ради чего издревле и создавались монастыри – молитве о грехах своих и мира. Правда, как видно из источников, тешевские монахи, как и многие прочие российские черноризцы XVIII века, не слишком спешили предоставившейся возможностью воспользоваться.

Хотя им, отрешенным от маммоны кесарем, по воле Господней, предоставлен был уникальный шанс соприкоснуться с горним – в 1769 Богородицкую обитель избрал для пребывания на покое бывший епископ Воронежский Тихон (Тимофей Савельевич Соколовский). Именно в стенах Задонского монастыря, этот архиерей, оставивший епископскую кафедру по болезни, достиг небесных высот на пути земном. Здесь родились главные духовные сочинения, принесшие ему славу «Российского Златоуста». Здесь суждено было св. Тихону многое претерпеть и еще большее приобрести, чтобы в конце концов увенчаться благоуханным венцом святости.

И, в связи с этим, уместно еще раз вспомнить уже упоминавшегося архимандрита Варсанофия II. Ведь в истории Задонска остался он не только благодаря конфликтам с тешевскими крестьянами. С его именем сопряжено и еще одно обстоятельство – уже не материального, а мистического плана, сохраненное в монастырских преданиях. Рассказывали, что он «обмирал» и «слышал глас», возвестивший, что *«здесьнее место прославлено будет одним Божиим угодником»*. И прореченному «гласом» суждено было исполниться...

УКАЗОМ МАТУШКИ ЕКАТЕРИНЫ

По требованию местных выгод

Правление Екатерины II (1762—1796), в числе прочих заметных шагов по укреплению Российской государственности, ознаменовано было активнейшей градостроительной деятельностью. В том числе и на некогда дикой придонской «украине».

За полтора столетия, минувшие с начала его заселения, Воронежское Подонье стало неотъемлемой и вполне цивилизованной частью формировавшейся империи. А потому, в отличие от конца шестнадцатого столетия, когда строительство городов в бассейне Верхнего Дона продиктовано было прежде всего необходимостью обороны южных границ от посягательств беспокойных соседей, градостроительная политика Екатерины Великой ориентирована была на решение задач, связанных с централизацией и упорядочением государственного управления.

Доныне авторитетный исследователь истории развития городских поселений в России Ю. Р. Клокман комментирует это следующим образом: *«...уходил в прошлое прежний тип города-крепости, военно-административного пункта. Последний все более уступал свое историческое место городу нового типа — хозяйственному центру данной округи».*

А вот что писала о градостроительстве сама императрица Екатерина: *«С самого первого основания общежителства познали все народы пользы и выгоды от устройства городов, проистекающие не только для граждан тех городов, но и для окрестных обывателей... Полезным таковым управлениам предков наших мы стараемся под-*

ражать по мере размножения народа и возвращения богатства его, как то свидетельствуют города в двадцатитрехлетнее царствование Наше воздвигнутые повсюду, где требовали того или местные выгоды, или стечение окрестных жителей...»

Именно по «требованию» этих самых «местных выгод», главной из которых являлось «расположение при большой Московской дороге», бывшая слобода Задонского Тешевского монастыря и была возведена в статус города указом императрицы от 25 сентября 1779 года.

Об этом недвусмысленно свидетельствует «Записка о городах новосоставляющегося Воронежского наместничества», поданная на высочайшее имя воронежским генерал-губернатором Е. А. Щербининым: *«Город вместо Орлова вновь назначается именуемой Задонский монастырь. Оное место полагается быть городом потому что: во-первых, положением своим состоять будет в середине округи, к нему отделяемой, а к тому при самом входе из Воронежского в Орловское наместничество, на берегу реки Дона и на большой Московской дороге, где бывають в году две немалые ярмонки и лесом также для выстройки близким снабжен. Город же Орлов уничтожается, потому что он, будучи при разлегости своей от губернского города Воронежа в ближнем положении способен по вмещению в Воронежскую округу и не на большой дороге».*

«Записка» эта была составлена в рамках подготовительной работы, проведенной во исполнение «Учреждения для управления губерний Всероссийския империи» от 7 ноября 1775 года.

Этот документ определял новую административно-территориальную организацию Российской империи. Страна делилась на 48 губерний или наместничеств, подразделявшихся на уезды с населением численностью 20—30 тысяч человек.

Воронежская губерния, состоявшая с петровских времен из пяти провинций, также подверглась реорганизации. Провинции сменили уезды. Елец, в уезде, а затем и в провинции которого числилась слобода Тешевка, относившаяся к Засосенскому стану, вошел по новому «учреждению» в состав Орловской губернии. А Тешевку, расположенную при переправе через Дон на важной транспортной артерии, решено было сделать центром

одного из новых уездов, создававшихся на месте ликвидированной провинции.

В именном, данном Сенату Указе Екатерины II «О составлении Воронежского Наместничества из 15 уездов» от 25 сентября 1779 года было объявлено: *«Всемилоостивейше повелеваем Нашему Генералу-Поручику, правящему должность Генерала-Губернатора Воронежскаго Щербинину, по изданным от Нас в 7 день Ноября 1775 года учреждениям, исполнить равномерно и в Воронежском Наместничестве, состава оное из 15-ти уездов, и именно: Воронежскаго, Задонскаго... Вследствие чего быть городами: селению под монастырем Задонским, именуемому Слободка... назвать их Задонской...».*

К сожалению неизвестно, как непосредственно в Тешевской слободе было обставлено возведение бывшей вотчины местного монастыря в статус уездного города.

Мы можем лишь представить себе, что Указ императрицы провозглашен был, по старой русской традиции, в стенах единственного храма поселения – Владимирской церкви – после торжественного богослужения, собравшего всех будущих горожан. А что такое богослужение состоялось, мы узнаем из воспоминаний В. И. Чеботарева – келейника святителя Тихона. Совершено оно было на Рождество – 25 декабря 1779 года, спустя три месяца после подписания императрицей указа «О составлении Воронежского наместничества».

Л. Е. Рудаков, в книге «По следам легенд», пишет, что *«процедура учреждения новых городов... проходила весьма торжественно и помпезно. На открытии уездных и городских учреждений непременно присутствовали представители губернской администрации, а нередко и сам наместник».* Далее сообщается, что еще в процессе подготовки к административному переделу наместник *«лично объезжал вверенную ему территорию и определял, где быть новому уездному городу. При этом его сопровождал отряд землемеров, которые немедленно производили съемку местности и существующих зданий, нужную для составления генплана города».*

В нашем случае есть основания предполагать, что на территории будущего Задонска подобная подготовка проводилась задолго до итогового события. Возможно, с 1772 года.

Брошюра «Задонский Богородице-Тихоновский (Тюнин) женский монастырь», сообщая о том, как работавший над составлением генплана Задонска губернский землемер встретил в лесу святителя Тихона, обустроивавшего Тюнинский источник, именно так датирует этот случай (во всех трех изданиях). Быть может, это — всего лишь повторяющаяся опечатка в дате (Генплан Задонска утвержден в 1782 году). Отец Геронтий, кстати, рассказывая об этом случае, говорит о «конце 1770-х годов».

Если же датировка не ошибочная, то это может быть косвенным подтверждением высказанного задонским краеведом М. В. Егоровым предположения о том, что возвести монастырскую слободку в статус города решили ранее 1775 года, а принятие екатерининского «Учреждения...» лишь ускорило процесс. Основанием для подобного предположения стало, в частности, то, что святитель Тихон уже в первые годы своего пребывания в Богородицком монастыре подписывает письма как «Задонский». А в одном случае — 24 января 1776 года, и вообще: «Тихон. Задонск». Но это лишь гипотеза.

Точно же известно лишь то, что **первый генеральный план Задонска был утвержден Высочайше 19 марта 1782 года.**

Благодаря тому, что первое, «екатерининское», планирование Задонска осуществлялось практически на чистом «листе» земли (слободка насчитывала несколько десятков домов), город имеет идеально прямые широкие улицы, четко ориентированные по сторонам света. Это выгодно отличает его в плане удобства застройки и прокладки коммуникаций от поселений с более древней городской историей (того же Ельца, к примеру).

Почти полугодом ранее, на вторую годовщину своего существования — **21 сентября 1781 года — новоучрежденный город, согласно Высочайше утвержденному докладу Сената «Об утверждении гербов городам Воронежского Наместничества», получил свой герб.**

Символом Задонска стала *«за Доном рекою построенная башня в серебряном поле, означающая подлинное положение сего города».*

Как, впрочем, явствует из полученного по указу от 25 сентября 1779 года названия «Задонской», не только геральдический символ, но и само имя означало «подлинное положение сего

города». В более звучное «Задонск» оно превратилось несколькими годами позже, а первоначально звучало всего лишь как первая часть довольно безличной фразы «задонский город». Тем не менее, название «Задонской», при всей его незамысловатости, вовсе не является случайным. Именно Задонск для жителей северных губерний, следовавших в южные пределы России по пролегавшему через Воронеж главному в то время почтовому тракту этого направления, был единственным населенным пунктом, расположенным сразу за Доном.

По документам видно, что определение «Задонский» уже более полутора столетия использовалось как имя собственное применительно не только к Тешевскому мужскому монастырю, но и к селению, ему принадлежавшему.

Так, в «челобитной ельчан разных людей 1628 года» указан *«монастырь в Елецком уезде Пречистой Богородицы Задонский»*. Такое наименование, а также смешение двух вариантов – «Задонский Тешевский монастырь» – встречается и далее.

А в «Книге окладной приходной 1724 году города Воронежа Дому Архиерейского Казенного Приказу сбору Воронежской епархии городов с церковей данных и протчих положенных доходов, которые положены по окладам» упоминается церковь *«Владимирския Пресвятыя Богородицы в селе Задонском монастыре»*.

Все более частое использование наименования «Задонский» связано с окончательным утверждением маршрута главного пути на Воронеж через Дон именно мимо Тешевского монастыря.

С годами топонимическая привязка обители и поселения к речке Тешевке и Тешевскому лесу, также и по причине изменения топографии местности, становится все более редкой.

Дело в том, что за время строительства флота российского в Воронеже при Петре I Тешевский лес *«от деревни Уткино до Лебедянского рубежа»* был *«посечен весь»*.

А с исчезновением леса в ручей окончательно превратилась Тешевка, и без того бывшая немногочисленной и со стороны малозаметной. И для новых поколений власть предрешающего чиновничества, составлявшего бесчисленные описи и реестры, более

удобопонятной показалась привязка монастыря и слободки к Дону – относительно Ельца, как центра уезда, и Москвы, как столицы.

В итоге в указе 1779 года речь и идет о «монастыре Задонском» и некогда ему принадлежавшем «селении Слободка».

Первые годы задонские

Документы, достаточно подробно характеризующие состояние Слободки к моменту присвоения ей городского статуса, легко доступны и сегодня благодаря публикациям воронежских историков конца XIX – начала XX века и постсоветского периода. По ним вполне можно составить общую картину первых лет жизни Задонска.

Об экономическом состоянии слободы, ставшей Задонском, на 1775 год нам рассказывает «Рапорт Воронежскому губернатору от коллежского советника и Елецкой провинции воеводы».

Крестьяне слободы Тешевки, как сообщает это документ, «пашенной земли имеют 401 четверть, санных покосов 14 десятин. А по объявлению крестьян и сторонних людей достается на ревисскую душу пашни не более одного осминника в поле, за тем, что земля по большей части поросла мелким лесом. А вдобавок к своей пашне и санныя покосы наимывают у соседственных с ними владельцев. При том селе имеется лесу селидебного казенного до 20 десятин, а сверх того и дровяного до 30 десятин. И из дровяного крестьяне довольствуются сами, а несколько отвозят для продажи в город Елец, селидебный же им рубить запрещено».

А благодаря генеральному плану, куда была нанесена и существовавшая прежде застройка, точно известно, что к 1779 году слобода состояла из трех частей. Дома слобожан, как мы уже упоминали выше, располагались как по обоим берегам речки Тешевки, так и в районе современной автостанции Задонска.

В 1781 году, когда Задонску только-только исполнилось два года, местные власти получили из самой столицы, через губернскую канцелярию, опросный лист Императорской Академии наук, со списком вопросов, ответы на которые «потребны для

Географического и Исторического описания всей Российской Империи». Как ответ, родилось сочинение под названием: *«Описание, учиненное в Задонском Уездном Суде обще з Задонским же Городничим и Нижним Земским Судом, против запросов учрежденной при Императорской Академии Наук Камисии, 1781 г., Ноября 25»*. Документ этот был опубликован Л. Б. Вейнбергом в XV томе «Материалов по истории Воронежской и соседних губерний».

О Задонске в нем сообщается, что *«Онай город положение имеет на высоком месте близ реки Дона и озера по течению оного на левой стороне; жители поселение имеют по обе стороны реки Тешевки, впадающей в реку Дон, на гористом месте»*.

Есть упоминание о некоем озере: *«Близ оного города состоит озеро, длиною сто девяноста [ок. 290 м.], а попережены сорок сажжен [ок. 60 м.]; реки никакия чрез оное озеро не протекают и во оную не впадают»*. По всей видимости это — так называемое «озеро Гусиное». Пересыхать оно начало еще в веке XIX, а окончательно было «добито» сооружением дамбы, ведущей от теперь уже «старого» моста через Дон, напрямик по бывшему озеру. В той или иной степени остатки озера сохранялись до 1970-х годов, благодаря сильным разливам Дона и сливу обрата от маслозавода. А с пресечением первого и второго исчезли практически окончательно.

Вообще же, как следует из ответа на вопросы Академии, город у озера *«положение имеет гористое и лесистое, на котором вообще лес растет березовой, дубовой и липовой; Задонская округа положение имеет по большой части равное и безлесное, где же имеется оныи вообще больше растет дубовой, и березовой, липовой, асиновой»*.

А населен город был, как и слободка Тешевка двумя годами ранее, в основном крестьянами: *«Во оном городе жители триста тринадцать душ економических крестьян, подати государственныя платят каждой год с души подушных по семидесять копейка, оброчных по два рубли Россискою монетою, ходящею монетою»*.

Образование получали здесь в частном порядке. Ибо *«в сем городе училищ учрежденных нет»*.

Нет и промышленности. *«В сем городе Задонске заводов, фабрик как казенных, так и партикулярных никаких не состоит»*.

Более того: *«В сем городе торговли не бывает и пошлин никаких не собирают»*. За данным ответом видится какая-то местечковая «экономическая» хитрость. Ведь уже по документам XVII столетия известно о ярмарках в дни праздников Владимирской иконы Божией Матери.

Но хоть и мало в Задонске торговцев, достойных того, чтобы местная власть их заметила, зато много художников. Сообщить «где есть искусные художники, в каком бы то роде художество ни было», просила в своей анкете Академия. Вот что ответили городские власти Задонска: *«жители художество имеют: каменщики и часть щикатурищиков, кирпичники, кузнецы и печники, сапожники»*.

А чем же занимаются остальные задонцы, добывая себе пропитание? *«Весною и осенью как в городе Задонске, так и в уезде поселяне, прилегающия к рекам Дону и Воронежу весною и осенью ловят рыбу»*. Причем, в куда более широком ассортименте, чем сегодня. *«Как в городе Задонске, так и в уезде ловятся рыбы: осетры, белуги, стерледи, сомы, а болия часть вырезубы, сазаны, щюки, лещи, головли, окуни, лини, плотва, караси, пескари, ерши»*.

Когда же наступала страдная пора, местные обыватели с рыбалки переключались на другие занятия.

«В летнее время упражняются все в хлебопашестве, которое у них в наилучшем состоянии». *«Как в городе Задонске, так и в округе жители хлеб более сеют рож, овес и гречя и по малому числу проса, уржаем приходит сам шост и сам сиом»*. Хлеб, в основном, потребляли на месте. *«За продоволствием своим продают рож в сем городе, а более никаким путем и никуда не отпускают; а в округе жители возят для продажи в соседственныя города, яко то Елец, Ефремов, Лобедянь и Липецк малым количеством сухим путем»*. Занимались задонцы и скотоводством. Но не в промышленном масштабе, а как мы сегодня говорим, «на подворьях», для себя. *«В городе скотоводство жители водят для своего расходу и на продажу никуда не гоняют»*.

Помимо прочих продуктов и их источников, особо интересовала Академию соль и то, как складываются на нее цены в тех местах, где нет естественных источников этого необходимого

атрибута домашнего хозяйства. Давая свой ответ, задонский горюничий сотоварищи проявили этакую меланхоличную философию. *«За неимением в городе Задонске, также и в уезде солеварен и самосадки жители соль покупают из соседственных городов, яко то Ельца, Лебеядни и Ефремова и Липецка малыми частями, а в города она соль ис каких мест привозится и сколь дорого провозом становится, неизвестно».*

Зато в том, что касается местного рынка, отвечающие скрупулезно конкретны: *«В сем городе рыночные цены съистным товаром бывають самыя высокия пуд свинина 80 коп., баранина 60 к., говядина 50 коп., а в Задонской округе продаваемым съистным припасом самая низкая и самая высокая цена, а именно: свежей и соленой баранины фунт от 1 и до 3 денег, говядины свежей и соленой от 1 и до 2 коп., свинины свежей от 3-х денег и до 2 коп., а соленой от 3-х и до 4 коп., сала бараньего от трех и до четырех, свиного сала от 4-х и до 5 коп., яиц десяток по три денги и по 2 коп., индейка 20 и 25 коп., утка 8 и 10 коп., гусь 12 и 15 коп., парасенок 8 и 10 коп., курапатка 8 и 10 коп., рыбы свежей от двух и до 5 коп., соленой северюги от 3 и до 4 коп.».* Для наглядности можно соотнести эти цены и размер годовой подати (2 рубля 70 коп.), указанный выше, с суммой сегодня уплачиваемого за год подоходного налога в пресловутые «13 процентов» и ценами на продуктовом рынке Задонска.

В числе прочих мясных товаров обращает на себя внимание наличие дичи – куропаток. Видимо, это был вполне обычный товар на тогдашнем мясном рынке. И не случайно.

Округа изобиловала птицами. *«В городе Задонске, так и в округу водятся птицы дикія: гуси, утки, журавли, драфы, горлицы, чапли, арлы, воронья, естреба дву сортов: адни болия, а другая малыя, тетеревы, карапатки, чечетки, щеглы, чижи, саловьи, снегиры, дразды, скварци».*

Интересовалась Академия, меж тем, не только наличием фауны, но и «не бывает ли где какого вреда жителям от гадин, как то змей, саранчи, овода и прочих?». Последовавший ответ вновь наводит на мысль о философских настроениях градоначальства: *«от гадин змей и саранчи жителям вреда знатного не бывает, кроме*

того что иногда нечаянно, по судьбе, кому доведется потерпеть от угрызения змей, ужов».

Был вопрос и водных ресурсах, на который отвечали: *«Близ одного города на полдень протекает река Дон, которая начало свое имеют от сего города в дальнейшем растаянии; глубины немалой, шириною в настоящее течение семдесят пять сажен; по оной отправляются толко в полою воду с разным хлебом суда; сколько ж простирается верст, поелику вершина ее неизвестна, знать невозможно. Протекающая речка Тешевка, которая течение свое предприяла из ключей не более как три версты, впадает в реку Дон близ города».*

Впрочем, не только вопросы географии обычной и экономической, вкупе с природоведением, интересовали Академию.

Часть опросника составлена с целью получить сведения историко-краеведческого характера.

Причем, заявлено, что «буде есть летописцы» в городах или монастырях, то следует «прислать с них списки, за которые Академия заплатит не отречется». Но в Задонске на копировании «летописцев» зарабатывать оказалось некому. За отсутствием таковых. *«В сем городе и состоящем в нем монастыре летописцов никаких не имеется».* И еще раз — для особо непонятливых академиков: *«Как сей город учрежден по открытии Воронежского Наместничества ис слободы Экономичесской, а потому ни укрепления никакого не имеет, ни поместных летописцов об нем нет».*

Больше того: *«По новости сего города чертежей и плана не имеется, а из межевой конторы план городской дачи еще не прислан».* А далее: *«Как сей город учрежден вновь из слободы Тешевки, то в нем развалин, городищ никаких не имеется».* Ну, и уж чтобы совсем было ясно, что не к чему тут проявлять интерес: *«Как в городе Задонске, так и в уезде лекарственных вод, кладезей, пещер и подземных ходов не имеется».*

Зато все были отменно здоровы. И люди, и скотина. «Нет ли где отменных и в известное время приключаются болезней, как в разсуждении людей, так и в разсуждении скота, и какия средства в болезнях жители употребляют?», — спрашивала Академия. *«Как в городе Задонске, так и в уезде таковых болезней не бывало и нет»*, — бодро рапортовало в ответ градоначальство.

Проявляет Академия интерес и к духовному состоянию населения, интересуясь: «Какой обитает народ: просвещен крещением или в язычестве пребывающей?». На этот счет Задонские власти отвечают четко и недвусмысленно: *«Как в городе Задонске, так и в Задонской округе все жители обитают просвещенные крещением, а язычников нет»*.

Как и ранее в самом городе *«приходских церквей никаких нет, а состоит во оном городе адин толко монастырь»*.

Городские постройки, за исключением отдельных монастырских, согласно ответу Академии, все деревянные.

В обители *«церковь каменная во имя Владимирской Богоматери с двумя пределами, ограда и колоколя каменная; в оном монастыре обитают игумен з братиею, кельи имеют деревянные; каменного строения как казенного, так и партикулярных людей [частной застройки], никакова не имеется»*.

Из-за того, что единственными каменными (да к тому же достаточно просторными) постройками были монастырские здания, все «городские службы» вместе с «органами исполнительной власти» вынуждены были в течение двадцати первых лет Задонской городской истории квартировать в стенах обители, пока для «присутственных мест» соорудались приличествующие здания.

И это доставляло монахам немало неудобств. В 5-м выпуске «Воронежское старины» опубликовано датированное 1787 годом письмо епископа Воронежского Тихона (Ступишина-Малинина) к наместнику Воронежскому и Харьковскому В. А. Черткову. Правящий архиерей пишет следующее: *«При открытии Воронежского наместничества [13.12.1779 меня попросили] чтобы имеющиеся в Богородицком Задонском монастыре штатном покое на время считать для присутственных мест... монастырь чрез тоже самое пришел в совершенную разстройку, поелику теперь в монастыре настоящего монастырского порядка соблюсть невозможно; сего ради... прошу приказать из монастыря ненадлежащим вытти, и тем доставить удовольствие церкви Божией»*. Чертков сделал соответствующие распоряжения, но они не были исполнены еще добрый десяток лет.

Все эти годы в монастырских подвалах размещалась и городская тюрьма. Это и дало возможность воинствующим атеистам, спустя века, выставить задонских монахов в роли безжалостных тюремщиков, повесив на музейном стенде ржавые кандалы с соответствующей припиской. И получилось, что была в монастыре своя тюрьма, где томились бедные крестьяне-недоимщики. На самом же деле тюрьма была не монастырская, а городская. И не «в монастыре», а «на территории монастыря». Как говорится, «две большие разницы».

На деле, думается, вынужденное размещение тюрьмы в монастырских подвалах изрядно смягчало режим содержания заключенных и способствовало притоку милостыни в камеры сидельцев. Не оставляли арестантов без внимания и хозяева обители. Особенно часто посещал импровизированную темницу святитель Тихон, сострадательный и человеколюбивый настрой истинно христианской души которого не допускал равнодушия к страданиям ближних, пусть и заслуженным по меркам судей земных. Он не только приносил узникам слово ободрения, даря им надежду на лучшую будущую долю в случае искреннего покаяния, но и поддерживал материально, щедро раздавая милостыню лично или через доверенных посредников.

Впрочем, благотворительная деятельность святителя Тихона в задонский период его биографии отнюдь не исчерпывалась поддержкой заключенных. Нескончаемой вереницей, по воспоминаниям келейников, шли к нему люди земли Русской, надеясь на доброе мудрое слово и поддержку в тяжелых жизненных обстоятельствах. И никто «тощ и неутешен не отыде». Так что не одна сотня, а то и тысяча глаз увлажнилась слезами сожаления, когда разнеслась весть о последовавшей 13 августа 1783 года кончине святителя.

Погребение усопшего праведника совершил епископ Воронежский Тихон III (Ступишин-Малинин). Вот как описывает это иеромонах Геронтий: *«Тело усопшего, руками священников было перенесено под алтарь соборной церкви, где положено в обложенный камнем склеп и закладено с выводом над ним из кирпичей надгробия в форме гроба. На надгробии положена была медная доска с*

надписью, сочиненной Тихоном III-м. Здесь скончался 1783 года Августа 13 дня преосвященный Тихон епископ, прежде бывший Кексгольмский, а потом Воронежский, рожденный 1724 года, пребывавший на обещании с 1767 года по смерть, показавший образ добродетели — словом, житием, любовью, духом, верою, чистотою. 1783 года Августа 20-го погребен здесь”».

Впрочем, упокоение праведника, окончившего свой земной путь, не только не истощило, а напротив, умножило число тех, кто спешил в Задонск, привлеченный рассказами о пребывающем здесь человеке Божиим. Как приходили они, всех возрастов и званий, к нему живому, так продолжали идти к могиле святителя, веруя, что духом остается он рядом и не только услышит мольбы и сомнения, но и поможет разрешить их, как имеющий дерзновение перед Господом. И этот приток паломников благотворно сказывался как на благополучии обители, к вратам которой они направляли свои стопы, так и города, постепенно выраставшего за ее стенами.

Город строится

Для Задонска последние десятилетия XVIII века — время первых шагов по пути собственно городского развития.

Ведь росчерк пера государыни, легко даровавший слободке городской статус, как доказывают ответы на вопросник Академии наук 1781 года, мало что изменил в реальной ситуации. Городу еще предстояло строиться и заселяться.

Благодаря сохранившимся документам, можно констатировать, что становление города было довольно быстрым на начальном его этапе. Уже через 6 лет после своего учреждения населенный пункт заметно больше похож на город. В «Описании Воронежского наместничества 1785 года» особый раздел посвящен Задонску.

Было к тому времени здесь 205 частных деревянных домов. А проживали в них на 1784 год 537 жителей мужского и 576 — женского пола. Каменные строения, как и ранее, имелись только на территории монастыря, да и те «болшею частью обветшалыя».

Из казенных зданий имелись два магазина-склада – бревенчатый соляной и «земляной» (погреб) винный, 3 питейных дома плюс один «трактир партикулярной».

Но о задонцах теперь говорится так: *«Населен город купцами, мещанами, разночинцами, более ж – казенными поселянами»*. Конкретное соотношение различных социальных групп населения Задонска в начальный период его существования становится ясно из данных 5-й ревизии, проводившейся в 1794 году. За десять лет, прошедших с момента составления «Описания 1785 года», население нового города увеличилось почти на четыре сотни человек. Ревизией зафиксированы 753 задонца мужского пола и 707 – женского. Из них купеческого сословия 309 человек, мещан – 457, крестьян экономических (казенных поселян) – 649, крестьян помещичьих – 55.

Купцы делились на три гильдии. В первую входили имевшие капитал от 10 до 50 тысяч рублей, во вторую – от 5 до 10 тысяч и в третью – от 1 до 5 тысяч. Для мещан переход в купечество был свободным при наличии соответствующего капитала. К мещанам, как явствует из документов того времени, относились «проторговавшиеся купцы, а также отпущенные от помещиков на волю и другие свободные люди», желающие быть горожанами, но не имеющие средств для перехода в купечество.

Самая многочисленная категория жителей Задонска – крестьяне – формально права на проживание в городской черте не имела. Потомки бывших монастырских вотчинников, ставшие в 1765 году казенными или экономическими, по-прежнему числились в крестьянском сословии, а потому, «яко к городу не принадлежащие, поселение иметь должны в Подгородной слободе».

Из сведений о Задонске, приводимых в «Историческом, географическом и экономическом описании Воронежской губернии» Е. А. Болховитинова, становится ясно, что «подгородных слобод» было несколько. *«Сей город разделен на 22, а подгородния экономические слободы на 14 кварталов»*, – сообщает Болховитинов.

Видимо, не будет излишне смелым предположить, что одной из «подгородних слобод» стала нынешняя Тешевка (Арканы). Именно устройство нового населенного пункта для переселения

туда крестьян с прежней территории проживания, ставшей городской, могло повлечь одновременный перенос старого названия. Прожив всю жизнь в Тешевке и будучи выселенными после того как слободка стала Задонском, бывшие монастырские крестьяне увезли с собой не только нехитрый домашний скарб, но и привычное название своего общего дома.

Тем не менее, о принудительно-массовом переселении говорить не приходится. Скорее, в пригороды переселялись те, кто более тяготел к крестьянскому укладу. Ю. Р. Клокман отмечает, что *«учреждение новых городов-уездных центров на месте сел и слобод сопровождалось переводом их жителей – крестьян, ямщиков – в сословие горожан»*. Видно это и из данных переписей. И в 1784, и в 1794 году в черте города проживают крестьяне. Как экономические, так и помещичьи. Причем, число их растет.

Крестьяне, оставшись жить в городе, не оставляли привычных занятий. В «Описании 1785 года» сказано следующее: *«казенные же поселяне имеют скотоводство, но для себя толко, преимущественнее же обращаются в хлебопашестве. Получаемые от трудов, за удовольствием себя и дому, избытки продают более в самом городе сот на пять»*. О том же пишет и Болховитинов.

Основную торговлю вели задонские купцы и мещане, чей совокупный годовой товарооборот вдвое превышал крестьянский, доходя до 1000 рублей.

Хотя торговля в Задонске развитой не считалась. При том, что в распоряжении местного купечества была и сухопутная отлаженная трасса Москва-Воронеж, и судоходная по тем временам река Дон. Более того, Болховитинов считает, что жители Задонска *«мало занимаются торговлею»*. И далее замечает: *«Можно было бы в Задонске быть и пристани, и по Дону, яко судоходной реке, отправлять товары и съестные припасы в крепость св. Дмитрия Ростовскаго (Ростов) и Таганрог; но купечество по недостаточеству своему не может начать сей коммерции»*. Что, в общем-то понятно. Купечество в бывшей крестьянской слободе только-только становилось на ноги и не имело достаточных капиталов для более серьезных затей, чем обслуживание местного товарного спроса.

В связи с отсутствием в городе фабрик и заводов все промышленные товары некустарного производства доставлялись в Задонск из губернского Воронежа и соседнего Ельца. Более всего привозили их иногородние купцы для торговли во время ярмарок. Их бывало в Задонске три. Все – приуроченные к праздникам, посвященным Владимирской иконе Божией Матери, – престольным для единственного в ту пору задонского храма.

Самая ранняя из старых задонских ярмарок длилась всего сутки. Проходила она 21 мая. Съезжались *«на оную в малом числе околных мест жители и города Ельца купцы»*. Ельчане приезжали с *«мелким красным товаром»*, а *«околные жители»* с хлебом, да *«делаемыми ими вещьми»*.

Наиболее большая и шумная из задонских ярмарок собиралась 15 июня и вела торги аж до 23 числа, пока монастырские колокола не возвещали о наступлении праздника, посвященного прославленной иконе. Главным предметом торга были лошади. Именно их продавали и покупали в первую ярмарочную неделю лошадиные барышники и коннозаводчики, стекавшиеся сюда *«из разных мест»*. А *«в конце той ярмонки, дня за два»* приезжали с разными товарами *«купцы и мещане елецкие, серпуховские, тульские, козловские, рязанские, романовские и воронежские»* и торговали до ее закрытия. Думается, ориентация ярмарки на торговлю лошадьми не случайна. Расположение торжища в пойме Дона позволяло обеспечить четвероногий товар кормами и водопоем, а наличие хорошей дороги гарантировало скорый и безопасный перегон табунов.

Третья ярмарка, самая скромная, проводилась 26 августа и имела исключительно уездное значение.

В прочее время года основной товарооборот был сосредоточен в руках задонских профессионалов. Как отмечает *«Описание 1785 года»* торговали они больше съестными припасами, скупая их в окрестных селах, а затем реализуя в городе.

Такая структура местного товарооборота, с явным перевесом в сторону сельхозпродукции, не случайна. В *«Описании...»* Болховитинова сказано, что задонцы *«по случаю множества проезжающих содержат постоялыя дворы с принадлежащими припаса-*

ми». И все же обслуживание проезжающих не могло поглотить ту весьма основательную, по свидетельству современников, товарную массу продуктов, что реализовывалась на внутризадонском рынке. Следовательно, Задонск довольно быстро приобрел основные черты именно городского поселения. Большинство его жителей уже на раннем этапе существования города предпочитало покупать продукты питания на рынке, а не выращивать на подворье.

Хотя и городское огородничество было довольно развито. На грядках задонцев в 1784 году произрастали редька, лук, чеснок, свекла, капуста, огурцы, бобы, морковь, салат, петрушка, укроп, русская горчица, анис и горох. Отсутствовало главное огородное растение по современным меркам – картофель. Что не удивительно. Картошка, ставшая позднее «вторым хлебом», на российской земле приживалась болезненно и трудно вплоть до конца 30-х годов XIX века.

Сады, зелень которых в XIX веке радовала гостей Задонска, в конце восемнадцатого только-только начинали разбиваться.

Весьма разнообразила местный стол донская рыба, лов которой Болховитинов, автор, не связанный местными экономическими интересами, чуть ли не единственный называет «выгодным».

Подобные выгоды, в совокупности, и позволяли городу развиваться, постепенно преобразаясь внешне.

Так, в конце XVIII века число обывательских домов по-прежнему составляло 205, но четыре из них уже были каменными. Доходность торговли позволила отдельным купцам ставить каменные же лавки. Таковых к 1800 году насчитывалось 6. В это время возводились из кирпича «казенные присутственные места», а также – городской собор.

До того единственной церковью в Задонске был Владимирский собор Богородицкого монастыря, при котором, как и в начале века семнадцатого, числился светский причт. «*В монастыре для города служит приходской священник и два причетника*» – сказано в «Описании 1785 года».

Лишь в 1797 году была заложена, а в 1798-ом «начата постройкой» соборная каменная церковь во имя Успения Божией Мате-

ри с приделами Архангела Михаила и св. Тихона, Амафунтского чудотворца. Ситуация с приделами особенно красноречива во втором случае. Настолько сильно уже к тому времени было почитание усопшего и погребенного в Задонском монастыре епископа Воронежского Тихона (Соколовского) за угодника Божия, что один из приделов будущей городской церкви решили посвятить небесному покровителю опочившего в Задонске святителя. Это позволило примирить религиозное рвение почитателей упокоенного в стенах Богородицкого монастыря епископа без конфликта с тем, что официально он не был причтен к лику святых.

Возведение собора шло непросто.

В 1801 г. были освящены его придельные алтари в трапезной части: 1 января - во имя Архистратига Михаила (правый), а 23 мая - во имя свт. Тихона Амафунтского (левый). Главный же алтарь новопостроенного храм освящен во имя Успения Пресвятой Богородицы только в 1809 г.

Одной из возможных причин затягивания строительных работ могли стать финансовые неурядицы. Известно, что в 1805 г. проиерей города Задонска Алексей Орлов обвинялся *«в утрате книг для записи денег на построение там церкви»*.

Тем не менее, строительство успешно завершилось и, к счастью, время и люди пощадили замечательный храм, который по-прежнему стоит там, где ему положили стоять наши предки и утвержденный еще Екатериной II Генеральный план.

Примечательно, что неординарность проекта Успенского собора в Задонске и качество его воплощения послужили в советское время поводом к признанию церковного здания памятником архитектуры. Предоставим слово профессионалу. *«Особенно интересна трехъярусная колокольня, поражающая своей легкостью и стремительным взлетом... По стройности своих общих форм и динамизму колокольня может быть отнесена к группе наиболее видных сооружений подобного рода»* – так охарактеризовал Успенский собор в Задонске краевед Л. Е. Рудаков – бывший главный архитектор Липецка.

В 1824 г. была окончена постройкой трехъярусная каменная колокольня при Успенском соборе.

Но еще задолго до сооружения колокольни, в 1804 году, *«предписано Духовным начальством, дабы в городе Задонске, в градском приходском соборе, не производить благовесту прежде монастырского, но были бы ему послушны»*. Об этом сообщает рукописная история Задонской обители, составленная архимандритом Досифеем в 1838 г.

Впрочем, зримые перемены произошли в конце XVIII в. не только внутри города, но и на подступах к нему.

На протяжении почти двух столетий путешественники, направлявшиеся в Воронеж и обратно, пересекали Дон у Задонска посредством парома. И вот в 1799 году впервые был устроен здесь сезонный мост «на судах». Поперек реки установили заякоренные барки, поверх которых лег деревянный настил моста. Заметно более редкими стали транспортные заторы и очереди на переправу, привычные при старом неспешном средстве связи берегов.

Пожалуй, с этого времени Панарино окончательно утрачивает сколько-нибудь заметную роль придорожного села. Теперь коляски и брички следовали мимо без остановки. Обслуживание проезжающих полностью отошло к Задонску. Здесь, на почтовой станции, остановку приходилось делать всем.

Заботы мирные и военные

В век новый — девятнадцатый от Рождества Христова — вступил Задонск уже небольшим, но городом. Причем, не только по названию. Обозначенные первоначально только на бумаге первого Генерального плана улицы и площади Задонска за три десятилетия существования нового уездного центра начали все яснее и яснее прорисовываться в натуре.

Как уже говорилось выше, в 1801 году был выстроен и частично освящен городской каменный храм во имя Успения Пресвятой Богородицы. А к 1802 году, по свидетельству о. Геронтия, завершено было и строительство «присутственных мест» — здания, где разместились структуры тогдашней уездной власти.

Как свидетельствует «Описание города Задонска» 1821 года, это было весьма внушительное трехэтажное сооружение. Здесь

помещались «все суды з денежною кладовою, на нижнем этаже — тюремный замок». Это было здание, известное задонским старожилам как «тюрьма». Оно располагалось в юго-западном углу квартала занятого монастырем и было разрушено в начале 60-х годов XX века под предлогом ветхости*.

Частное строительство несколько сковывалось наличием достаточно жестких требований Генерального плана. В то время генплан был документом обязательного исполнения, до мелочей регламентировавшим, что, где и из чего построить. И если, по каким-либо причинам, требования генплана не могли быть удовлетворены, свободная городская территория так и оставалась пустырем. До лучших времен.

Оживлению застройки способствовал специальный императорский указ от 5 января 1807 года, дозволивший в уездных городах Воронежской губернии *«вместо назначенных по планам каменных»* строить деревянные дома на каменном фундаменте, *«по тому случаю, что постройка каменных домов, по недостатку кирпича, была сопряжена с большими затруднениями»*.

Кстати сказать, немалые неприятности причинил застройщикам и домовладельцам страшный ураган, наделавший бед в 1811 году и на несколько поколений оставшийся в памяти местных жителей. *«В это время сорвало железную кровлю с церковной трапезы; во многих зданиях монастыря выбило рамы со стеклами. А в городе много поломало садовых деревьев, пораскрыло кровли с обывательских домов, разнесло заборы и проч.»*, — цитирует воспоминания очевидцев в своем «Описании...» иеромонах Геронтий.

Время было предвоенное, исполненное тревожных ожиданий, несмотря на временное затишье в российско-французских от-

* Интересно, что сохранившийся в РГИА план здания, датируемый в архивной описи 1804 г., именуется так: *«План с фасадом каменному дому в трех этажах с кладкою в низу и с бельведером под железною кровлею Воронежской губернии в городе Задонске состоящему, и предаваемому в казенное ведомство коллежского асессора Викулина»*. То есть, изначально здание было построено частным лицом. Неясно, то ли оно строилось по «госзаказу», то ли по каким-то частным расчетам, и лишь после окончания постройки было уступлено в «казну». Возможно, изначально здание задумывалось как гостиница, поэтому проект оставляет верхний этаж «для квартирования проезжающих знатных особ и генералитета».

ношениях после шаткого Тильзитского мира, заключенного летом 1807 года. И не удивительно, что буйство стихии восприняли задонцы как провозвестье очередной военной беды.

В специальном издании, призванном увековечить роль Воронежской губернии в победе над Наполеоном — объемистом томе «Воронежское дворянство в Отечественную войну» — сказано: *«На случай вторжения неприятеля в пределы Отечества, приготовления воронежцев к войне начались еще в 1806 году».*

Отряд милиции (так решено было именовать ополченцев) был создан и в Задонском уезде. В него вошли 8 человек посадских и 485 казенных крестьян. На экипировку и содержание милиции по уезду собрали 110 рублей 60 копеек. Уездным начальником милиции назначен был полковник И. А. Кожин. Правда, к осени 1807 года, когда, благодаря дипломатическим усилиям, напряженность в отношениях с Францией начала ослабевать, милицию практически распустили.

О жизни Задонска в годы наполеоновского вторжения княжна Т. А. Волконской в своих воспоминаниях пишет: *«В 1812 году некоторые бежавшие из Москвы помещики выбирают себе местом жительства Задонск».* Известно также, что Алексей Александрович Тимашев-Беринг (1812—1872), Московский обер-полицмейстер и вице-губернатор происходил из дворян Калужской губернии, но родился в 1812 г. у нас, в Задонске, *«куда родители его удалились из Калуги вследствие вторжения Наполеона».*

А следом за беженцами довелось задонцам увидеть и солдат наполеоновской армии. Но не завоевателей, а пленных. Причем, если верить тому, что рассказал в конце XIX века воронежскому краеведу Е. Л. Маркову тюнинский столетний дед по прозвищу Кочеток, судьба французов в Задонской округе оказалась незавидной. Вот что поведал о пленных «лягушатниках» старожил из Тюнино: *«Много их тогда наши позабрали, как из Москвы выгнали, девать было некуда; по всем городам Царь их приказал расточить, даже к нам в Задонск под караул прислали. Ну только смотреть за ними было некому, стали они по деревьям шататься, озорничать, — мужики глядели, глядели, да и поубивали их всех на токах».* Но такие же байки ходили в соседней Рязанской губер-

нии, и проверки дотошным историком и краеведом И. И. Проходцевым они не выдержали. Напротив, известно, что отношение к плененным французам было уважительным.

Не остался в стороне от общего патриотического порыва в годы войны с Наполеоном и Богородицкий монастырь. По сообщению о. Досифея, в 1812 г. архимандрит Евграф с братией пожертвовали «на защиту Отечества» от Наполеоновского нашествия 5 тысяч рублей наличными. А кроме того, на эти же цели братия выделила около шести фунтов серебряных с позолотой вещей, несколько драгоценных камней, жемчуг и разные иные ценные вещи.

О том же, кто из задонских уроженцев прославился на полях Отечественной войны 1812 года не известно ничего. Военный герой, связавший свое имя с Задонском, появился здесь позже.

Знаменитый покоритель Карса — генерал Николай Николаевич Муравьев, отличившийся и в боях Отечественной войны 1812 года, впервые посетил Задонск в 1816 году, направляясь к месту службы на Кавказ. А позднее, заноса путевые впечатления в дневник, сделал запись, весьма лестную для молодого города: *«Из всех уездных городов понравился мне наиболее Задонск: он выстроен правильно и похож более на большую мызу богатого помещика».*

Вряд ли предвидел тогда, на заре карьеры, молодой штабс-капитан, что именно с этим аккуратным городком *«на косогоре, с полверсты от Дона»*, будет связан закат его жизни, а местный монастырь станет последним пристанищем на земле. Но, спустя несколько десятилетий, случилось именно так. А за это время и городок у Дона еще более похорошел и оформился. Причем, не только внешне. Произошли весьма заметные для того времени перемены в интеллектуальной составляющей городской жизни.

До начала XIX в. Задонск не имел ни одного образовательного учреждения на своей территории. Впрочем, не лучше обстояло дело и по всей провинциальной России.

Возникновению первого городского общеобразовательного учреждения обязаны наши предки хлопотному и неравнодуш-

ному к общественным нуждам задонским уездным предводителем дворянства обер-провиантмейстеру и надворному советнику Семену Алексеевичу Викулину. Именно на его средства*, еще до первой Отечественной войны, был выстроен каменный двухэтажный дом для будущего уездного учебного заведения. Здание это сохранилось до наших дней – в его стенах обретается детский Центр технического творчества (белое здание бывшей первой школы). Одновременно, также за счет Викулиных, велось строительство и городской больницы на 24 кровати. При больнице сооружена была церковь во имя святителя Тихона Амафунтского, датируемая 1808 годом.

По любим, хоть прежним, хоть нынешним меркам городу был сделан поистине королевский подарок. Но далеко не сразу ожили пустые школьные коридоры, пропахшие свежей краской и сырой побелкой. Успела и краска пожухнуть, и побелка просохнуть...

Благотворителя и его брата – штабс-капитана В. А. Викулина – в знак благодарности за содеянное произвели в Почетные смотрители училищ Задонского уезда и начали думать, где взять средства на содержание учебного заведения. В черновике отчета о состоянии образования в Воронежской губернии за 1812 можно найти такие строки, касающиеся Задонского уездного училища: *«по неимению сверхштатных сумм, не открыто и в училищное ведомство не принято»*. Лишь к 1818 году необходимые средства были изысканы и долгожданное открытие училища состоялось 1 сентября. Было училище 2-классным. Имелось подготовительное низшее отделение. Библиотека учебного заведения насчитывала 41 том да 3 стенные таблицы.

* Средств у Викулина хватало. Центр его обширных сельских землевладений (в Воронежской, Орловской и Пензенской губерниях) располагался под Задонском, в с. Колодезском. Правда, принимал он великого князя Александра Николаевича и сопровождавшую его свиту не в основном имении, а рядом – в д. Малые Извалы, через которую в то время проходила «Московская дорога». «Чай в деревне Извалы у С. А. Викулина», – записал 7 июля 1837 г. в путевом дневнике В. А. Жуковский. Высокие гости не случайно заглянули «на огонек» к отставному обер-провиантмейстеру – Семену Алексеевичу к тому времени был одной из авторитетнейших фигур Воронежского губернского дворянства, в 1825 году избравшего его своим предводителем. Правда, лишь на один срок – до 1832 г. Зато на должности Задонского уездного предводителя он пребывал семь сроков, с 1804 г.

А то как обстояло дело с «народным образованием» в Задонске до открытия училища можно представить из воспоминаний бывшего задонца, некоего «статского советника Авр. Мих. Б-на, жительствовавшего в Санкт-Петербурге, на Гончарной улице, в собственном доме», которые приводятся иеромонахом Геронтием в жизнеописании Христа ради юродивого Задонского Антония Алексеевича: *«В 1817 или 1818 году образованность в здешней провинции была уделом немногих, даже и в дворянском сословии, а о купеческом и говорить нечего. Наши предки выучивались, как сами о том говаривали, "на медные деньги" ... Не многие читали тогда, и если читали, то только духовные книги, выходившие из Киевской монастырской типографии, значит, печатанные церковным шрифтом и церковного характера.*

У отца моего, между прочим, была порядочная домашняя библиотека, и книги находились в ней разного содержания; родитель мой любил читать и, при случае, умел рассказать прочитанное. Поэтому он считался умным и начитанным человеком, к тому же слыл в купечестве за богатого. По купеческому своему званию, воспитание детям он давал сообразно тому времени: учил читать и едва-едва писать. В то время не было даже понятия о том, чтобы кто-либо из купцов, по крайней мере, в нашем захолустье, отдавал своих детей в гимназию или в университет и открывал бы им через то дорогу на служебное поприще. Это было трудно (по средствам) и неудобно (по незнанию, как за это взяться).

Вообще, тогдашнее общество задонское мало заботилось о просвещении и жило, что называется, по следующему выражению: жили наши деды и отцы — проживем, дескать, как-нибудь и мы».

Через год после уездного — в 1819-м — последовало официальное открытие в Задонском Богородицком монастыре 4-классного приходского духовного училища. Происходил торжественный акт открытия духовного училища в день воскресный, 26 января, и сопровождался молебном с водосвятием, который совершил настоятель обители, архимандрит Самуил. В 1821 года училище сделали штатным.

Разместилось новое учебное заведение в специальной трехэтажной пристройке к южному келейному корпусу, завершенной

в 1818 году. Эта пристройка окончательно сформировала облик здания нынешней монастырской трапезной — годом ранее с восточной его стороны была пристроена Вознесенская церковь.

Произошли и другие серьезные изменения в архитектурном облике монастыря. Сооруженные в первой половине предыдущего столетия жилые и хозяйственные здания обитатели требовали обновления и расширения. Поэтому в период с 1800 по 1820 годы были перестроены или возведены вновь келейные и гостиничные корпуса, устроена братская трапеза с хлебопекарней и кухней при ней. Продолжилась реконструкция Богородицкого монастыря и в годы последующие.

Так, еще Воронежский гражданский губернатор Н. П. Дубенский поддержал прошение настоятеля с братией о выделении монастырю дополнительного земельного участка. Затем последовала некоторая задержка в решении вопроса, и окончательно выделение требуемого участка было утверждено генерал-губернатором А. Д. Балашевым в 1822 году. Речь идет о западной части территории обители, выходящей на сегодняшнюю улицу Карла Маркса в Задонске, где разместились сад и колокольня с гостиницей, спроектированные архитектором И. А. Блициным из губернского Воронежа.

Закладка будущих строений состоялась 16 июля 1824 года, после литургии. Завершив богослужение в храме, архимандрит Самуил с братией, несшей иконы, прибыл к месту будущей стройки, где и совершил молебен с водоосвящением. После того как архимандрит окропил святой водой отведенное под застройку место, в основание будущего здания был положен «четверугольный белый камень» покрытый затем чугунной доской с надписью: *«В царствование Благочестивейшаго Государя Императора Александра Павловича самодержца всея России тщанием настоятеля архимандрита Самуила, 1824 г. Июля, 16 дня».*

Велось сооружение колокольни за счет пожертвований и было завершено в 1835 году.

В среднем этаже колокольни располагалась трехпрестольная церковь, главный из престолов которой освящен был во имя свт. Николая, Чудотворца Мирликийского.

Спустя два года после колокольни, уже при архимандрите Досифее, достроена была монастырская гостиница двумя симметричными «крыльями», донныне примыкающая к нижнему ярусу колокольни. Обошлась гостиница в 51600 рублей 28 копеек ассигнациями. Около 5000 рублей уплачено было архитекторам.

Завершение работ на строительстве комплекса из надвратной колокольни и гостиничных корпусов позволило в 1838 году разобрать старую, обветшавшую колокольню, построенную при схиигумене Евсевии. Вместе с ней уничтожены были и примыкавшие к зданию колокольни помещения, служившие кельей святителю Тихону.

По задонскому преданию, передававшемуся со слов о. Иоанна Федоровича Попова, протоиерея городского Успенского собора второй половины XIX века, наиболее крепкие бревна из деревянной части келий были отданы одному близкому к обители мирянину, чей дом сильно пострадал от пожара. Предположительно, речь идет о так называемом «доме братьев Фроловых», до сих пор стоящем на улице Урицкого в Задонске. Косвенным подтверждением достоверности этого предания может служить то, что в 1841 г. в Задонске действительно имел место сильный пожар, уничтоживший многие дома.

Заняться столь масштабной реконструкцией Богородицким черноризцам позволил все увеличивавшийся приток паломников и, соответственно, пожертвований.

Еще в 1814 году епископ Воронежский Антоний I (Соколов) обращал внимание Святейшего Синода на то, *«что по уважению к чудотворной иконе Богоматери Владимирской и к памяти святителя Тихона, стекается большое число богомольцев разного звания из отдаленных мест России в обитель Задонскую»*.

Икона Богоматери Владимирская, принесенная на задонскую землю старцами-основателями монастыря и чудесным образом не опаленная пламенем пожара, уничтожившего обитель в 1692 году, с течением времени обрела все больший ореол святости.

Особенно, по мнению современников, чудодейственная сила святого образа проявлялась в лихие для задонцев годы.

Так, в 1830-1831 годах, когда Воронежскую губернию постигла эпидемия холеры, Задонский монастырь избежал общей печальной участи. Заболевшие были и в его стенах, но обошлось, ко всеобщему изумлению, без смертельных исходов. В самом же городе Задонске холера «действовала смертоносно». Монахи приписывали свой более счастливый удел заступничеству Богородицы. Тогда задонцы стали приглашать в свои дома монахов с образом Божией Матери. И... *«смертоносная язва не похищала жертв и прекращалась»*. Так было и в 1848 г. *«при вторичном появлении эпидемии холерной в г. Задонске»*.

О степени почитания чудотворной иконы говорит то, что радением богомольцев она была одета сребропозлащенной ризой, украшенной жемчугом и драгоценными камнями.

Вторая святыня, привлекавшая паломников в начале века — еще не прославленные официально мощи святителя Тихона, до времени пребывавшие под спудом, — не только возбуждала религиозное рвение богомольцев из народа, но и способствовала пробуждению религиозного чувства в душах более искушенных.

К 1825-1826 годам относится публикация первого 15-томного собрания сочинений святителя Тихона. Труды духовного писателя из Задонска, и ранее неоднократно издававшиеся порознь, наконец увидели свет в едином, хронологически и тематически организованном своде. Удалось это сделать благодаря кропотливой работе редактора издания — митрополита Киевского Евгения (Е. А. Болховитинова).

Выход собрания сочинений святителя Тихона вызвал немалый интерес не только в церковных кругах, но и в светских, где со времен вольтерьянства все громче звучали скептические замечания в адрес религии вообще и Православной Церкви, в частности. Слово святительской проповеди, на всю Россию прозвучавшее из Задонска, заставило многих пересмотреть свои было склонившиеся к атеистическому вольнодумству взгляды.

В Задонске же, и в стенах монастыря, и вне его, духовное наследие святителя Тихона находило живое воплощение в местных праведниках. Именно с первой половиной девятнадцатого столетия связаны имена Георгия Алексеевича Машурина, зат-

ворника Задонского (Стратоника в постриге); иеромонаха Нафанаила, проведенного в затворе и уединенном богомыслии 15 лет; Антония Алексеевича, Христа ради юродивого Задонского; двух стариц-странноприимниц — Евфимии Григорьевны и Матроны Наумовны Поповых. Все эти люди Божии, по окончании земного пути, были упокоены в монастырской усыпальнице, основанной там, где некогда стояла келья схимонаха Митрофана — друга и собеседника святителя Тихона.

Отец Митрофан, скончавшийся в 1793 году, по завещанию своему, был похоронен в «пещере», ископанной им под полом для молитвенного уединения. Богомольцы, радея о памяти покойного старца, столь близкого при жизни к святителю Тихону, в 1836 году добились разрешения на устройство здесь часовни. Позднее эта часовня, значительно расширенная в 1843 году на средства помещицы Тиньковой, становится усыпальницей местных праведников. По первому упокоенному ее именовали «Митрофановой часовней». В 1862 году часовня, при расширении выстроенной в 1817 году Вознесенской церкви и трапезной, была снесена. Усыпальница оказалась под алтарем перестроенного храма. С тех пор ее именовали «Митрофановой пещерой».

Усыпальница праведников, с момента ее устройства, стала одним из тех мест в Задонской обители, которые обязательно посещали паломники. А так как нередко были проезды высокопоставленных особ, следовавших по столбовой Московской дороге, то среди богомольцев бывали и люди весьма заметные на общем историческом фоне.

«Император Александр Николаевич (Александр II), еще наследником престола в 1837 году, совершавший путешествие по России, на обратном пути из Черноморья чрез Воронеж, прибыл в город Задонск 7 июля в 5 часов вечера. Встреченный у св. ворот архимандритом Досифеем с братиею, он вошел во Владимирскую церковь, прикладывался к чудотворному образу Богоматери Владимирской и к прочим святым иконам, осматривал в алтаре ризницу. Потом изволил быть в пещере под алтарем, в которой опочивало тело преосвященного Тихона... Осматривал зимнюю цер-

ковь Рождества Пресвятыя Богородицы и затем благосклонно принял сочинения преосвященного Тихона, поднесенный настоятелем», — такое описание визита цесаревича оставил иеромонах Геронтий, на основании записей в специальной гостевой книге монастыря. Можно встретить там имена великих князей и княжен, епископов и митрополитов, и многих прочих из сильных мира того. А вот имя камер-юнкера Александра Пушкина отсутствует. Хотя не мог он миновать Задонск по пути на Кавказ весной 1829 года. Не случайно бытовал в Задонске полуделегандарный рассказ о том, как Александр Сергеевич в местном трактире бирючков ел да похваливал. Поведал об этом Николай Задонский в одном из своих исторических очерков, озаглавленном «Донские бирючки».

Трудно, конечно, теперь сказать, как оно было на самом деле, но, думается, проезд А. С. Пушкина через Задонск можно считать фактом бесспорным. А значит, вполне возможно, он тут и пообедал. И именно ухой из бирюков.

Другое же важное для местной истории утверждение из очерка про Пушкина и бирючков очень сомнительно.

Н. А. Задонский пишет: *«Елецкие ящики возили только до Задонска, где находилась одна из крупнейших станций тифлисского тракта... В Задонске существовало тогда сто шестьдесят почтовых и частных ящиков. Берег Дона был сплошь застроен кузницами и мастерскими. Работали три гостиницы, двадцать восемь трактиров и несколько постоянных дворов».* Но история о Задонске — крупном транспортном узле эпохи рысаков и ящиков, муссировавшаяся в советское время с легкой руки писателя-земляка, к сожалению, не находит подтверждения в исторических документах. Вот что сказано о задонцах в документах 1821 года: *«упражнение этого города жителей состоит в разных промыслах, в торговле, в хлебопашестве и в разных мастерствах».*

Кроме того, согласно данным за 1836 год, *«в губернском городе Воронеже и в прочих одиннадцати уездных городах... трактиров и гостиниц 28, харчевен 14, питейных домов 59».* Наверное, не случайно совпадение отдельных цифр официального статистического отчета и вольного сочинения. Часть статистики из очер-

ка про бирючков на самом деле – общегубернская. «Сосредоточенная» в Задонске с целью показать, что город рос и богател за счет обслуживания в первую очередь транзитных пассажиров, а не благодаря наличию здесь монастыря и притоку паломников, требовавших крова и пропитания.

Конечно, как мы показывали это выше, расположение «при большой Московской дороге» сыграло немалую роль в становлении Задонска. Но не было определяющим.

Естественно, местные крестьяне не могли упустить шанс подработать перевозкой пассажиров и грузов. Известно, что в Тюнино многие именно частным извозом промышляли на жизнь до пуска железной дороги. И все же это не делало крестьян ямщиками.

Что касается «одной из крупнейших почтовых станций тифлисского тракта», то вряд ли она сильно отличалась от остальных. Тем более, всего в сорока верстах в сторону Москвы был действительно крупный транспортный узел – Елец. А восемьдесятю верстами ранее – губернский Воронеж, где существовала целая ямщицкая слобода.

И СТАЛ МОНАСТЫРЬ ПЕРВОКЛАССНЫМ

Обретенны нетленными

А тем временем стало ясно, что окончательно обветшал построенный еще в 1741 году каменный Владимирский собор. Давшее трещины храмовое здание было опечатано по докладу архимандрита Мартирия. А в 1845 году епархиальным начальством предписано было начать демонтаж собора, возведенного при схиигумене Евсевии.

Проект нового собора основывался на типовой разработке ведущего архитектора того времени – К. А. Тона.

Первый камень храма заложили 10 июня 1845 года. Описание этого события оставил современник: *«По совершении соборне высокопреосвященнейшим Антонием II архиепископом Воронежским и Задонским и настоятелем сего монастыря архимандритом Иларием торжественного водоосвящения на месте закладки, под престол сего храма в основание положена каменная плита с таковою на ней надписью: “Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Основана сия церковь в честь и память Владимирския Божия Матери, при державе Благочестивейшаго, Самодержавнейшаго Великого Государя нашего Николая Павловича, при Святительстве же Господина Высокопреосвящ. Антония, архиепис. Воронежскаго и Задонскаго и священноархим. Илария. 1845 г. Июня, 10 дня. Причем положены мощи, иже во святых Отца нашего Митрофана 1-го епископа Воронежскаго и чудотворца”».*

С сооружением этого величественного, донныне украшающего город храма, связано событие, поистине определяющее для

истории Задонска и монастыря в девятнадцатом веке. Именно в ходе демонтажа старого собора обнаружилось, что мощи святителя Тихона, похороненного в алтарной его части, сохраняются в нетленном состоянии.

Началось все с донесения архимандрита Серафима с братией епархиальному начальству от 4 мая 1846 года.

В донесении сказано: *«При всеобщей сломке храма остался несломанным алтарь сего храма также ветхий, под сводом которого покоится тело преосвященного Тихона... По такой ветхости алтаря отправлять опасно под оным панихиды по Преосвященном Тихоне. При многолюдном настоящем стечении поклонников настоит нужда во избежании опасности, воспрещать даже вход под своды алтаря, что, без сомнения, послужит оскорблением благочестивой ревности поклонников».*

В свете вышеизложенного архимандрит Серафим просил у правящего архиерея разрешения на слом алтаря и перенесение из устроенного под ним склепа гроба с телом святителя Тихона в *«другое приличное место»*. Перемещения требовали и два других соседних захоронения — схиигумена Евсевия и архиепископа Каменец-Подольского «прежде бывшего Воронежскаго» Антония I (Соколова).

О дальнейшем рассказывает иеромонах Геронтий: *«Архиепископ Антоний II лично прибыл в сей монастырь 12 мая 1846 года и нашел необходимым гроб святителя Тихона, находящийся под алтарем снимаемого храма, немедленно перенести в другое место, где народ мог безопасно видеть его».*

Ночью с 13 на 14 мая, в 12 часов, настоятель — архимандрит Серафим с казначеем — иеромонахом Паусием и с ризничим — иеромонахом Зосимою, раскрыли тумбу и, увидав тело святителя белым, в ту же минуту дали знать первоосвященному, который в это время молился в келлиях настоятеля».

Повествование продолжим словами самого Антония II, позаимствованными из подписанного им «Предложения»: *«Тело преосвященного Тихона найдено лежащим на месте 63-х летнего покоя в естественном положении человека, судя по частям, которые были открыты для простого взгляда, нетленным, а облачение*

архиерейское, в котором был погребен преосвященный Тихон, неповрежденным».

Открывшееся взору присутствовавших в ночь с 13 на 14 мая при вскрытии гроба святителя Тихона, вызвало у свидетелей не только религиозный восторг, но и немалую чиновничью озабоченность. Придание огласке факта нетления тела святителя, уже почитавшегося в народе за угодника Божия, могло привести к стечению богомольцев и стихийному выражению чувств, пусть и религиозных. А любое несанкционированное сверху собрание строго не поощрялось в России Николая I, еще в начале царствования напуганного выступлением декабристов.

Поэтому тело святителя Тихона, тогда же, глубокой ночью, «без огласки», перенесено было в теплую церковь и спешно упокоено. Тем не менее, слухов избежать не удалось.

В итоге *«между жителями г. Воронежа и окрестных мест произошло сильное религиозное движение»*, как доносил о том «Его Сиятельству г-ну шефу жандармов» воронежский жандармский полковник А. Ф. Козлов, которого происшедшее *«побудило отправиться в Задонск для секретного разузнания на месте о причинах столь необыкновенного народного движения, а равно и для личного удостоверения в обстоятельствах, сопровождавших перенесение тела преосвященного Тихона».*

«Когда стихло народное движение», 16 октября 1846 года, архиепископ Воронежский Антоний II (Смирницкий) назначил комиссию по освидетельствованию обнаруженных нетленных останков. Возглавил ее ректор Воронежской семинарии Симеон. Плодом деятельности комиссии стала *«Опись, учиненная священным одеждам святителя Тихона Воронежского и Елецкого по обретении и перенесении гроба его»*, а также подтверждение нетления.

Как рассказывал об этом задонскому помещику В. А. Викулину сам архимандрит Симеон, преосвященный Антоний вызвал его и сказал: *«Мы с вами дело сделали, но не довершили его; ведь мы оставили святителя Тихона в мокрой ризе. Поезжайте в Задонск; я вам туда поручение дам: снимите ризу и просушите ее».* Выполняя поручение архиерея, о. Симеон отправился в Задонск, где пробыл 5 дней. Днем он ревизовал местное духовное учили-

ще, а ночью просушивал ризу. Снять ее он не решился, *«но в рукава вставил распорки и в польник»*. Тогда же был приглашен живописец, который написал портрет святителя Тихона с его нетленных мощей. Сегодня оригинал этого изображения святителя можно считать безвозвратно утраченным.

Гроб с телом архиерея вложен был в другой, оклеенный кипарисовым шпоном, опечатан архипастырской печатью и перемещен в специально подготовленное помещение. Для устройства этого помещения в ризницу был пробит арочный проем, за которым на церковном полу и был установлен гроб, покрытый затем деревянную тумбой, украшенной *«преждем верхним изображением серебряным святителя, которое устроено в 1829 году иждивением майорши Анны Ивановны Хлусовой»*.

Сообщение об обретении нетленными мощей чтимого святителя было еще 20 мая 1846 года направлено в Святейший Синод, где на долгие годы легло под сукно, несмотря на то, что архиепископ Антоний обращался в Синод повторно.

Впрочем, преосвященному Антонию было отведено немного времени на хлопоты по открытию мощей — уже в декабре 1846 года он скончался.

Не сдвинулось дело с мертвой точки и позднее. Вот какую версию дальнейшего развития событий предлагает Т. Олейников в статье «Определение Св. Синода об открытии мощей Св. Тихона» из 10-го (за 1911 год) выпуска «Воронежской старины»: *«Вместе со вторым донесением Св. Синоду преосвященный Антоний, за шесть часов до своей кончины... уже слабеющей рукой подписал письмо на Высочайшее имя императора Николая I, в котором, сообщая о чудесах, совершающихся при гробе преосвященного Тихона, писал о всеобщем сладостном и притрепетном желании многих, — “да явлен будет сей великий Светильник веры и добрых дел, лежащий теперь под спудом, пред очию всех”*. Это письмо при докладе обер-прокурора Св. Синода графа Протасова было представлено Государю императору; прочитав его, Государь 12 января 1847 года собственноручно надписал на нем: *“переговорим при свидании”*. Но этим все и кончилось. Национальное восстание в Венгрии против австрийской власти, восточная война и другие государственные дела, — все это заставило императо-

ра забыть о донесениях преосвященного Антония, а напомнить ему об этом некому было, так как в Св. Синоде “бумага” преосвященного Антония была затеряна и ее долго не могли найти. В Воронеже тоже некому было снова поднять этот вопрос».

Действительно, сменившие Антония II (Смирницкого) на Воронежской кафедре епископы Игнатий (Семенов), а затем Парфений (Чертков), в отличие от предшественника, не испытывали соприкосновения с чудом, да и управляли делами епархии всего года по три каждый – срок весьма недолгий для того, чтобы человек, обремененный каждодневными хлопотами организационно-административного характера, мог отвлечься от сиюминутного.

И все же главным препятствием на первоначальном этапе в деле канонизации святителя, опочившего в Задонске, стало, видимо, то, что император Николай I с большим опасением относился к сколько-нибудь обширным собраниям подданных. Независимо от повода, он видел в них возможность возникновения беспорядков или, того хуже – бунта.

Из воспоминаний киевского генерал-губернатора М. И. Драгомирова следует, что *«...государю Николаю Павловичу не раз представлялись доклады о канонизации святителя Задонского Тихона. Государь всегда коротко и неизменно отвечал, что народ не стоит на той религиозной высоте, которая ставила бы его в возможность торжествовать причисление еще одного из своих образцовых служителей Церкви к лику святых».*

И далее: *«Народ разбаловался в своих понятиях о молитве и служении Творцу Небесному, поэтому – нужно остеречься, как бы не вышло осквернения искони чтимого на святой Руси обычая – делать, признавать и объявлять святым человека, прожившего весь свой век святой жизнью»*, – цитирует императора генерал Драгомиров.

Но бюрократические затяжки в деле канонизации св. Тихона не охладили рвение его почитателей, стремившихся облагодетельствовать обитель прославленную подвигами святителя.

Стараниями вдовы штаб-ротмистрши Екатерины Семеновны Чебышевой Задонский Богородицкий монастырь был возведен в

ранг первоклассного. Для покрытия увеличения расходов на содержание обители в связи с повышением ее класса, а значит, и численности монашествующих, она внесла в Московский Опекунский Совет на вечные времена в пользу Задонского Богородицкого мужского монастыря 15744 рубля 28 с тремя четвертями копеек серебром. После чего, **3 февраля 1851 года, император Николай I «соизволил высочайше утвердить»** определение Святейшего Синода о возведении третьеклассного Задонского Богородицкого монастыря в I-й класс, без увеличения содержания из казны.

По случаю такого радостного для всей монастырской братии события настоятелем архимандритом Серафимом в сослужении священнослужителей обители накануне Благовещения, 24 марта 1851 года, совершен был благодарственный молебен.

В том же 1851 году было завершено изготовление серебряного надгробия для места упокоения святителя Тихона, сделанного *«от усердия покойной камер-фрейлины, графини А. А. Орловой-Чесменской»*, по духовному завещанию ее. Обошлось надгробие в 5376 рублей 94 копейки и по осени 1851-го было торжественно возложено на могилу праведника.

Происходили перемены и в городе, развивавшемся как за счет казны, так и на свои, местные средства. К середине девятнадцатого столетия Задонск выглядел уже вполне сформировавшимся российским уездным городком. Вдоль прямых, екатерининского плана, улиц, стерших хуторскую застройку прежней монастырской слободки, выстроено было к этому времени 605 деревянных домов и 28 каменных. Помимо прочих общепользных зданий имел город и свой дом для «умалишенных».

Примечательно, что около 2-х десятков каменных строений принадлежали частным лицам. А частная «каменная» (кирпичная — на самом деле) застройка в то время, ввиду ее дороговизны, — признак привлекательности Задонска как места поселения с перспективой на долгие годы, а то и поколения. То есть, селились здесь всерьез и надолго. В том числе и те, кто, по независимости в средствах, мог позволить выбор места жительства. Самый яркий памятник частного домостроительства того периода именуется ныне «дом Ульриха».

Даже строения более позднего периода не могут соперничать в роскоши с этим достаточно неожиданным для провинции особняком, выстроенным в стилистике позднего классицизма.

Пока что окончательно не установлено, кто вложил просто-таки огромные (особенно — на фоне прочей застройки) средства в столь внушительное здание. Однозначно можно сказать — не «первый аптекарь города», как писали в советские годы. Постройка здания относится к началу XIX века, когда аптечный бизнес даже при сверхуспешности не мог принести необходимых для его сооружения доходов в городке с 4 тысячами населения. Да и семья Ульрихов, как выяснилось, была не первой, подвизавшейся на ниве задонской фармацевтики. В аптечном бизнесе Ульрихи активно действуют здесь с 1860-х по 1910-е годы.

Согласно сообщению А. В. Щербакова, в 1985 году Задонск посещал Н. Н. Ульрих, местный уроженец, появившийся на свет в семье Ульрихов в 1902 году. Ссылаясь на рассказы своего отца, Николай Николаевич сообщил: *«Мы купили этот дом у помещика Попова в 1870-1880-е годы»*.

Гость Задонска мог быть внуком «настоящего Ульриха» — титулярного советника Николая Андреевича Ульриха, достоверно имевшего сына, остающегося пока что для истории безымянным. Но и это, увы, не делает сообщение, основанное «на рассказах отца», заслуживающим безоговорочного доверия. Потому что вдова Н. А. Ульриха, скончавшегося между осенью 1893 и осенью 1894 годов, обращаясь в Задонское земство 29 сентября 1894 г. с просьбой о прощении недоимки по имущественному налогу как раз на дом, называет совершенно другой адрес «в 1-й части I квартала» — то есть, на участке современной улицы Карла Маркса от улицы Коммуны до Тешевки.

Возможно позднее, поправив дела, Ульрихи и переехали на ул. Монастырскую (как тогда именовалась Коммуна), купив дом у Поповых*.

* «Памятные книжки Воронежской губернии» и газета «Задонский листок» указывают, что «аптекарьский магазин А. П. Ульрих и сын», торговал на ул. Монастырская. Но не обязательно в доме. Это мог быть и один из флигелей, арендованный под аптеку, а потому и связавший имя Ульрихов с домом.

Некий «дом Попова», фигурирует в сохраненном потомками частном письме И. Ф. Кудинова от 17 марта 1871 г., как ориентир, который все хорошо знают.

«Обед этот [по случаю визита губернатора] должен был происходить в зале Мирового съезда [здание “присутственных мест”], полиция, помещающаяся в одном здании, тоже на время уступила свои владения... При этом благоразумные распорядители этого бала нашли необходимым всех гостей прежде всего собрать воедино... Обед назначался в 6 час., а в 5-м гости пешие и конные начали стекаться в доме Попова, и когда собрались все, тогда вся эта смесь одежд и лиц, разместившаяся как могла по саням, потянулась длинною вереницею, как свадебный поезд, потреблять дары Божию».

Но и «Попов», в известном историческом контексте, не кажется тем, кто построил знаменитый особняк*.

Нам, в том, что касается первоначальных владельцев этого по праву считающегося памятником архитектуры строения, видится вполне обоснованным предположение о принадлежности его семье Викулиных.

Ведь единовременно с постройкой «дома Ульриха» на средства богатейшего помещика С. А. Викулина в городе сооружаются здания училища и больницы, архитектурно решенные сходным образом. Финансирует Викулин и ряд других построек общественного значения.

Так что для Семена Алексеевича подобный особняк был вполне по средствам да к тому же соответствовал его архитектурным пристрастиям. Со смертью городского благодетеля в середине века традиции «викулинской» благотворительности пресекают-

* Относительно достоверно сегодня установлена предреволюционная история «дома Ульриха». В 1910 году «розовый дом» был приобретен (возможно у Ульрихов, к этому времени исчезающих из задонской истории) как свадебный подарок Ф. Г. Грушецкому (по сообщениям потомков рода Грушецких – Н. В. Грушецкой и Е. С. Меленевской). Незадолго до 1917 года Грушецкие его продали. Покупателем мог быть председатель уездной земской управы Б. В. Савельев. «Домом Савельева» именуют эту усадьбу местная «Советская газета» (указывая инициалы Б. В.) и заметки С. Г. Заворыкина, уточняющие расположение позднее снесенного И. Т. Карташевым под частную застройку флигеля по адресу ул. Коммуны, д. 1.

ся и Викулины сходят со страниц истории города. Вот тогда у особняка и могли появиться новые хозяева – Поповы – дворянская семья, небезызвестная в Задонске 1850–1870-х годов.

А вот история возведения другого строения, украсившего город тремя десятилетиями позже «дома Ульриха» – Владимирского собора Богородицкого монастыря, и ныне остающегося безусловной архитектурной доминантой городского пейзажа, известна хорошо.

Летом 1853 г. окончено было сооружение нового Владимирского собора по проекту К. А. Тона.

И 13 августа, в день, когда по традиции, заложенной еще епископом Воронежским Антонием I (Соколовым), правящим архиереем служились панихида и заупокойная литургия по святителю Тихону, состоялось освящение второго (основного) и третьего ярусов трехэтажного храма. Торжественный акт освящения совершен был архиепископом Воронежским и Задонским Иосифом (Богословским).

Нижний же цокольный этаж, перекрытый еще в 1848 году, тогда же и был освящен.

Новопостроенный собор являл собой великолепный образец храмового строительства середины девятнадцатого столетия. Пятикупольный, восьмипрестольный, трехэтажный храм был богато изукрашен разного рода оформительскими архитектурными элементами. Строительство обошлось в 150 тысяч рублей серебром и велось как за счет доходов монастыря, так и «добрых подаваний».

Как сообщает иеромонах Геронтий в «Описании...»: *«Престолов всех восемь. В среднем этаже – главный в честь чудотворной иконы Владимирской Божией Матери; правый – в честь Покрова Божией Матери; левый – во имя святителя Алексия, митрополита Московского и Симеона Столпника. В верхнем этаже или на хорах – правый, во имя св. мученицы царицы Александры, антиминс на коем священнодействованный и подписанный 1799 г. Серапионом, епископом Дмитровским, викарием Московским; левый, во имя св. первомученика архидиакона Стефана; антиминс на нем священнодействован и подписан 1791 г. Платоном, архиепископом*

Московским. В нижнем этаже: престол средний во имя Пресвятой Троицы; правый – во имя св. Праведной Анны; левый – во имя св. великомученицы Екатерины».*

Очевидец, посетивший Владимирский собор спустя несколько лет по окончании постройки, оставил такой отзыв о новом главном храме Богородицкой обители: *«особенно поражает обилие света и новейший вкус в отделке иконостаса, который поднимается почти на всю высоту храма, оканчиваясь золотым крестом. Образы нарисованы на белом фоне стены без риз, и обведены только тонкой золотой полоской. Внутри храма четыре массивных колонны поддерживают купол, также как и стены белые».* Гостей Задонска весьма впечатляла *«чудная и легкая»* архитектура Владимирского собора.

Так исполнилось пожелание святителя Антония II (Смирницкого), причтенного ныне к лику святых, чтобы Задонский Богородицкий монастырь имел соборный храм *«соответственный знатности монастыря».*

Черепица и кирпич здесь дешевы

Активная городская застройка первой половины XIX века, плюс строительные работы на территории Задонского Богородицкого монастыря потребовали столь большого количества кирпича, что возникла необходимость организовать его производство на месте.

Не случайно к 1855 году в городке, вплоть до начала 1820-х годов, «фабрик и заводов» не имевшем, насчитывается 8 производств, 4 из которых – кирпичные.

Остальные заводики также рассчитаны были на обслуживание местных нужд – салотопенный, сальносвечной, мыловаренный и пивоваренный.

* Примечательно, что правый придел в нижнем этаже устроен был в честь ангела графини Анны Орловой-Чесменской в память о ее очень крупном пожертвовании на строительство нового собора в Богородицком мужском монастыре. «Еще не довершен храм обители Задонской, но кто положил ему основание?», – риторически восклицает автор жизнеописания графини, составленного сразу после ее блаженной кончины, последовавшей в 1848 г.

Кормились от этого производства, помимо владельцев, около 160 задонцев (если считать не только собственно рабочих, но и членов их семей).

104 жителя города в 1855 году принадлежали к купеческому сословию. Торговлей промышляли и многие из трех с половиной тысяч мещан, составлявших основное население города. Порядок в городе поддерживали 9 полицейских, а почту разносили 5 почтальонов.

Почта доставлялась по Воронежско-Елецкому тракту, до середины прошлого столетия остававшемуся практически в том же состоянии «благоустроенности», в каком пребывал он с момента его официального учреждения в 1700 году. А потому было затеяно строительство шоссейной дороги.

И вот, наконец, 1 февраля 1859 года «Воронежские губернские ведомости» объявили, что *«шоссе от Воронежа до Задонска окончено сооружением и открыто для езды»*.

Шоссе, мощенное известняком, конечно, требовало постоянного ухода и ремонта и, тем не менее, значительно упрощало межгородское сообщение против прежней неухоженной грунтовки. Аналогично замощенный участок трассы от Ельца до переправы через Дон был завершен тогда же. А вот по городу Задонску экипажам, миновавшим мост, в непогоду приходилось по-прежнему пробираться по грязному бездорожью. Мостовых здешние улицы, даже та, по которой пролегла трасса шоссе, не имели. Лишь к 1863 году решен был вопрос о разрешении «устройства шоссейной мостовой для соединения Воронежского и Елецкого шоссе», сходящихся в Задонске.

В связи с осуществленным в 40-50-х годах XIX века обустройством шоссе встал вопрос о приведении в порядок узлового Задонского моста, устроенного впервые в 1799 году и уже не соответствовавшего интенсивности заметно оживившегося с тех пор транспортного потока.

Среди прочих предложений улучшения условий переправы через Дон в 1850-1851 годах рассматривался «проект постройки моста американской системы на каменных устоях». По недостатку средств проект этот остался нереализованным.

Вместо постройки стационарного моста был капитально отремонтирован старый сезонный, настил которого лежал на специальных судах, игравших роль понтонов. Реконструирован был и паром, использовавшийся для переправы в половодье, когда мост разводили. Благодаря снятию грунта, более удобными стали съезды к мосту и переправе по обоим берегам Дона.

Параллельно с ростом города, обустройством территории и развитием инфраструктуры продолжалось решение вопросов внутренней его жизни. Какую-то часть проблем позволяли решать городские доходы. Но больший вес имела благотворительность наиболее богатых жителей, а также финансовая помощь из государственной казны.

Так, по благотворительности надворного советника С. А. Викулина Задонск получил каменные здания уездного училища и городской больницы, выстроенной около 1818 года и не пережившей наши дни (остатки ее уже давно полуразрушенных стен ликвидировали в ходе строительства газовой котельной для спортшколы), о чем шла речь выше.

В свое же время это было весьма крепкое, основательное здание, позволявшее за год пролечивать до 200 человек только на «стационаре». В 1821 году больные содержались *«на собственном его (Викулина) пропитании»*. Оплачивал благодетель и аптеку «со всеми лекарствами». Но вот в 1841 г. ушел Семен Алексеевич в мир иной. Больница перешла на городское содержание полностью. И за лечение стали брать плату.

В 1854 году: *«Приход больницы – 2678 рублей и 26,25 копейки, расход – 2212 рублей 59,75 копейки»*. А потому, судя по статистике, полежать в больнице предпочитала почти исключительно мужская половина задонцев (видимо – как более полноправная). По отчету 1854 года на 200 мужчин, занимавших больничные койки, приходится лишь одна женщина.

Не везло женской части населения и с возможностью получения образования. Девицам всех возрастов путь в школу был заказан за неимением специальных учебных заведений.

Семьи побогаче пользовались услугами домашних учителей. Так, по отчету 1854 года в Задонске имелась домашняя учитель-

ница Мария Ивановна Бремель. Занималась она музыкой и французским языком с дочерьми городничего Семена Ивановича Халяпина. Для чего последний «нанимал ей собственный дом». Согласно заключенному между городничим и учительницей договору, она должна была на оговоренных условиях (предоставление помещения и оплата) обучать семерых девиц. Кроме того могла взять еще троих учениц по своему усмотрению и исключительно в пользу своего кармана.

Исправить положение в 1854 году взялась было лифляндская уроженка надворная советница Шарлотта Маюс, до переезда в Задонск бывшая содержательницей пансиона.

Она направила директору училищ Воронежской губернии М. А. Карпинскому следующее ходатайство: *«Получив право на открытие частного заведения для детей женского пола на правах уездного училища на 25 воспитанниц имею честь просить дозволить открыть таковое заведение в г. Задонске»*. К прошению прилагались документы и рекомендация, написанная отставным поручиком Н. Сабо, в которой он сообщал, что просительница ему *«известна как женщина весьма хорошей нравственности»*.

Определенные затруднения губернским чиновникам создал диплом. Ибо был он на немецком языке. Но, при помощи преподавателя губернской гимназии, с дипломом разобрались. После чего... просительнице отказали. Было сочтено неудобным давать ей разрешение, так как она намеревалась сама преподавать в училище французский и немецкий языки, а из представленных ею документов *«не следовало, чтобы она подвержена была установленному для сего специальному испытанию»*.

Пришлось задонским девицам ждать до года 1871, когда открыта была женская прогимназия.

Зато та часть системы народного образования, что была ориентирована на преподавание наук представителям сильного пола, развивалась в Задонске достаточно успешно по меркам российской провинции.

В 1837 году в Задонске было открыто уездное духовное училище. А к середине девятнадцатого столетия задонские «бурсаки» насчитывали уже 127 человек. Под руководством 5 учителей

они постигали азы и глубины священной истории, церковного устава, толкований на Священное Писание, истории Российской, географии всеобщей, арифметики, русской и славянской грамматики; осваивали науку пения и учились понимать по-гречески и по-латински; с прилежанием и без оного выводили буквы на уроках чистописания...

Светское же образование к середине столетия по-прежнему было представлено одним уездным училищем, при котором, правда, иждивением бывшего почетного смотрителя Редькина в 1840 году открылась так называемая Ланкастерская школа – начальное учебное заведение, базирующееся на популярной в те годы методике начального образования, разработанной лондонским учителем Дж. Ланкастером для детей неимущих родителей и базировавшейся на взаимном обучении.

В 1851 году 50 задонских ребятишек учились по методу Ланкастера, готовясь присоединиться к ребятам постарше, получавшим более основательное образование в уездном училище, владевшем «каменным зданием, соответствующим назначению и обеспечивающим нужды заведения». Здесь числилось «5 учителей мужчин» и «41 ученик мужского пола». Училищная библиотека к 1851 году насчитывала 518 томов книг 279 наименований.

Подобная организация начального образования явно не соответствовала потребностям города. Поэтому с конца 40-х годов XIX века завелась служебная переписка об открытии в Задонске приходского (светского) училища.

В 1849 году общество купцов и мещан выразило свое согласие на открытие с 1851 года приходского училища и назначило 260 рублей на его содержание, что и было засвидетельствовано письмом за кривоватой подписью городского головы – купца Борисова. 100 рублей добавили из городских доходов. Но, как говорится, скоро сказка сказывается.

Лишь 12 мая 1852 года штатный смотритель Задонских уездных училищ направил-таки директору училищ Воронежской губернии следующую победную реляцию: *«11 числа сего месяца в присутствии Почетного смотрителя Задонских уездных училищ,*

Задонского городничего, городского головы и многих чиновников и граждан, по совершении благодарственного молебна с водоосвящением, в наемном у задонского мещанина Василия Исаева доме открыто мною оное училище». Училище это состояло из одного класса, где обучали азам наук все по тому же методу Ланкастера.

Минули два года. Пришла пора очередных усовершенствований уже в духовном образовании.

1 января 1854 года задонские духовные уездное и приходское училища были преобразованы в одно Задонское уездное духовное училище, которое впоследствии стало именоваться Тихоновским. Но случилось это уже после 1861 года...

Год 1861, сделавший делом прошлым крепостное право, оставил неизгладимый след в истории России. Весьма заметной, если не самой значимой вехой оказывается он и в истории Задонска. Но – в связи с иными событиями. Отмена многовекового крестьянского рабства в 1861 году не была столь уж значима для подавляющего большинства населения давно уже не крепостной монастырской слободки, превращенной в главный и единственный город уезда.

Задонское «местное самоуправление» на момент исторического перелома для России в целом и Задонска в частности, представлено было следующими лицами: *«Городничий – состоящий в армии майор Степан Федорович Халяпин; Городская ратуша – бургомистр 3-ей гильдии купеческий сын Измайлов Ипполит Иванович; Городская дума – городской голова – 3-ей гильдии купец Исаев Николай Иванович»*. В их распоряжении был *«каменный одноэтажный дом с церковью для помещения городской думы, ратуши и городской больницы»* (все той же «викулинской» постройки).

«Ведомость о доходах и расходах городов Воронежской губернии за 1860 г.» по Задонску дает такие цифры: *«остаток от прошлых годов 3612 рублей, 17,75 копеек; приход за 1860 год 3746 рублей 22 копейки; расход за 1860 год 3084 рубля 50,5 копеек. Осталось всего сумм к 1861 году 4273 рубля 89,25 коп.»*

На территории Задонска к тому времени (по данным 1860 года) проживало лишь около полутора сотен жителей обоих полов, числившихся в крестьянском сословии.

Это были государственные крестьяне (28 мужчин и 34 женщины) и дворовые люди окрестных помещиков, имевших особняки в уездном центре.

Всего же на 1860 год горожан было 6897. Причем, с перевесом в пользу прекраснейшей половины человечества. На 3402 мужчины приходилось 3495 женщин.

Особенно интересно это соотношение у «отставных солдат с женами и дочерьми», выделенных в особую графу статистики городского народонаселения. Так вот на 50 отставных солдат приходилось... 318 жен и дочерей.

В основном же населяли Задонск «обыватели». К ним относились, собственно, настоящие горожане – купцы и мещане, чье благосостояние и определяло уровень развития города.

В 1860 году зарегистрирована очень высокая численность задонского купеческого сословия: 641 купец и 675 купчих. Понятно, что считали семьями, но все равно – многовато*.

И совсем уж мелкой торговлей, а также услужением и прочими обслуживающими работами зарабатывало на жизнь большинство из 4274 мещан и мещанок. При этом настоящих, зарегистрированных, наемных рабочих среди них было очень мало. По данным 1855 года в рабочем сословии числится 77 мужчин и 81 женщина.

В 1860 году рабочих не зарегистрировано вообще, хотя соответствующая графа в демографической таблице имеется.

Как имеется и невеликая, но все же действующая местная промышленность, которая, вполне понятно не могла обходиться без наемных рабочих рук. Значит, по каким-то, скорее всего налоговым соображениям, числиться в рабочем сословии было не выгодно...

А вот зарабатывать деньги индивидуальным трудом – другое дело. Только официально было зарегистрировано 379 ремесленников и их подмастерий с учениками. В том числе: хлебников –

* Судя по тому, что в 1855 году зарегистрировано было лишь около ста представителей купеческого сословия, отнесенного к гильдиям, спустя 5 лет просто посчитали всех торгующих, а не только гильдейских купцов, носивших это звание и по роду занятий, и по записи в паспорте.

17; булочников – 13; мясников – 18; кондитеров – 2; портных – 53; сапожников – 54; башмачников – 28; печников – 23; столяров – 58; каретников – 21; шорник – 1; кузнецов – 38; медников – 5; лудильщиков – 3; извозчиков – 14; коновалов – 2; часовых мастеров – 2; трубочист – 1; красильщиков – 9; живописцев – 7.

Действовали в Задонске на 1860 год 8 предприятий.

В основном, как уже сложилось ранее, это были кирпичные заводы, выделявавшие достаточно широкий ассортимент продукции, из которой особенно славилась местная черепица. Ее производство являлось весьма выгодным в связи с обилием в окрестностях Задонска качественной «красной глины», отнесенной Воронежским губернским статистическим комитетом к тем немногим «полезным ископаемым», которые можно было найти на здешней земле.

А. С. Тарачкову – секретарю Орловского губернского статистического комитета, совершившему путешествие из Орла в Воронеж летом 1860 г., наш город запомнился таким: *«Подъезжая к Задонску из Орловской губернии, его можно видеть верст за десять. Этот городок вдаль и вблизи произвел на меня весьма приятное впечатление. Дома в нем большей частью деревянные, крытые черепитчатыми кровлями; каменных немного»*. А вот что замечает по этому поводу о. Геронтий: *«Черепичные крыши, которых так много в г. Задонске, представляют очень красивый вид, особенно издали. Это едва ли не единственная особенность Задонска, сравнительно с другими уездными городами. Этому способствует изобилие находящегося в окрестности города глинистого грунта; почему многие из жителей занимаются выделкою прекрасной черепицы и кирпича на устроенных за городом кирпичных заводах. Вследствие этого условия черепица и кирпич здесь дешевы и составляют важный предмет местной торговли»*.

Теперь трудно сказать, сколь «многие» из задонцев занимались кирпичным производством на самом деле, но официально было зарегистрировано в 1860 году 5 кирпичных заводиков, произведших в отчетном году продукции на 875 рублей. Реализовали ее «на месте».

Имелся в Задонске салотопенный заводик, бывший сырьевым придатком более крупного производства в Лебедяни. А два предпринимателя варили мыло на месте. Правда, к 1860 году один из двух мыловаренных заводов уже бездействовал.

Безусловным же лидером задонской «промышленности» этого периода по объемам производства в денежном выражении была суконная фабрика, выработавшая за год продукции на 9458 рублей по заказу Воронежской коммерческой комиссии.

То, что не реализовывалось на месте и не вывозилось за пределы уезда, задонские коммерсанты пытались расторгивать на продолжавших действовать традиционных здешних ярмарках, приуроченных к празднованиям событий, связанных с чудотворениями Владимирской иконы Божией Матери.

Правда, торговля на этих ярмарках шла далеко не так бойко, как в первые десятилетия их существования.

Развитие дорожной сети, улучшение и ускорение сообщения в стране снижало значение местных ярмарок, более соответствовавших системе натурального хозяйства. И, согласно статистическим данным, в 1855 году ярмарочный привоз значительно превышал итоговую продажу. Так, 21 мая привезено было товаров на 13 тысяч, а продано — менее, чем на тысячу. 23 июня привоз и продажа составили 15 и 2 тысячи; 26 августа — 4 тысячи и 600 рублей соответственно...

Не помогала задонскому купечеству и близость к Дону. Несмотря на все легендарные рассказы на тему «вот были реки в прежние времена», Дон в районе Задонска уже в середине девятнадцатого столетия перестал считаться судоходной рекой.

Таким образом, городская экономика по-прежнему оставалась ориентированной на удовлетворение местных нужд, и развитие ее, шедшее по экстенсивному варианту, напрямую зависело от прироста числа потребителей.

А потому именно состоявшееся в 1861 году открытие мощей святителя Тихона, на долгие годы вперед обеспечившее город и его бизнес притоком иногородних паломников, стало определяющим событием не только 1861 года, но и оставшегося отрезка дореволюционной истории Задонска.

У дверей Синода

Открытие мошей святителя Тихона, епископа Воронежского, ставшее наиболее значимым фактом в истории Задонска, готовилось исподволь. И готовилось долго. Причем, весь ход предшествовавших этому событий опровергает популярный в годы «научного атеизма» тезис о том, что новый угодник Божий был «сочинен», как говорится, на скорую руку, дабы утешить народ, возмущенный реальным механизмом отмены крепостного права, освобождавшим многих крестьян не только от рабства, но и последнего нажитого.

На самом деле, с первых лет после окончания земной жизни святителя не ослабевал приток паломников, шедших со всех концов Руси, дабы поклониться могиле прославленного праведника, при жизни еще, за мудрость и благотворение почитавшегося человеком Божиим. Дело было лишь за официальным, «бумажным» оформлением того акта, который русский православный народ уже совершил в своей душе, искренне почитая бывшего епископа Воронежского и Елецкого Тихона (Соколовского) за святого.

А привлекали богомольцев в Задонск десятилетия за десятилетием не чьи-то пустые домыслы, в беспочвенности которых убедились бы сразу, а память о «препростом владыке» и сотни проявлений благодати Божией, связанных с именем святителя Тихона, прозванного в народе Задонским.

Только за 1820-1861 год монахами Богородицкого монастыря, ведшими специальную тетрадь, было зарегистрировано 48 чудесных исцелений. Причем, с соблюдением необходимых формальностей.

Приведем одну из этих записей: *«Задонского уезда, деревни Матюшкиной, дворовый помещика Алексея Бабокова человек, Иона Алмазов, в августе месяце 1836 года лишился, вследствие болезни, ног и языка; в сентябре месяце, по приказанию помещика, был привезен своєю матерью в Задонский монастырь, где несколько дней был приносим в церковь для служения молебнов Божией Матери и панихид по Святителе Тихоне; неоднократно прикладывали его к*

лику изображения Святителя Тихона; в первую же ночь по возвращении домой из Задонска, Алмазов начал хорошо ходить и говорить и доселе здоров. Случай сей записан в монастырских актах и подтвержден присягою самого Ионы Алмазова».

Среди официально зарегистрированных исцелившихся, согласно не раз опубликованным данным синодального «Дела № 969 об открытии мощей св. Тихона, епископа Воронежского и Елецкого» не только крестьяне, искавшие исцеления «по приказанию помещика», но и сами помещики, чиновники, купцы, мещане. А сколько испытавших благодать Божью при обращении с молитвой ко святителю Тихону, оставило это в тайне?!

О степени почитания святителя задолго до его канонизации говорит, например, то, что именно за счет доходов от притекавших к его могиле паломников смог вести строительство стоящего доньне Владимирского собора Задонский Богородицкий монастырь. История сохранила для потомков очень красноречивую и откровенную в этом плане фразу, прозвучавшую в ходе состоявшегося весной 1846 года разговора епископа Воронежского и Задонского Антония II с задонским помещиком В. А. Викулиным. Речь шла о возможном разрушении склепа под алтарем, где покоилось тело св. Тихона.

В письме Воронежскому архиепископу Иосифу и Санкт-Петербургскому митрополиту Исидору (Никольскому) Викулин вспоминает: *«В тот самый день, 13 мая, я, Викулин, видел преосвященного Антония; он был в тревожном состоянии духа и сказал: “Вот Иларий [настоятель монастыря] что сделал: начал строить церковь не на том месте; пещера [помещение под алтарем старого Владимирского собора, где был похоронен св. Тихон] треснула, она обвалится, тогда богомольцев не будет; богомольцев не будет — доходу не будет, церковь строить нечем”».*

Как показали последующие события, беспокоился правящий епископ об оскудении монастырской казны зря. Именно угроза разрушения гробницы привела к ее обследованию, установившему факт нетленности мощей св. Тихона. Распространившиеся по этому поводу слухи еще более подогрели религиозное рвение в народе. Не осталось, вполне понятно, в стороне и епархи-

альное руководство. Тем не менее Синод в конце 40-х годов XIX века оставил ситуацию без последствий, несмотря на настойчивость владыки Антония II.

Лишь при архиепископе Иосифе (Богословском), занимавшем Воронежскую епископскую кафедру с 1853 по 1864 год, хлопоты по официальной канонизации почившего в 1783 году епископа Воронежского и Елецкого Тихона были возобновлены. Владыка Иосиф под давлением верующей «общественности»* просто-таки вынужден был обратиться с просьбой *«вразумить, как приступить к вопросу об открытии мощей св. Тихона»* к митрополитам Исидору (Никольскому) и Филарету (Дроздову), бывших ключевыми фигурами в тогдашней российской церковной иерархии.

В ответ из Синода поступил официальный запрос по поводу достоверности сведений, сообщенных в 1846 году архиепископом Антонием II. Кроме того, в послании Синода поручалось узнать мнение настоятеля Задонского Богородицкого монастыря и братии по поводу целесообразности открытия мощей, а также сообщить, были ли в период с 1846 по 1860 год какие-либо благодатные знамения при гробе святителя Тихона.

Уже 28 февраля 1860 года архиепископ Иосиф направил обер-прокурору Святейшего Синода письмо в котором подтверждалось все ранее сообщенное Антонием II, а также приводились примеры чудесных исцелений, совершенных при гробе святителя Тихона в самое последнее время.

В результате обсуждения Св. Синодом донесений из Воронежской епархии было решено *«войти в секретное и внимательное рассмотрение сего дела»*.

Постановлением Св. Синода от 8 мая 1860 года, утвержденным лично императором Александром II 9 мая, митрополиту Киевскому Исидору поручено было *«в сопровождении одного из московских архимандритов, по назначению митрополита Филарета, посетить Задонск и, пригласив в оный, под видом личного свидания, преосвященного архиепископа Воронежского с присоеди-*

* Т. М. Олейников передает рассказ владыки Иосифа о том, как «некая княгиня» даже возмутилась, что так долго не открывают мощи Задонского Чудотворца.

нием двух лиц из белого духовенства, пользующихся по своей безукоризненной жизни общим доверием, и двух иеромонахов Задонского монастыря, отличающихся своим благочестием, секретно приступить к освидетельствованию тела епископа Тихона». Кроме того, все в той же атмосфере строгой секретности, комиссии предписывалось «избегая всевозможно огласки, произвести тщательное исследование» чудотворений, приписываемых мощам кандидата на причисление к лику святых.

Из процитированных выше строк видно, что петиции из Воронежа в столице отнюдь не собирались безоговорочно принимать на веру. И столь осторожный подход к делу со стороны церковного чиновничества вовсе не случаен.

История Русской Церкви, как и любого религиозного предприятия, помимо выполнения задач духовного наставничества, связанного с необходимостью извлечения вполне материальной прибыли на собственное устройство, изобилует разного рода «вымыслами» — пользуясь терминологией «Духовного регламента» Петра I. Пребывание чудотворной иконы или святых мощей в той или иной церкви или монастыре — источник стабильного дохода. А потому, бывало, служители церкви не гнушались, мягко говоря, приукрасить действительность. Чтобы такого не случилось, «Духовным регламентом» вменялось в обязанность церковным иерархам и их служителям бдительно наблюдать *«не делаются ли где суеверия, не проявляет ли кто для скверноприбытства ложных чудес»*. *«Аще где проявится нетленное тело или придет в слух видение сие или чудотворение, — говорит «Регламент», — коллегium долженствует испытывать тоя истины, призвав на розыск оных повестителей»*. Изданный в начале XVII века и активно применявшийся на практике «Регламент» с его попетровски суровыми положениями, неисполнение которых влекло разные неприятные последствия, отучил во всяком случае официальную Русь-матушку от легковерия.

А потому за два послепетровских столетия, вплоть до начала правления последнего царя, канонизировано было лишь четыре угодника Божия. Зато, учитывая обстоятельства их канонизации, можно быть уверенным, что причисленные к сонму пра-

ведников в это нелегковерное время, как говорится, «на все сто» соответствовали тому идеальному образу, который рисуется в воображении людей верующих.

В числе этих избранных оказался и святитель Тихон, епископ Воронежский, Задонский чудотворец...

Сформированная по указанию Св. Синода для освидетельствования мощей св. Тихона комиссия под председательством киевского митрополита Исидора прибыла в Задонск.

Здесь к митрополиту Исидору, архимандриту Паисию из Московского Покровского монастыря и воронежскому архиепископу Иосифу присоединились иеромонахи Задонского Богородицкого монастыря Зосима и Аркадий, а также протоиерей городского собора Петр Иоаннович Алексеевский и священник Иоанн Васильевич Попов.

Официальное освидетельствование мощей св. Тихона состоялось 19 мая 1860 года.

По результатам составлен был акт, в котором записано: *«Тело святителя Тихона, не смотря на 76-летнее пребывание его во гробе, благодатию Божиею сохранилось нетленным, кроме одного большого пальца левой ноги, который подвергся тлению... Плоть на всех членах тела сохранилась, отвердела и присохла к костям, цвет ея потемнел и подобен цвету известных сохранившихся нетленными мощей святых угодников Божиих. Плечные и коленные суставы рук и ног несколько разошлись, хотя не совершенно отделились. Это, по всей вероятности, произошло от того, что могила в коей первоначально погребен был святитель, до такой степени была сыра, что тело его со всем одеянием, при перенесении в церковь в 1846 году, по свидетельству очевидцев, найдено совершенно мокрым, и, при переложении в новый гроб, некоторые члены тела, лишенные гибкости, удобно могли потерпеть повреждение. В прочих частях тела не замечено никакого повреждения. Архиерейское облачение сохранилось в целости, панагия, наперсный серебряный крест покрылись ярью; деревянный крест в правой руке святителя, обложенный серебряною чеканною бляхою, позеленел от окисления металла, но древо креста ни малейшей не подверглось гнилости».*

К этому акту митрополит киевский Исидор присовокупил сообщение о проверке некоторых чудес «посредством опроса под присягою тех лиц, над которыми они совершались».

Ознакомившись с предоставленными по результатам поездки в Задонск отчетами, члены Св. Синода пришли к заключению, что *«все изложенные в деле и обследованные надлежащим образом случаи исцелений не представляют никакого сомнения в своей достоверности, и по свойству принадлежат к событиям сверхъестественным»*.

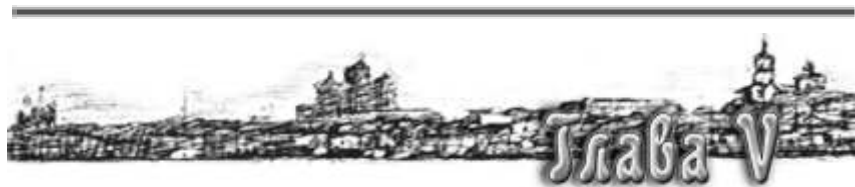
На основании принятого заключения был подготовлен доклад, представленный на утверждение Александру II.

Суть предложений доклада сводилась к следующему: тело преосвященного епископа Воронежского Тихона следует признать за мощи несомненно святые; надо перенести их в главный собор Задонского Богородицкого монастыря, положив в приличном и открытом месте для всеобщего поклонения; память святителя праздновать в день его преставления 13 августа; объявить о сем во всенародное известие. И Государь-император Александр II собственноручно начертал на этом докладе: *«Согласен с мнением Св. Синода. Александр»*.

В соответствии с устным пожеланием Государя императора, переданным обер-прокурором Святейшему Синоду, открытие мощей святителя Тихона, епископа Воронежского, чудотворца Задонского, было назначено на 13 августа – день, объявленный днем памяти нового русского святого.

В июле 1861 года по всем епархиям разослан был синодальный указ, в котором излагалась история открытия мощей св. Тихона и объявлялось о причислении его к лику святых.

РУССКИЙ ИЕРУСАЛИМ

Великое открытие

Намеченное на 13 августа открытие мощей прибавило хлопот властям не только духовным, но и гражданским.

Предвидя небывалое доселе стечение людей, воронежский губернатор генерал-майор М. И. Чертков позаботился о принятии ряда экстренных мер для обеспечения организованного проведения торжеств в Задонске. В частности, решено было соорудить временные постройки, способные дать кров тысячам паломников. Подрядился это сделать воронежский купец Н. В. Щепетильников.

И обещанное выполнил, сумев при этом уравновесить интересы собственного кармана и общественные. 10 тысяч мест в выстроенных Щепетильниковым на берегу Дона двух огромных сараях, крыши и стены которых были соломенными, предоставлялись для ночевки и отдыха бесплатно. Кроме того, бараки *«заклучали в себе три залы для общего стола и 120 номеров для приезжающих, по 2 и по 4 руб. серебром в сутки»*.

Превратились в гостиницы и дома задонцев. Сообщается даже, что *«жители города освобождали свои дома и переходили в подсобные помещения, вокруг города были поставлены палатки для простого народа»*.

Причем, по воспоминаниям очевидцев, втридорога за ночлег не драли. Хотя, поначалу, хотели некоторые воспользоваться случаем, изрядно подняв цены на жилье и питание. Да не вышло. По рассказам задонских старожил (правда, записанным

уже полвека спустя) дома пожелавших нажиться на благом деле уничтожил пожар. Уцелела лишь крытая соломой хибара бедной вдовы, отказавшейся наживаться за счет богомольцев. И это якобы послужило уроком остальным. Может быть, и так.

Но что точно остановило вполне реальный в таких случаях рост цен — так это жесткие меры, принятые губернскими властями к их ограничению. Временно в Задонске установили фиксированные цены на основные продукты питания. *«Хлебные торговцы хотели поднять цены на хлеб, но губернатор, узнав об этом, сей час же наложил таксу за пуд печеного хлеба 40 коп. серебром»*, — сообщает брошюра «Поездка в Задонск во время открытия мощей епископа Воронежского и Елецкого Тихона I-го».

Очевидец — задонский протоиерей И. Ф. Попов — в своих заметках *«подтверждает, что цены на припасы стояли по таксе»*. Он же рассказывает, как один из торговцев продал несколько фунтов ржаного хлеба дороже установленной цены, но был так мучим совестью, что «в заглаждение своего поступка» он стал продавать хлеб даже дешевле фиксированной цены, а бедным, и вообще — раздавал даром.

За соблюдением губернских распоряжений следили не только местные полицейские, но и прикомандированные из Воронежа — 20 нижних чинов и несколько офицеров, в том числе — лично воронежский полицмейстер Ф. Л. Колиньи.

В Задонской городской больнице число кроватей увеличили до 50. Руководство уездным учреждением здравоохранения взяло на себя член губернской Врачебной Управы.

На улицах города провели благоустройство, установив, где необходимо, ограды и перила. И сама *«обитель Задонская прибралась, приготовилась и, как невеста, разукрасилась к предстоящему торжеству: церкви поновлены, здания отделаны и приготовлены помещения для лиц, имеющих прибыть на торжество»*. *«Внутри монастыря приготовлено было для этой цели до 200 квартир удобных, из братских келий»*, — уточняет иеромонах Геронтий.

И вот, еще за две недели до праздника, к стенам Богородицкого монастыря стали собираться богомольцы. Ко дню прославления, по официальной статистике, в Задонск сошло и съеха-

лось до 300 000. При этом только экипажей (не считая телег) было 5 000. Всего же транспортных средств насчитали 12 600.

Для совершения торжества прибыли митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Исидор, архиепископ Воронежский и Задонский Иосиф, епископы Тамбовский Феофан (Говоров) и Курский Сергей (Ляпидевский-Каркадиновский).

Прочего же духовенства разного сана участвовало в открытии мощей около трех сотен.

Светскую власть в этот знаменательный для всей России день представляли обер-прокурор Святейшего Синода граф А. П. Толстой, бывший воронежский губернатор граф Д. Н. Толстой, сенатор князь Б. Д. Голицын, уполномоченный Министерства внутренних дел генерал-майор Б. А. Врасский, а также другое менее именитое столичное чиновничество вкупе с воронежским губернатором генерал-майором М. И. Чертковым, которого сопровождали высшие губернские и уездные гражданские и военные чины. Присутствовало почетнейшее купечество Воронежа и Ельца и градоначалие Задонска.

В «час пополудни», 12 августа 1861 года, начался одновременно благовест в городском и монастырском соборах, куда, соответственно, собралось белое и черное духовенство.

В половине второго под колокольный перезвон из городского Успенского собора выступил крестный ход и отправился к монастырю, где его встретили монашествующие, также вышедшие с крестным ходом.

Встретившись, оба крестных хода объединились и направились к Владимирскому собору. Здесь состоялось краткое молитвословие совершенное митрополитом Исидором и тремя другими архиереями. После чего, вновь крестным ходом, все направились в церковь Рождества Богородицы, где покоились святые мощи. С молитвенными песнопениями гробница была перенесена с обычного места в центр храма. На гроб возложили покров и архиерейскую мантию св. Тихона. Затем все отдали святыне земной поклон. И, с возгласом митрополита Исидора «С миром изыдем», священнослужители подняли святые мощи и понесли во Владимирский собор.

Сообщается, что в крестном ходе участвовали 70 пар причетников, 30 пар дьяконов, 80 пар священников и иеромонахов и 7 архимандритов.

Под колокольный перезвон крестный ход с мощами святителя Тихона, медленно, с молитвенными песнопениями приближался к вратам Владимирского собора, продвигаясь по живому коридору, прорезавшему плотную толпу, теснившуюся на переполненном монастырском дворе. Многие из богомольцев, не участвовавших непосредственно в крестном ходе, пока продолжалось шествие, оставались на коленях, держа в руках горящие свечи. И вот, наконец, процессия, сияющая парчой хоругвей и одеяний, с присущей моменту торжественной медлительностью влилась внутрь собора. Рака, вмещавшая прославляемую святыню, водружена была посредине храма, пронизанного лучами послеполюденного августовского солнца.

И здесь было продолжено молебствие новопрославленному святому с запевом «Святителю отче наш Тихоне, моли Бога о нас». По окончании молебна, после возгласения многолетия императору и всей августейшей фамилии, крестный ход пришедший в монастырь из городского собора, покинул обитель, а под сводами храма, посвященного Владимирской иконе Божией Матери, началось совершение малой вечерни. Сослужавшие в тот день архиереи прошли в алтарь и разоблачились — для них последовал перерыв перед главным торжеством этого «самого длинного дня» в истории Задонска.

И вот в 6 часов пополудни 12 августа 1861 года над городом разнесся благовест, созывавший на всюнощное бдение. Сослужали четверо архиереев и 24 священника разных рангов.

Архиепископ Воронежский Иосиф обратился к переполнившим храм богомольцам с «приличной торжеству» проповедью, смысл которой можно свести к следующим словам, сказанным преосвященным в самом начале: *«По благодати Христовой, ныне здесь, братие христиане, открылся новый цельбоносный источник во святых мощах новопрославленного святителя Тихона».*

Отзвучали последние слова, завершая архиерейское обращение и хор грянул: «Хвалите имя Господне». После четвертого сти-

ха сослужающие архиереи приступили к гробнице, вмещавшей мощи и трижды поклонились до земли. Митрополиту Исидору, как старшему из совершающих богослужение, вручен был ключ от запечатанной гробницы. И вот он, осенив себя крестным знаменем, отпер замок и открыл мощи, находившиеся в особом гробе без крышки. Затем, с помощью подведенных под гроб лент, архиереи извлекли его из гробницы, которая тем временем была отставлена в сторону и заняла будущее постоянное место — под балдахином в левой части храма. Гроб же поставлен был посредине. Святню накрыли дорогим покровом, а поверх него возложили архиерейскую мантию самого святителя Тихона.

«В храме, по открытии мощей, — вспоминает прямой свидетель происходившего, — настала мертвая тишина, так что нельзя было поверить, что в храме было около несколько тысяч народа; едва только крышка была снята, весь народ от восторга и умиления поклонился до земли; лица всех были орошены слезами. “Батюшка ты наш! Отец наш! Родимый! — шептал один старик, заливаясь слезами. — Ожил ты для нас, кормилец! Этакого счастья удостоил меня Господь многогрешного”»...

После всеобщего поклона священнослужителями и вторившим им народом пропето было величание новому чудотворцу: «Величаем тя, святителю, отче наш Тихоне, и чтем святую память твою, ты-бо молиши за нас Христа Бога нашего». Под звуки повторявшегося величания, архиереи, став крестообразно вокруг гроба, совершили каждение, окадив сначала святые мощи, а затем, поочередно, алтарь, иконы, весь храм и предстоявших в нем молящихся.

По прочтении митрополитом Исидором Евангелия, к мощам допущены были сослужавшие и присутствовавшие в храме клирики. А потом открыли доступ к новопрославленному угоднику прочему народу. Митрополит и три архиерея, стоя на возвышенных местах, совершали помазание елеем приложившихся к святине. Но, как только открыли свободный доступ к мощам, благочинный доселе порядок торжества был нарушен. По воспоминаниям очевидцев, в переполненном храме началась невообразимая давка. Не разбирали уже ни чинов, ни очередности.

В первые мгновения, когда «все смешалось», казалось, что навести порядок не под силу даже полиции. Командовавший нарядом полицмейстер смело вклинился в забурлившую толпу, намереваясь выстроить ее в очередь, но был в мгновение ока смят людским потоком. Полицейским пришлось броситься на выручку к командиру. Извлечь из толпы его удалось, но в изрядно помятом виде — в толчее у него даже оторвали саблю.

Лишь через некоторое время, где тычками, где уговорами и увещеваниями удалось более-менее стабилизировать ситуацию, вдруг вышедшую из-под контроля. Поклонение мощам продолжилось уже в более организованной форме вплоть до конца всеобщего бдения, завершившегося в час ночи.

Но и после того как отзвучали последние слова заповедной службы, двери храма оставались отверстыми. Богомольцы, желавшие припасть к новоявленной святыне, все шли и шли. Архидерев, отправившихся отдыхать, сменили священники, продолжавшие совершать помазание.

В храме неотлучно дежурила полиция. Обеспокоенный губернатор в течение той ночи неоднократно лично проверял как удается соблюдать порядок и благочиние. Но полного порядка, в частности, в обеспечении очередности доступа, так и не удалось навести. Позднее, митрополит Исидор в письме к митрополиту Филарету заметил, что во время открытия мощей св. Тихона *«распоряжения были неудовлетворительны, и иные в продолжении нескольких дней не могли дойти до мощей святителя»*.

Но в тот момент счастье от разделенной тысячами сердец духовной радости обретения святыни заслоняло для богомольцев все неурядицы мирского плана.

«Благоговение было великое. — отмечает в свою очередь митрополит Московский Филарет в письме к А. Н. Муравьеву. *— 20 или 30 случаев благодатных исцелений записано, а было, как говорит владыка Новгородский [митрополит Исидор], конечно сто и более. Он сказывал, что некоторые слепые получали зрение, что один скрюченный, у которого ноги были пригнуты за спину, когда приложен был к св. мощам, распрямился и стал на ноги»*.

Сообщается, что *«после всенощного бдения монастырский двор, все городские площади и улицы, а также шоссе́нная дорога на протяжении двух верст по обеим сторонам Задонска осветились огнями, представляя собой в темноте ночи как бы отражение небесного свода, усеянного звездами. Масса народа, не поместившись в домах и бараках, проводила ночь под открытым небом; говор не умолкал. Слышались пение псалмов, чтение акафистов и рассказы об исцелениях от угодника; передавали друг другу впечатления торжества открытия святых мощей. Многие, несмотря на усталость от тесноты, давки и духоты в храме, так были возбуждены, что провели ночь под 13 августа без сна».*

Под утро землю оросил дождь. Недостаточно затяжной, чтобы испортить настроение коротавшим ночь под открытым небом, но вполне достаточный, чтобы освежить воздух и прибить пыль, «которой богат Задонск, благодаря своему песчаному грунту». И действительно, день 13 августа, после прошедшего дождя, был нежарким, тихим и мягким.

Погода благоприятствовала огромному скоплению богомольцев, заполонивших монастырский двор и его окрестности в ожидании главного крестного хода с мощами уже прославленного угодника, который должен был совершиться в этот день. *«Еще ранним утром богомольцы, на захват, спешили занять такие места, чтобы видно было обнесение после литургии святых мощей»*, — вспоминал позднее участник тех событий.

А началась литургия 13 августа в половине десятого. Вновь сослужали четыре архиерея, а с ними — семь архимандритов, а также 24 священника из числа как черного, так и белого духовенства. В ходе совершения литургии гроб с мощами святителя внесен был в алтарь и установлен там на горнем месте лицом к престолу. Тем самым, занимая центральное место среди сослужающих, св. Тихон в этот момент, символически, являлся предстоятелем (главным среди совершающих службу).

Религиозный восторг участников богослужения был таков, что епископ Тамбовский Феофан (ныне, под именем святителя Феофана, затворника Вышенского, причтенный к лику святых) не мог сдержать слез.

В конце литургии мощи святителя Тихона изнесены были из алтаря и поставлены близ амвона, лицом к Царским вратам. Митрополит Исидор, выйдя на амвон, обратился к молящимся с проповедью, центральной темой которой стал образ светоча духовного, указующего путь и дающего надежду, каковым и является новопрославленный угодник.

«По окончании литургии, — сообщает архимандрит Александр (Кременецкий) — автор подробного описания этого события, — митрополит, архиереи и все сослужащие священнослужители вышли на средину храма, к ним присоединился сонм священнослужителей, пожелавших принять участие в крестном ходе со святыми мощами. Все стали перед святыми мощами. Митрополит и архиереи раздали священнослужителям зажженные свечи. Начали молебен святителю. При пении тропаря святителю: “От юности возлюбил еси Христа, блаженне...”, гроб со св. мощами поставили на приготовленные носилки, священнослужители подняли их и на раменах (плечах) понесли из церкви вокруг монастыря, при колокольном звоне в монастыре и во всех городских церквях. Крестный ход останавливался, для служения литий, на всех четырех сторонах монастыря. Он тянулся на протяжении не менее версты и представлял потрясающее зрелище! Все монастырские здания и ограда вокруг монастыря, высокая четырехъярусная монастырская колокольня, — все было наполнено, унижено народом, в монастырском саду народ висел на деревьях, держась за сучья, в городе во многих домах были разобраны черепичные крыши и усыпаны народом. По мере того, как крестный ход с ракою святых мощей подвигался вокруг монастыря, народ, держа в руках горящие свечи, падал на колени, осеняя себя крестным знаменем, и с молитвенными вздохами и рыданиями взывал к святителю: “Святителю отче наш Тихоне, моли Бога о нас!”, “Батюшка, спаси!”, “Батюшка, помоги!”, “Батюшка, кормилец, защити!”.

Путь, по которому несли св. мощи, был устлан грудями жертвованных вещей, затруднявших даже крестный ход: жертвы сыпались как дождь: бросали под раку угодника деньги, куски полотна, полотенца, шарфы, елецкие кружева; снимали с себя и бросали пояса, жилеты, шапки, шляпы и проч. Один крестьянин, не имея

ничего, снял с себя кафтан и бросил на дорогу, по которой следовал угодник Божий». Известно, что после крестного хода было собрано только холста 50 тысяч аршин. Денег насобирали около 600 рублей.

По повелению главенствовавшего на торжествах митрополита Исидора, пожертвованные вещи розданы были бедным. «Пусть святитель Тихон оденет ими нищих», — отвечивал митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский на вопрос, что делать с собранными вещами. В «Житии» св. Тихона приводится пример исцеления женщины, получившей кушак из числа пожертвованной одежды.

Завершив шествие вокруг монастыря, крестный ход возвратился под сень Владимирского собора.

Рака с мощами св. Тихона установлена была на приготовленное для нее постоянное место в середине левой арки под балдахином. Коленопреклоненный митрополит Исидор прочел молитву, специально составленную для торжества открытия мощей Задонского чудотворца. Затем провозглашено было многолетие императору и царствующему дому, а также «Святейшему Синоду, Святейшим патриархам православным, Правительствуемому Синклиту, военачальникам, градоначальникам и всем православным христианам». Окончание службы ознаменовалось колокольным перезвоном в монастыре и по всем церквям города, как и в день Пасхальный, не умолкавшим затем до вечера.

Архиепископ Воронежский Иосиф благословил, окропив святою водою, приготовленную на монастырском дворе трапезу для народа, а митрополит Исидор, в сопровождении двух других архиереев, высших представителей сослужавшего духовенства и присутствовавшего мирского чиновничества, отправился в покои настоятеля архимандрита Димитрия, где также была приготовлена трапеза.

Торжественный обед в покоях настоятеля сопровождал концерт духовных песен архиерейского Воронежского хора, исполнившего, в частности, гимн «Ликуй, Задонская обитель», написанный архимандритом Амвросием из Воронежа специально к открытию мощей св. Тихона Задонского.

Торжества продолжались еще два дня. Финалом их стало 15 августа, когда Задонск удостоился посещения великий князь Николай Николаевич. Митрополит Исидор в сослужении с тамбовским и курским архиереями совершил литургию во Владимирском соборе, а архиепископ Иосиф – в соборе городском, по случаю храмового праздника – Успения Богородицы.

По окончании службы высокие гости покинули город, поставив точку в событиях, навсегда вписавших неизвестный до толе Задонск в анналы истории России и Православной Церкви. **И приобрел уездный городок наш на долгие годы славу «Русского Иерусалима».**

С тех пор мощи святителя Тихона, вплоть до послереволюционного разорения, открыто почивали в теплое время года во Владимирском соборе Задонского Богородицкого мужского монастыря, а с 5 октября по 1 мая – в отопливаемой церкви во имя Рождества Богородицы. Ежегодно 1 мая при стечении богомольцев совершалось крестным ходом перенесение святых мощей из зимнего храма в летний собор. А 5 октября святыня, столь же торжественно, возвращалась в теплую церковь.

На пожертвования уже в 1862 г. были изготовлены мастерской Ф. А. Верховцева серебряные сень и рака для новопрославленной святыни. Мастера Верховцева славились умением *«вызывать краски из металла и подбирать их под бесчисленные тени посредством искусного сочетания разных оттенков глади и матовых, даваемых серебром и золотом».* И рака святителя Тихона была *«самым разительным доказательством такого умения».*

«К 13 августа рака была уже поставлена на месте в летнем Владимирском соборе» – на специально устроенном деревянном помосте-возвышении за левым клиросом, между столбами, поддерживающими церковный свод. Рака с сенью была сделана из серебра 84 пробы и весила 35 пудов 38 фунтов 79 золотников, и оценивалась на момент создания в сумму 55 922 рубля серебром.

По словам очевидца, рака представляла собой *«памятник, воздвигнутый святителю Тихону... любовью и религиозным усердием всего нашего православного народа. Памятник колоссален, как колоссально усердие, его воздвигавшее»...*

Под скромным гранитным надгробьем

Слава эта, сопряженная с заметным увеличением и без того нескудного притока паломников, позволила Богородицкому монастырю в очень короткие сроки провести капитальный ремонт обветшавших зданий и выстроить необходимые новые. Как сообщает иеромонах Геронтий: *«прежние здания монастырские приведены в течение одного лета 1862 года в лучшее состояние, в котором они и доселе находятся»*. Тогда, в частности, возвели новый теплый трехпрестольный храм во имя Рождества Богородицы (строившийся вокруг старого здания). Освящение его состоялось в октябре 1862-го.

В 1863 году с северной стороны монастыря, на месте ограды, сооружен был трехэтажный корпус духовного училища (сейчас жилой дом по улице Коммуны с монастырской лавкой в цокольном этаже). В 1864 году на месте деревянного настоятельского корпуса выстроен трехэтажный кирпичный, соединенный галереей с теплой церковью.

Этими постройками заканчивается формирование архитектурного комплекса Задонского Богородицкого монастыря. С тех пор значительного строительства на его территории не велось. Лишь в 1866 году к прочим памятникам прибавился еще один, сохранившийся до наших дней. Не столь масштабный внешне, но имеющий немалое значение для общеисторической известности Задонска. Это — надгробие на могиле генерал-адъютанта, генерала от инфантерии Муравьева-Карского.

Дореволюционные биографы славного воина давали ему такую характеристику: *«Муравьев был известен как один из самых образованных генералов нашей армии; военные способности его были не из дюжинных. Строгий к самому себе, он был столь же строг и тяжел для подчиненных; на награды скуп, считая, что исполнение служащими своего долга не есть что-то особенное. Прямолинейность и резкость характера создали Муравьеву множество врагов»*.

Второй брак связал Н. Н. Муравьева с Н. Г. Чернышевой, принесшей мужу в составе приданого и село Скорняково.

Именно сюда в 1839 году удалился попавший в опалу генерал, который еще в 1837 году вынужден был оставить военную службу после размолвки с Николаем I. Отсюда отбыл в 1848 к звездному мгновению – победоносной Кавказской кампании, вписавшей его имя на страницы истории не только России, но и всемирной.

В 1854 году Муравьева назначили главнокомандующим войсками на Кавказе и наместником этой стратегически важной территории. Как оказалось, выбор императора в этом случае был правилен. Когда 30 марта 1856 года в Париже состоялось подписание мирного договора, поставившего точку в печально известной Крымской войне (1853-1856 гг.). Севастополь и другие города, захваченные союзниками в войне с Россией, были возвращены ей в обмен на Карс и прочие территории, отвоеванные у турок Муравьевым.

Тем не менее для Муравьева пик его карьеры стал и ее концом. Последовала отставка с поста наместника по состоянию здоровья, и генерал, получивший к фамилии приставку «Карский», а также сохранивший почетное звание члена Государственного Совета, окончательно удаляется в Скорняково. И в эти, последние годы жизни, как пишет о том биограф Муравьева – писатель Николай Задонский, генерал часто приезжал в Задонск. *«Он останавливался у своего поверенного, или стряпчего, как их тогда называли, Ивана Ивановича Иванова. А иногда у настоятеля монастыря архимандрита Досифея. Задонские старожилы еще помнили, как старый, начавший сутулиться генерал проходил по городу, опираясь на палку, причем особенно любил бывать на Дону, где так чудесны тихие предзакатные летние вечера и где, по выражению задонских стариков, душа отдыхает».*

Тут, правда, следует уточнить, что архимандрит Досифей управлял Богородицким монастырем с 1836 по 1840 год, так что знакомство его с Н. Н. Муравьевым если и было, то весьма недолгим. Да и относилось к тому периоду, когда генерал еще не был *«старым, начавшим сутулиться»*.

В последний же период жизни Муравьева настоятелем в Задонске был архимандрит Димитрий (с 1860 по 1882 гг.), кстати сказать, – отставной драгун Казанского полка.

Но не только воинское прошлое объединяло предводителя армий и управителя иночества. С годами престарелый генерал все чаще обращался к мыслям о Боге, задумывался о вечности. И в разговорах с о. Димитрием Н. Н. Муравьев, видимо, находил столь желанные ответы и утешение в своих сомнениях.

Несомненно, в большей склонности именно к горнему после окончательной отставки, свою роль сыграло и многолетнее общение с одним из духовных столпов православия XIX столетия — святителем Игнатием (Брянчаниновым), причтенным ныне к лику святых. Как сообщает О. Шафранова, *«Брянчаниновы были в родстве с Муравьевыми, что способствовало сближению еще в молодые годы Дмитрия Александровича (будущего святителя Игнатия)... со старшим по возрасту Н. Н. Муравьевым»*.

Известны и опубликованы многочисленные письма святителя Игнатия к Н. Н. Муравьеву, датируемые 1847–1866 годами. В 1861 году, отправляясь в Николо-Бабаевский монастырь, избранный для пребывания на покое, св. Игнатий заезжал в поместье Н. Н. Муравьева-Карского Скорняково, где познакомился с его женой Натальей Григорьевной (урожденной Чернышевой) и его дочерьми. Увиденное весьма порадовало чуждого мирской суеты святителя. *«Философское расположение, в котором я видел Вас в скромном Скорнякове, столько располагающем к философии, мне чрезвычайно понравилось»*, — писал он Муравьеву спустя год.

Православное умонастроение и близость Н. Н. Муравьева в конце жизни к Задонскому Богородицкому монастырю подтверждает тот факт, что завещал он похоронить себя именно в его стенах. Что и было исполнено в 1866 году, после кончины героя Кавказа, последовавшей 23 октября. Причем, с особой, со стороны Церкви, торжественностью, подчеркивавшей, что хоронят не просто прославленного генерала, но, в первую очередь, — православного христианина, того достойного.

Церковный обряд погребения усопшего генерала совершен был 27 октября в Скорняково архимандритом Задонского Богородицкого монастыря Димитрием в сослужении двух иеромонахов, местного священника и священников из соседнего села Патриаршее.

29 октября гроб с телом покойного генерала-воителя был отправлен в Задонск. Его сопровождало приходское духовенство и задонский уездный исправник Н. В. Трухачев.

В 8 вечера того же дня похоронная процессия прибыла в Тихоновский скит, где и остановилась на ночь. 30 октября, в 8 утра, скорбный кортеж вновь двинулся в сторону Задонска.

В селе Тюнино процессия была встречена сестрами Тюнинской общины с крестным ходом, а при приближении к городу навстречу вышел крестный ход из Скорбященской Тихоновской женской общины. Умножившаяся похоронная процессия проследовала до Богородицкого монастыря, где в 10 часов утра под перезвон колоколов была встречена крестным ходом из монахов обители и богомольцев во главе с архимандритом Димитрием. По сохранившимся сообщениям, событие это проходило при большом стечении народа.

После заупокойной литургии и торжественной панихиды гроб с телом Н. Н. Муравьева был вынесен из храма и опущен в могилу под залпы ружейного салюта, произведенного солдатами квартировавшего в городе пехотного батальона.

Место погребения, отмеченное по-солдатски строгим надгробьем, сохранилось до наших дней благодаря хлопотам писателя Николая Задонского, позаботившегося в начале 60-х годов XX века о том, чтобы это захоронение не постигла печальная участь прочих на территории упраздненного монастыря.

И ныне любой может отдать дань памяти знаменитому генералу, по-христиански окончившему жизнь на Задонской земле, остановившись у могилы с восточной стороны Владимирского собора, где место упокоения славного воителя обозначено надгробьем из черного шлифованного гранита с надписью: *«Николай Николаевич Муравьев. Начал военное поприще Отечественной войной 1812 года, кончил Восточной под Карсом в 1856 году».*

Монастыри строятся

В десятилетия, последовавшие за торжественным открытием в августе 1861-го мощей святителя Тихона, чудотворца Задонс-

кого, помимо окончательного народного признания, совершаемого тысячами паломников, явочным, так сказать, порядком, негласно происходит официальное закрепление за провинциально малым и доселе незаметным Задонском статуса еще одного центра Российского православия.

Именно в 60-80 годы прошлого века к уже прославленному Богородицкому монастырю на Задонской земле присоединяются еще три – женские Богородице-Тихоновский (Тюнинский) и Тихоновский Троицкий (Скорбященский), а также мужской Тихоновский («Скит»).

То, что эти монашеские общины, сформировавшиеся до 1861 года и на деле годами уже жившие по монастырскому уставу, лишь после причтения Тихона Задонского к лику святых получают официальный монастырский статус, вовсе не случайность. Ведь присвоение такого статуса подразумевало определенную, в том числе и финансовую ответственность государства, а потому получить его было не просто.

Таким образом, давая в течение трех десятилетий «добро» на учреждение друг за другом трех монастырей рядом с уже имеющимся, Синод тем самым формально признавал возникновение на территории России нового религиозного центра общегосударственного значения, ибо для удовлетворения религиозных потребностей жителей округа искони хватало и того, что имелось. А вот прославление святителя Тихона в корне изменило ситуацию.

Показателен такой момент: Тюнинская женская община и Скит, возникшие при местах, непосредственно связанных с молитвенными трудами святителя (близ источников, им обустроенных), получили статус монастырей прежде, чем городская Скорбященская обитель, связь которой с Тихоном Задонским носила характер духовного наследования и была не столь наглядной.

Богородице-Тихоновский (Тюнин) женский монастырь стал таковым в 1867 году, 21 октября.

А началась история обители несколькими десятилетиями ранее, с женской отшельнической общины, обосновавшейся у стен построенной в 1813 году церкви в честь Божией Матери, покровительницы Живоносного источника.

Храм был воздвигнут на средства помещика А. Ф. Викулина над источником, у которого любил бывать и молиться в уединении святитель Тихон во дни своего пребывания в Задонске. Место это, на склоне лесистого лога, выходящего ныне на Тюнино (как пригородная слобода, принявшая переселенцев из Арканов, основанное в 1840-х годах), уже в первые годы после кончины святителя собирало почитателей памяти святого архипастыря.

Бывал здесь во время ежегодных визитов в Задонск (для совершения панихиды 13 августа – в день преставления святителя Тихона) и епископ Воронежский Антоний I (Соколов), впоследствии, будучи архиепископом, по примеру св. Тихона, избравший именно Задонский монастырь местом упокоения от архипастырских трудов.

Весьма почитаемый паствой, Антоний, приезжая в Задонск, собирал вокруг себя немало прихожан, желавших послушать его советов и наставлений. Местом для бесед с ними архиепископ обычно избирал источник близ Тюнино, вдохновляясь примером своего предшественника и основывая свои беседы-проповеди на примерах из жития Тихона Задонского.

Во время одной из таких бесед зашла речь о том, что неплохо бы увековечить сооружением храма память о трудах и молитвах св. Тихона в этом лесном уголке, где уже стояла часовня, выстроенная помещиком Писаревым.

Участником разговора был и богатый, славный своим благочестием, помещик Алексей Федорович Викулин, в сердце которого это предложение нашло горячий отклик. Он тут же дал слово выстроить храм и пригласил высокопреосвященнейшего Антония ровно через год освятить его. Слово свое Викулин сдержал. И в 1813 г. Алексей Федорович Викулин пожертвовал 111 десятин Задонскому монастырю для кладбища и *«был построен здесь храм в честь Божией Матери Живоносного Источника. Освящение церкви состоялось 15 августа 1813 года»*.

На первых порах новой церкви присвоили статус кладбищенской, так как находившееся на противоположном склоне лога кладбище города Задонска таковой не имело.

По приглашению А. Ф. Викулина, к стенам церкви постепенно переселились тридцать женщин, искавших спасения на Задонской земле, но, за отсутствием здесь женской обители, ведущих монашескую жизнь в миру. Так и начался Богородице-Тихоновский Тюнинский монастырь.

Причем, в данном случае, предание о том, что святитель Тихон своими руками обустроил лесной источник и частенько удалялся к нему для уединенной молитвы, выглядит достаточно убедительным. О. Геронтий свидетельствует, что об этом, по успении Задонского подвижника, рассказывали жившие в слободе Тешевке наемные служители Задонского Богородицкого монастыря Роман и Евстафий. О том же сообщил протоиерею Петру Алексеевскому церковник Успенского городского собора Стефан Донецкий, в молодые годы сподобившийся некоторое время быть келейником святителя Тихона.

Известно также и то, что в конце 1770-х годов, при возведении слободы Тешевки в город Задонск, землемер Лютов, присланный для распланирования будущего Задонска и отмежевания под него земель, не раз видел издали святителя Тихона возле этого родника. Из благоговения к подвижнику Лютов не осмеливался нарушить его уединения. Но раз, по уходу святителя, землемер подошел ближе и увидел на краю лесного источника лопату и только что вырытую землю.

Таким образом можно считать достаточно достоверным, что Тюнинский источник, ныне вновь возрожденный, действительно был «освящен трудами и молитвами святителя Тихона».

А обитель, начавшаяся с соломенных хижин близ кладбищенской церкви, пройдя через тяжкие гонения и испытания, выпавшие на долю насельниц после кончины благодетеля — А. Ф. Викулина, не только выжила, но и умножилась численно.

В 1860 году, благодаря покровительству петербургской «болящей купчихи» Е. П. Богачевой, добровольные монашки стали официально учрежденной женской общиной при Богородице-Тихоновской церкви. Так сестры получили *«законом утвержденное право постоянно проживать на этом месте и постоянно участвовать пением и чтением в богослужении своей церкви»*.

Еще несколько лет спустя – в 1867 году – община стала монастырем. Первой его игуменьей назначили тогдашнюю настоятельницу общины – Поликсению (в миру – девица Пелагия Александровна Кондратьева из дворянского рода). Она еще многие годы трудилась на благо новой обители. Причем, настолько успешно, что по указу Государя императора 20 июля 1878 года игуменнии был пожалован золотой наперсный крест.

В 1894-1900 гг. в обители была выстроена новая соборная церковь. Проект пятиглавой церкви с тремя престолами выполнен был воронежским губернским архитектором А. А. Кюи. Общая стоимость работ составила свыше 80 тыс. руб. Сохранившаяся донныне церковь, с главным престолом во имя Вознесения Христова и двумя приделами (правый - в честь Покрова Божией Матери, левый - во имя св. Николая Чудотворца), была освящена 14-16 августа 1900 года.

Следующим из новых монастырей Задонска официальный статус в 1873 году получил Тихоновский мужской общежительный монастырь, выстроенный над речкой Проходней близ еще одного лесного источника, также связанного по преданию с житием святителя Тихона на земле Задонской.

К сожалению, существуют лишь весьма косвенные подтверждения того, что святитель Тихон когда-либо удалялся для молитвы на берег Проходни.

Во всех исторических описаниях Тихоновского монастыря говорится лишь о том, что основан он у источника «по преданию» обустроенного святителем.

Какая-либо конкретика в отношении предания (типа той же истории с землемером) отсутствует. А это знак того, что и в прошлом веке этот факт не имел под собой иных оснований, кроме веры. Даже о. Геронтий в ранних и потому наиболее достоверных своих работах ограничивается по этому поводу следующей фразой: *«Предание утверждает, что этот колодезь, якобы выкопан был самим святит. Тихоном, часто удалявшимся в эту лесную местность, для умной молитвы и невозмутимого созерцания дел Божиих»*. Добавляя лишь, что *«предание это сохранилось свежо»*.

Единственно, что говорит в пользу основательности «предания» – заметный интерес, проявленный Задонским монастырем к приобретению в собственность для устройства скита именно леса у Проходни, как связанного с именем св. Тихона. Сделка заключена была в середине прошлого столетия, когда еще могли оставаться в живых если не прямые свидетели пребывания св. Тихона в Задонске, то уж точно – их дети. А потому допустимо предположить, что в своем интересе к покупке Проходненской «лесной дачи» задонские монахи руководствовались сведениями, воспринятыми как вполне достоверные.

Кроме того, в воспоминаниях келейника св. Тихона Василия Чеботарева есть следующее упоминание: *«Иногда проезжал и к источнику, который был расстоянием от Задонска около десяти верст, на берегу реки Дона; бывало там и воды напьемся: он любил сей источник, ибо вода в нем весьма чистая была»*. Понятно, что речь не идет об источнике Тюнинском, лежащем гораздо ближе. Но с другой стороны, и описание Проходненского источника можно увидеть тут лишь при большом желании.

Впрочем, так или иначе, а к 1861 году, Задонский Богородицкий монастырь, после ряда дарений, покупок и обменов, начатых еще в 1851 году, получает в свою собственность участок леса в 200 десятин, прилегающий к этому самому источнику на берегу Проходни. И первоначально здесь решают устроить монастырское кладбище и скит для старцев, желающих более полного удаления от мира. Первым у Проходни поселяется иеросхимонах Тихон (отставной поручик Михаил Кривской).

В 1865 году в скит была перевезена из села Гнилуша старинная деревянная церковь, освященная еще самим святителем Тихоном в годы его служения на Воронежской кафедре.

А годом позже лесную обитель посетил тамбовский помещик Василий Петрович Воейков. *«Благоговевя к месту, освященному молитвою, стопами и трудами угодника Божия святителя Тихона»* владелец обширных земель в Данковском уезде пожелал *«увековечить оное место в памяти будущих православных поколений устройством на сем месте отдельного общежительного мужского монастыря»*.

Исполняя свое желание, Воейков выкупил у Богородицкого монастыря часть лесной дачи близ Проходни и, продав одно из имений, пожертвовал деньги на обустройство и дальнейшее содержание будущей обители. Об этом было доложено в Синод с присовокуплением просьбы о разрешении учредить монастырь. И 31 мая 1873 года такое разрешение последовало, о чем специальным указом Св. Синода было оповещено Воронежское епархиальное начальство.

Новая обитель получила наименование Тихоновского мужского монастыря. *«В том же году отчислена была в состав нового монастыря часть братии Задонского монастыря».*

Последним из Задонских монастырей – в 1888 году – официальный статус получил Тихоновский Троицкий (Скорбященский).

Монастырь этот возник из странноприимной женской общины, основанной нищелюбивой подвижницей Матроной Наумовой Поповой. Еще при жизни своей, закончившейся 17 августа 1851 года, старица Матрона начала хлопотать об устройении женской монашеской общины на принадлежавшем ей участке в северной части города. К сожалению, старице немного на то отпущено было времени. Попечение о благом деле продолжили Задонский соборный протоиерей Петр Алексеевский, бывший душеприказчиком Матроны Наумовны и духовные ее наследницы. Через архимандрита Троице-Сергиевой лавры Антония им удалось заручиться содействием в этом вопросе митрополита Московского Филарета (Дроздова). И вопрос был решен положительно.

На оставленный Наумовой капитал, согласно ее завещанию, была выстроена церковь в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих радости», а также жилые и хозяйственные помещения. В день Успения Богородицы 1860 года епископ Воронежский Иосиф (Богословский) освятил новопостроенную церковь. Община при ней стала именоваться «Тихоновскою общиною сестер милосердия». Основной обязанностью сестер-насельниц было служение больным и бедным странникам, прибывавшим в Задонск на поклонение святыням.

3 сентября 1869 года по разрешению Св. Синода в храм общины было перенесено тело основательницы – Матроны По-

повой и захоронено здесь в особом склепе с правой стороны Скорбященской церкви. А позднее в этом же склепе был погребен и скончавшийся 11 марта 1875 (или 1876) года протоиерей Петр Алексеевский.

В течение 1869-70 годов вокруг территории общины была сооружена каменная ограда. А в 1879 году заложена была колокольня, строительство которой завершилось в 1881 году. Строение это, как и Скорбященская церковь практически не сохранилось. Нижний ярус колокольни встроен в основной корпус современного Задонского хлебокомбината.

29 марта 1880 года указом Св. Синода «дом сестер милосердия» получил статус самостоятельной Тихоновской общины со странноприимным домом при ней. Торжественное богослужение по этому поводу было совершено в день памяти старицы Матроны – 17 августа 1880 года.

1 июля 1884 года была здесь заложена новая церковь – во имя Живоначальной Троицы. Этот пятиглавый шатровой архитектуры храм, как и тюнинский, строился по проекту Воронежского губернского архитектора А. А. Кюи.

И, наконец, в мае 1888 года Св. Синод определил Тихоновскую общину возвести в монастырь с наименованием его Святотроицким Тихоновским Задонским женским монастырем со странноприимным домом при нем. А число монашествующих было определено так: «какое обитель по своим средствам в состоянии будет содержать». Оглашение синодального определения состоялось 19 июня 1888 года.

А летом 1897 года строившийся собор «был окончен постройкой и отделкой» и освящен 12 августа того же года. Как действующая приходская, церковь сохранилась до наших дней.

О ЧЕМ ЗЕМСТВО ХЛОПОТАЛО

От железных путей в стороне

1 января 1864 года, после обсуждения на Госсовете, силу закона приобрело Положение о земских учреждениях, ставившее своей целью «по возможности полное и последовательное развитие начала местного самоуправления». Для чего часть хозяйственных функций, находившихся ранее целиком в ведении департаментов власти исполнительной, отныне передавалась новообразованным земским учреждениям, являвшим собой зачатки власти представительной. По Положению 1864 года на выборной основе формировались губернские и уездные земские собрания, которые и избирали затем из своего состава исполнительные органы земства — земские управы.

Организация земских учреждений в 34 губерниях Империи Российской заняла 11 лет — с 1865 по 1876 год.

В Воронежской губернии годом рождения земства стал 1865-й. С точностью до дня мы не можем сказать, когда сформированы были земские учреждения в Задонском уезде. Но уже в 1866 году они активно работают. Есть в документах и, возможно, уточняющее упоминание, что «*Задонская градская больница передана в ведение земских учреждений в январе месяце сего 1866 г.*»...

Сегодня, благодаря электронным публикациям Российской Государственной библиотеки, полностью доступны все выпуски «Журналов Задонского уездного земского собрания». Те из них, что содержат отчеты о работе земских учреждений до 1890 года (времени второй земской реформы) наиболее информативны для

интересующихся историей Задонска, так как там не только излагается отчетная общеуездная статистика по доходам-расходам, как в «Журналах» 1890-х годов и более поздних, но и опубликованы, порой – весьма любопытные, сведения о реальной жизни города на протяжении нескольких десятилетий.

Так, надо заметить, что Задонское земство, будучи учреждением по тем временам архипередовым, и само старалось все передовое поддерживать. Например, именно земство настойчиво ходатайствовало об открытии в городе телеграфной станции, когда стало ясно, что линия пройдет через Задонск. И в 1867 году была открыта Задонская телеграфная станция.

Произошло это лишь на седьмой год после того, как в Воронеже 1 ноября 1860 года принята была первая телеграмма. Дело в том, что первоначально телеграфная линия от Воронежа «к северу» пролегла вдоль почтового тракта через Усмань (имевшую тогда и еще одно неблагозвучное наименование – «Собакино»). Но позднее было сочтено удобным протянуть линию вдоль значительно более оживленного шоссе, проходившего через Задонск.

С первых дней и вплоть до середины 80-х годов девятнадцатого века задонские телеграфисты обходились одним аппаратом. Впрочем, был он достаточно надежен, и в первые десятилетия телеграфной связи зафиксирован лишь один серьезный сбой на Задонской линии – 22 октября 1881 года – из-за внезапно ударивших морозов на фоне мокрых снегопадов обледенели и были повреждены провода на протяженном участке.

Работала Задонская телеграфная контора в дневное время. Прием телеграмм прекращался в 9 вечера. И можно представить, сколь интенсивно использовался Задонский телеграф во времена великого бумажного «сражения» за железную дорогу.

Благодаря страницам земских «Журналов» и сегодня не предана забвению история оказавшейся безрезультатной борьбы задонцев за прокладку железнодорожной ветки Воронеж-Задонск-Елец.

Правда, если верить Николаю Задонскому, никакой борьбы и не было. Напротив, заявляет бытописатель местного прошлого: *«Когда в конце прошлого века акционерная железнодорожная*

кампания, учитывая наплыв паломников, предложила подвести сюда железнодорожную ветку, “отцы города”, заседавшие в местной думе, это предложение решительно отвергли». Якобы, чтобы не лишать работы местных ямщиков... А вот сохранившиеся документы того времени рисуют иную картину.

В 1866-1868 годах было завершено строительство действующей поныне Юго-Восточной железной дороги. И, с момента пуска ЮВЖД, на рельсы переместился основной грузопассажирский поток, двигавшийся до сих пор к югу по шоссейным трактам, в том числе и по тому, что пролег через Задонск.

Вполне понятно, нововведение весьма неблагоприятно сказалось на заработках как задонцев, так и жителей многих окрестных сел, издавна промышлявших частным извозом, преимущественно — транспортировкой грузов.

В начале 1890-х годов служивый почтовый ямщик из села Патриаршее (ныне Донское) так охарактеризовал постигшую его и коллег катастрофу в разговоре с путешествовавшим по нашим краям воронежцем Е. Л. Марковым:

— Почитай всякий двор извозом занимался... Гоняли и в Елец, и в Лебедянь, и в Липецк, и в Москву в самую, а то в Задонск, в Воронеж, куда подрядишься — по всем трактам; лес возили и хлеб, и всякий товар. А теперь чугушка прошла, — всему шабаш: всего мы решились... Грош медный с пуда дают до вокзала, так это разве заработок — 15 копеек с воза? Ничего нам пользы дорога эта железная не принесла, разорила только...

Сходное мнение довелось услышать Маркову и из уст жителя пригородной слободы Тюнино, в лучшие времена державшего две тройки: *«А жилось все ж тогда не в пример свободнее теперяшнего, — вспоминал старик по прозвищу Кочеток. — Мужичку заработку куда больше было, ни железных этих дорог, ни шоссе тогда не было, все мужичкам приходилось возить и господ, и товары»...*

Под этими словами, думается, подписались бы и задонские возчики, к сожалению, не оставившие для истории столь же ярких заявлений, да и вообще, судя по официальной статистике, уступавшие крестьянам из сел пальму первенства в гужевых грузо-пассажиро-перевозках...

Так что в целом по экономике Задонска прогресс в транспорте ударил не столь сильно. Стекавшиеся сюда паломники, особенно после «Великого открытия» 1861 года, во множестве спешившие поклониться святыням Богородицкого монастыря, нуждались в крове и пропитании. Предоставление оных позволяло всему городу, подобно современным городам-курортам, существовать достаточно безбедно, в том числе и за их счет, а не только благодаря грузопассажирскому транзиту.

К 1865 году, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, составляя 2-й том «Географическо-статистического словаря Российской Империи», насчитал в Задонске 4 гостиницы (включая монастырскую) и 11 постоянных дворов. Успешно торговали в городке, где число жителей составляло 6 897, 149 лавок, причем численность горожан, отнесенных им к купеческому сословию, составляла 1 306. А 25 купеческих и 12 мещанских семейств занимались товарным огородничеством «в значительных размерах».

Тем не менее, сокращение транспортного потока не порадовало деловой мир Задонска. А относительная удаленность ближайших станций создавала известные неудобства в отправке сельскохозяйственных грузов. Потому-то уездное земское собрание чуть ли не с первых дней существования одной из главных своих задач поставило добиться прокладки железнодорожной ветки через Задонск.

«С 1869 года Задонское Земство, в видах благосостояния своего города и уезда, постоянно и единодушно заботилось об исходатайствовании соединительной линии железного пути между городами Воронежем, Задонском, Ельцом, Ефремовым. С этой целью оно вошло в сношение с названными городами, которые, все без исключения, сочувственно отнеслись к этому делу... В 1870 году Задонское Земство, не останавливаясь ни перед какими денежными затратами,... через Управу испросило Высочайшее разрешение на проведение изыскания железного пути от Ельца через Задонск на Воронеж» – заявлено было при оглашении отчета за 1872 год.

«Избранные земством депутаты П. Ф. Панютин, П. А. Марковский, В. Д. Лисицин и П. А. Кирсанов, исполнив с усердием и готовностью возложенное на них поручение... сообщили, что хода-

тайство Задонского Земства об осуществлении просимого железного пути не безнадежно».

В качестве одного из главных аргументов в пользу прокладки дополнительной железнодорожной ветки через Задонск выдвигалось неудовлетворительное состояние шоссейной дороги на участке Воронеж-Задонск. *«Воронежско-Задонское шоссе содержится всегда в неудовлетворительном состоянии, которое вынуждает проезжающих ездить по резервам, а в ночное время представляет опасность...»*

Своего пика чаяния задонского земства о железной дороге к парадному подъезду достигли в 1877-1878 годах. И на очередной земской сессии, 9 октября 1878 года, было заслушано «Заявление Задонского уездного земского собрания», оглашенное от лица предводителя дворянства Ф. Н. Гаршина и уполномоченных от Задонского земства на изыскания средств для проведения Елецко-Воронежской железной дороги Лисицина, Марковского и Кирсанова.

В заявлении сказано: *«Уполномоченные... многократно ездили в Петербург с целью получить требуемое разрешение и приискать строительный капитал».* Но, так как подобного рода «предприятия» реализовывались в виде акционерных обществ и были сопряжены «с выпуском акций и облигаций, имеющих влияние на курс русских бумаг за границею», то правительство кому попало разрешений без должного обоснования не выдавало.

А с 1877 года подобный путь решения вопроса стал вообще нереален *«при настоящих финансовых затруднениях, возникших с объявлением войны»* (имеется в виду Балканская кампания 1877-1878 гг.). И все же ситуация виделась вовсе не безнадежной. Оказывается, *«в России открыла свои действия фирма “Муниципальный подрядчик”, ссужающая капиталы заграничных капиталистов земствам и городским обществам под постройки, возводимые ими хозяйственным образом при ее посредстве, на 54,5 года».* С представителем этой фирмы С. С. Шиманским и провели предварительные переговоры земские уполномоченные из Задонска, «для большей вескости» привлечшие к делу и предводителя уездного дворянства Гаршина.

Заметим, что к тому времени планы земцев обрели реальное бумажное воплощение — была составлена проектно-сметная документация. Длина Елецко-Задонско-Воронежской железной дороги «по... исследованиям» старшего инженера Богдановича, производившего изыскания, определили в 129 верст.

Стоимость строительства, включавшего железнодорожные мосты через Дон и Репец, выливалась в довольно круглую сумму — 3 690 000 рублей. На эту сумму следовало накинуть еще 5%, «единовременно отчисляемых» в пользу фирмы «Муниципальный подрядчик» «на предварительные изыскания, содержание инженеров, расходы по переводу капиталов в Россию и проч.», что составило бы, в итоге, 3 874 000. Обслуживание кредита требовало также «ежегодной уплаты процентов и капитала в 251 810 рублей».

К смете прилагалось подробнейшее экономическое обоснование, доказывавшее, насколько дешевле будет возить грузы ЮВЖД через Задонск, а не по существующим веткам, как и ныне обходившим центр уезда на десятки верст. Задонские грузы отправлялись тогда, как и сегодня, с Патриаршей и Улусарки.

Проектируемая доходность Задонской ветки определена была в 5555 рублей на версту, при расходах в 3359 рублей. Но получение прибыли от эксплуатации будущего железнодорожного пути только планировалось, а почти 4 миллиона рублей нужно было выложить уже сегодня.

Так что, после довольно жарких, с переходом на личности дискуссий решено было поблагодарить всех участников переговоров с «Муниципальным подрядчиком» *«за сделанное ими предложение, не принятое только потому, что оно превышает материальные силы уезда, и предложить фирме принять на себя постройку Елецко-Воронежской железной дороги на свой страх и риск, воспользовавшись сделанными изысканиями и возможным содействием земства»*.

«Муниципальный подрядчик», естественно такому предложению не обрадовался, и задонское земство продолжило стучаться в двери уже государственных кабинетов. В ход пошли уж совсем фантастические проекты.

Одним из предложений было такое: уложить рельсы прямо по Воронежскому шоссе, съэкономив на прокладке маршрута. Официальный ответ на него был вполне серьезен. В 1882 году *«отношением от 7 апреля, за № 1305 Воронежский губернатор уведомил, что Министерство путей сообщения отозвалось о невозможности допустить постройку... железной дороги по полотну шоссе, потому что этим нанесется вред существующему Воронежскому шоссе и обезценятся затраченные на строительство этого шоссе средства».*

Отрицательный отзыв МПС, отказавшего задонцам в поддержке затеянной порчи наезженной шоссеиной дороги, точку в этой затее не поставил.

Последовало ходатайство уже в Министерство финансов о предоставлении ссуды на то, чтобы все-таки застучали вагонные колеса по Воронежскому шоссе.

Ответ был вновь дан через Воронежского губернатора: *«г-н губернатор известил 7 июля, что Министр финансов не признал возможным удовлетворить означенное ходатайство земства как ввиду того, что Задонск стоит на шоссеиной дороге, которая может служить достаточно удобным подъездным путем к Орловско-Грязской железной дороге, так и потому, что ходатайство земства о разрешении названной дороги уже отклонено Министерством путей сообщения».*

Так что все усилия земцев оказались тщетны. Да и немудрено. Уже действовавшая железная дорога вполне отвечала экономике региона и прокладывать дополнительную ветку ради маленького Задонска, абсолютно не имевшего промышленного значения, было экономически бессмысленно.

Постепенно, осознали это и сами задонские земцы. Правда, предварительно потратив из своей кассы 3000 рублей на оплату услуг некоего весьма предприимчивого Михаила Иосифовича Мусницкого и «специально созданной из гласных железнодорожной комиссии».

Но г-н Мусницкий *«не успел ничего сделать, потому что его отвлекло устройство Пензо-Лозовской железной дороги»*, а потом и вовсе исчез из поля зрения Задонского земства...

Для удобства помещения больных

Впрочем, «битва» за железную дорогу, растянувшаяся более чем на полтора десятилетия и окончившаяся капитуляцией земства, чьи благомысленные прожекты разбились о суровую экономическую реальность, не мешало «самоуправлению» решать и задачи более насущные, ради чего, оно, собственно, и создавалось. В том числе – иметь попечение о здравоохранении в уезде вообще, и в Задонске – в частности.

Так, пришлось принимать земцам меры по борьбе с сифилисом, распространившимся в Воронежской губернии и грозившим перерасти в эпидемию. Было открыто дополнительное отделение на 10 кроватей специально для таких больных, размещившееся прямо под боком собрания – в Доме земских учреждений.

Решали и другие сходные вопросы на основе докладов бесменного уездного врача В. К. Келлера.

Должность эту Вильгельм Карл Келлер, кстати так и не отказавшийся от протестантского вероисповедания, в православном Задонске занимал с июня 1842 года. И прослужил более полвека, создавая систему здравоохранения Задонского уезда*. Причем, судя по имевшимся наградам, делал он это весьма успешно. К 1878 году В. К. Келлер удостоен был ордена св. Станислава 2-й и 3-ей степеней, ордена св. Владимира 4 степени, ордена св. Анны 3 степени, а также императорского знака за 15-летнюю безупречную медицинскую службу. Имелась у Келлера медаль «В память о войне 1853-1856 гг.» – свидетельство то ли командировки на фронт, то ли того, что в Задонске на излечении находились раненные в боях такой неудачной для России Крымской войны...

В числе прочих многочисленных забот, выпадавших на его долю, на протяжении почти трех десятков лет Келлер фактически исполнял и обязанности медика городской больницы. Причем – бесплат-

* Скончался В. К. Келлер «в декабре месяце 1893 года».

но. Об этом шла речь в докладе осенней сессии 1866 года, когда земство вплотную занялось вопросом об улучшении организации Задонского городского здравоохранения.

«Задонская градская больница» перешла под опеку земства в январе 1866-го. Специальная комиссия обследовала ее и тому, что увидела, не обрадовалась. *«Положение больницы в настоящем ее виде совершенно не соответствует той цели, с которою учреждено это называемое благотворительное заведение. При больнице в существе нет ни медика, ни фельдшеров, а исполняют эти обязанности безмездно уездный врач и состоящие при нем два лекарских ученика»* – констатировал доклад, озвученный в земском собрании.

В качестве первоочередной меры для исправления положения была установлена твердая плата за лечение – 6 рублей в месяц. При этом оговаривалось, что бедным предоставляется бесплатное лечение. Но – *«по удостоверении предводителя дворянства, мировых посредников, мировых судей, приходских священников, городского головы и полиции о действительной бедности заболевших»*.

Решено также было «вывести больницу из занимаемого ею здания градской думы», как совершенно неудобного для помещения больных. Под новую больницу к 1874 году присмотрен был дом «наследников умершего майора Холяпина». Выбор здания земское собрание одобрило, и дом куплен был с публичных торгов, состоявшихся 25 января 1875 года. Это не «красное здание» современной Задонской райбольницы, как ошибочно было указано в издании 1999 года, а двухэтажный дом на углу улиц Крупской и Свободы, в советское время служивший общежитием Задонскому техникуму, а затем, до уничтожившего его пожара, бывший многоквартирным.

Перевод городского лечебного учреждения в новое здание надолго не затянулся, так что в начале следующего года земство сочло возможным ревизовать его результаты. Проверяющие, не предупредив «главврача» заранее, пришли в новую больницу 17 февраля 1876 года. И *«городская больница, в отношении воздуха, размещения больных и в особенности – пищи, произвела на членов комиссии неблагоприятное впечатление»*.

Что же увидели пришедшие с ревизией? *«Несмотря на то, что день ревизии пришелся в начале недели, постельное белье очень грязно, тогда как подушечных наволочек по инвентарю (187 штук) совершенно достаточно».*

Хлеб оказался недоброкачественным. Черный – сырой, не пропеченный, а белый был кисел.

«Всем больным безразлично в день ревизии давалась 1 порция гречневой кашицы: прислуга объясняла это первой неделей Великого Поста и желанием самих больных получать одну порцию». Но этот аргумент не убедил проверяющих. Тем более, что при осмотре сельских лечебниц в Патриаршем и Хлевном, «где пища, по постановлению комиссии должна быть несколько проще», было установлено, что здесь выдавали, несмотря на пост, по 2 положенные порции.

Как корректно замечают в своем итоговом докладе участники февральской проверки: *«желанием больных, если оно и было, администрации больницы не следовало бы стесняться, а все-таки выдавать больным более обильную пищу».*

Впрочем, земцы этим замечанием не ограничились. А провели и повторную, уже после поста, проверку. 4 марта проверяющие вернулись в городскую больницу и увидели, что там ничего не изменилось. *«Больным все-таки выдается одна порция круп с куском говядины и порция эта, по единогласному мнению комиссии, признана недостаточною, тем более, что значительный процент найденных на это число в больнице больных состоял из сифилитиков, для которых более сытная пища не могла принести вреда и в гигиеническом отношении».* Хлеб вновь оказался никуда не годным: черный – с примесью песка, а белый, как и в прошлый раз, был кислым.

Заключая акт о проверке горбольницы от 4 марта, ее участники позволили себя прозрачно съехидничать: *«При ежегодных ревизиях больницы во время сессий Земских собраний пища несравненно лучше и сытнее бывает».* Заведующий городской больницей, врач Иван Взоров, претензий не принял, заявив, что *«при назначении пищи больным я руководствовался и руководствуюсь имеющимся при больнице расписанием».*

По поводу нечистоты больничного белья Взоров высказался более пространно, объяснив ее так: *«Нечистота больничного белья зависит частью от неряшливости самих больных, частью от того, что почти все больные поступали и поступают в больницу в грязном виде, вследствие чего белье очень скоро марается»*. Но обмывать больных негде, за отсутствием в больнице приемного покоя с ванной, а стирать чаще одна прачка, положенная по штату, просто не в силах...

Аргументы врача Взорова на заседании 7 октября 1876 года «приняли к сведению», а сам он на своей должности не задержался. Не слишком везло горбольнице с главврачами и далее.

Устав менять одного администратора больницы на другого, Задонское земство было очень обрадовано, когда на эту хлопотную и не слишком выгодную должность неожиданно нашелся кандидат с отличными профессиональными рекомендациями — Адам Эмильевич Адамович.

«Управа с полнейшей предупредительностью встретила приезд врача Адамовича и поручила ему управление городским участком». Но вскоре на заезжем светиле обнаружили пятна.

«Спустя короткое время... господин Адамович успел настолько перезнакомиться со многими, что посещению больницы уделял менее получаса около полудня и, по недостатку времени для осмотра, иногда назначал одно общее лекарство всем больным без различия болезни». Высвободившееся в результате время Адам Эмильевич уделял куда более выгодным визитам к больным на дом, оплачивавшимся из рук в руки.

Более того, проведенным земцами расследованием было установлено, что *«Адамович вымогает плату за лечение, заставляя беднейших жителей обращаться в городскую аптеку и отпуская более состоятельным лекарства бесплатно из земской»*. Это и стало последней каплей, переполнившей чашу терпения.

А тут еще Адамович, как говорится, не на того напал, послав в городскую частную аптеку кучера члена уездной земской управы Г. А. Решетова. Пришлось кучеру потратить на лекарство 1 рубль 16 копеек, при том, что в земской больничной аптеке стоил этот же медикамент 12 с половиной копеек. Вер-

нувшись домой, расстроенный «водитель» доложил о случившемся «шефу». И Решетов инициировал расследование, поставившее точку в задонском этапе врачебной карьеры А. Э. Адамовича, как, кстати, оказалось, и с предыдущего места изгнанного за подобные же «заслуги»...

Меж тем, хоть и не везло городской больнице с управителями, материально она крепла и обустраивалась.

Чрезвычайным уездным земским собранием 11 июня 1878 года было ассигновано 1500 рублей на переустройство главного здания городской больницы. И уже к октябрьской земской сессии того же года выделенные средства были освоены.

Произведены были на полторы тысячи рублей следующие работы: *«устроен, вместо бараков, для временного помещения больных, деревянный флигель... который впоследствии может служить специально для сифилитического отделения; устроена вновь из старого материала покойническая комната; из находящегося при больнице каменного сарая устроены кухня, прачечная и баня с предбанником».*

Также было *«построено теплое крыльцо с теплым входом в главное здание больницы».* На дворе больницы вырыли колодец. А в финале работ, 23 ноября 1878 года, на покойницкой был *«установлен золоченый соответствующей величины крест, а внутри повешены образа и лампада, стоимостью вообще 8 рублей 70 копеек».*

Лекарствами, а также и керосином со своего «завода» обеспечивал земскую больницу Н. А. Ульрих, до 1893 года бывший попечителем Задонской городской больницы*.

«Официальным поставщиком» Николай Андреевич стал в 1871 году, когда расторг договор об аренде устроенной на его средства аптеки неким Кранихом, сильно завышавшим цены на лекарства «сравнительно с московскими» и взял местную фармацевтику в свои руки. После его смерти некоторое время земство поддерживало деловые отношения с унаследовавшей бизнес вдовой — Алек-

* Николай Андреевич Ульрих был на протяжении многих лет мировым судьей 1-го участка, потом — городским судьей, а также вел иную активную общественную деятельность, являясь, в частности, попечителем женской прогимназии.

сандрой Павловной, пока та его не продала, решив ограничиться содержанием «аптекарского магазина», реализовывавшего готовые лекарства и бытовую химию.

И в 1897 г. земство выделило 3000 рублей на открытие собственной «вольной земской аптеки».

Дом, который построило земство ...

За заботами городскими и общеуездными не забывало Задонское земство и о себе. С 1872 года начато было строительство специального здания — «земского дома» — для размещения земской управы и зала собраний.

Еще в 1871 году у «господина Лермонтова» приобретен был участок с недостроенным домом, который и намеревались превратить в здание для земских учреждений. За 150 рублей некий «архитектор Семенов» изготовил проект, а 2 февраля 1872 года была ассигнована 1 тысяча рублей и поручено «заготовить материал», чтобы «со вскрытием весны начать постройку».

Но начало работ показало, что дом Лермонтова выстроен на фундаменте всего в четверть аршина глубиной (около 20 см), а потому для затеянной реконструкции непригоден. Пришлось ненадежную постройку срывать до основания и бутить фундамент заново, после чего дальнейшее строительство велось довольно быстро и в 1873 году было практически завершено (оставалось достроить сторожку).

Расходы строго контролировались, а потому в отчеты включалось все до мелочей, вплоть до 5 рублей потраченных «каменщикам на водку». 29 сентября 1873 года был заслушан гласный С. Г. Писарев, представивший «Заключение строительной комиссии о результатах осмотра земского дома и проверки счетов». *«Осмотрев отстроенный по поручению земства дом и проверив счета, относящиеся к его постройке, — сказано в “Заключении...” — комиссия нашла, что употребленные материалы доброкачественны, произведенные работы вполне удовлетворительны, целесообразны и не-*

дороги, что хоть в получении денег по некоторым статьям и нет расписок, тем не менее отчетность по приходу и расходу сумм ведена правильно, а указанное упущение следует отнести к случайности, неграмотности некоторых получателей денег и к затруднениям, с которыми сопряжена мелочная отчетность, по опыту, почти невозможная при сколько-нибудь значительной постройке».

В достроенном и окончательно отделанном виде здание так понравилось членам уездного земского собрания, что решено было увековечить память о содеянном на мемориальной доске, выгравировав следующий текст: *«Дом Задонского земства, заложенный в 1872 г., окончен постройкою в 1873 году. Строителем был член Задонской уездной земской управы городской голова города Задонска Василий Данилович Лисицин».*

Здание это сохранилось и по сей день. В послевоенные годы в нем квартировал районный Дом культуры, позднее – библиотечное и хореографическое отделения канувшего в Лету культпросветучилища. А ныне отдано оно социально-реабилитационному центру «Надежда».

Что весьма символично, ибо земству, в свое время, приходилось также заниматься сходными проблемами – в частности, задонскими нищими, число которых в славном своими святынями городе особенно умножилось после 1861 года. Как отмечало в связи с этим земство: *«Нищенство развито в больших размерах в г. Задонске, чрез постоянное стечение народа на поклонение мощам угодника Божия Тихона».* А, согласно статье 2 Положения о земских учреждениях, способы призрения нищих как раз и находились в земском ведении.

По обсуждении вопроса, Задонским земством рекомендовано было местной полиции «о точном и неукоснительном поступлении с нищенствующими по существующим узаконениям». Нищенствующих из сел следовало немедленно высылать в общину по месту жительства и вести на местах, в волостных правлениях, «списки нищенствующих, с тем, чтобы принимались против них более строгие меры».

Что же *«касается до просящих милостыню из лишенных службы чиновников и тех несчастных, которые впали в пороки и тем*

довели себя до нищенства», то тут подход предлагался иной, который без преувеличения можно назвать социальной реабилитацией. Следовало в подобных случаях *«поручить Управе собрать подробные сведения о личности таких местных жителей и о причинах, повергнувших их в бедность, с тем, чтобы она вызвала для них общественную благотворительность»*.

Имело земство попечение и о местных, а следовательно — и внутригородских дорогах. Тут для истории Задонска интересно состоявшееся в 1866 году обсуждение «Акта об устройстве деревянного моста через Тешевку», в котором *«состоит насущная необходимость, ибо в весеннее время и при сильных дождях проезд через речку Тешевку вброд делается затруднительным и опасным»*. Предположительно, речь идет о начале Каменной горы. Замечено, в частности, что, кроме этого моста, *«встречается такая же необходимость срыть в том же месте гору и вымостить бока для стока воды, от разлития которой в весеннее время образуются посреди горы такие рытвины, что езда делается невозможной»*.

Приходилось земцам, как и нынешним депутатам, заниматься и вопросами «приватизации». И далеко не всегда в этих случаях давалось добро. Так на заседании 29 сентября 1873 г. было заслушано заявление гласного П. А. Кирсанова о желании «одного лица» приобрести у земства бывший винный подвал.

После кратких прений по этому поводу, председатель собрания *«подверг голосованию вопрос: продавать ли принадлежащий земству бывший винный магазин»*. Вопрос для перендента на «приватизацию» был разрешен *«Собранием отрицательно - большинством 22 голосов против 7»*.

В конце XIX — начале XX веков земство много внимание уделяет борьбе с оврагами и размываемыми пустошами, выделяя средства на планомерное облесение земельных участков, подверженных эрозии почв.

Но, помимо вопросов действительно значимых для развития территории и главного ее города, приходилось земцам из Задонска заниматься на полном серьезе и вопросами, заставляющими вспомнить слова В. И. Ленина, что было земство «пятым колесом в телеге российского государственного управления», а так-

же прочие далеко не лестные отзывы дореволюционных юмористов об этом посаженном «по высочайшему произволению» ростке местного самоуправления.

На одном из заседаний 1879 года Задонское уездное земское собрание слушало доклад управы «О проектируемой замене существующего ныне знака истребления сусликов — четырех лапок — хвостиком». С такой инициативой, рекомендованной к обсуждению земцами во всероссийском масштабе, выступило Екатеринославское губернское собрание, потому что *«порча, часто дурно отделяемых, лапок заражает воздух и лишает возможности производить учет, а также и потому, что собиране лапок крайне неудобно»*. Представитель Задонской управы, делавший доклад, глубокомысленно заметил, что *«управа имеет честь доложить, что до сих пор в Задонском уезде суслики никогда не появлялись, а потому и затруднительно высказаться самостоятельно о практической проектируемой замены»*. Далее в докладе проводилась мысль, что, мол, екатеринославцам виднее, и раз им так удобнее, то неплохо бы их инициативу поддержать. Собрание единодушно одобрило предложение управы.

Немало времени у земцев отнимали поиски путей переложения тех или иных понесенных земством затрат на государственную казну и иные источники. Бюджет земства, существовавшего за счет разных сборов, типа современного сельского самообложения, был весьма невелик, а именно оттуда приходилось черпать суммы на здравоохранение и народное образование. Эти темы были в числе постоянных на земских сессиях. И на этой почве нередко были конфликты уездной земской и Задонской городской властей.

Так, по осени 1874 года земское собрание по формальному поводу отклонило просьбу выстроившего ему дом городского головы В. Д. Лисицина о выделении сумм на содержание открывающегося 2-го приходского училища, где будут учиться не только дети горожан, но и дети из пригородных слобод Тюнино и Арканы. И через год Лисицин представил к очередной сессии письмо-«счет», где доказывал, что особого прока городу от земства за 10 лет его существования так и не было.

В служебной записке, датированной 20 сентября 1875 года Задонский городской голова указывает, что за 10 «земских лет» город выплатил земству более 30 тысяч рублей в виде различных налогов. А взамен получил «ничего или почти ничего». На этом основании Лисицин попросил земское собрание компенсировать как минимум треть городских затрат на содержание городских же образовательных учреждений.

Ведь их становилось все больше.

21 ноября 1871 года открыта была женская прогимназия – первое в Задонске учебное заведение для подростков женского пола. Обучение в трехклассной прогимназии было платным и стоило 10 рублей за год. С 1874 года попечительницей заведения стала жена городского головы В. Д. Лисицина – М. Ф. Лисицина*, а начальницей – К. А. Титова.

Чуть позже удалось осуществить давно планировавшуюся меру по укреплению начального звена системы просвещения – в 1875 году открыто было 2-е городское приходское училище, с 1878 года получившее постоянную прописку в освободившемся и капитально отремонтированном здании бывшей «викулинской» городской больницы.

* Надо заметить, что активное участие в делах города позволило чете Лисициных оставить заметный след в истории Задонска, но больших денег не принесло. Видимо, не умел купец 2-й гильдии Лисицин совмещать бизнес со службой. К концу жизни дела Василия Даниловича пришли в такое расстройство, что земству, благодарному Лисицину за прошлые заслуги, пришлось назначить ему пенсию. Вот только воспользоваться ею отставной городской глава толком не успел. Сохранилось прошение его вдовы, поданное в Задонскую земскую управу и рассмотренное на сессии 1898 года.

«Покойному мужу моему, Василию Даниловичу Лисицину, земским собранием в память его службы была назначена с 1 Января 1898 года ежегодная пенсия в 180 рублей. Разделяя с мужем моим бедственное положение, я, в продолжении нескольких лет, помогала ему своими заработками, насколько позволяли мои силы и здоровье, в настоящее время в преклонном возрасте, больная, я осталась после смерти моего мужа без всяких средств и какой бы то ни было поддержки, вследствие чего, с единственной надеждой на помощь, обращаюсь к земскому собранию с просьбою продолжать мне пенсию, назначенную моему покойному мужу. Сентября 30 дня 1898 года. Мария Федотовна Лисицина».

Земство со вниманием отнеслось к заявленному бедственному положению вдовы бывшего члена Задонской земской управы и решило «в удовлетворение прошения г-жи Лисициной... выдавать ей пособие в размере в 120 руб. в год».

На содержание этих учебных заведений город расходовал 3589 рублей в год. 839 рублей стоило городской казне 1-е приходское училище, 1100 – 2-е и в 1920 рублей обходилось содержание женской прогимназии.

Задонское же уездное училище хоть и находилось на территории города, но было вне юрисдикции городского управления. Им занимались власти уездные.

30 сентября 1872 года был заслушан доклад управы об открытии в Задонске реального (ремесленного) училища.

По итогам состоявшегося обсуждения земцы пришли к выводу, что существующее уездное училище не отвечает задачам народного образования и *«при малом количестве обучающихся в нем не оправдывает теперь денежных затрат делаемых правительством на содержание его»*, а потому *«Уездная Земская Управа, считая благотельным для уезда учреждение правительственного шестиклассного реального училища, с дополнительным классом, состоящим из 2-х отделений: механико-технического и сельскохозяйственного, полагала бы возможным со стороны земства ходатайствовать через Директора Училищ перед г. Министром Народного Просвещения об открытии такой школы в г. Задонске, приспособив для этой цели здание уездного училища, с обязательством от земства сделать дополнительные пристройки при этом училищ на свой счет»*.

И ходатайство это, как известно, возымело действие. Правда, спустя четверть века...

НА РУБЕЖЕ СТОЛЕТИЙ

Императора лицезрев...

Василий Данилович Лисицин управлял городскими делами добрых полтора десятка лет (с 1870 г.) и оставил по себе память не только сооружением дома для Задонского Земства, но и прочими благими для города деяниями. Именно за них он и удостоился в 1882 году чести возглавить делегацию задонцев, которая была принята на самом высоком уровне.

Вот что по этому поводу сообщает «Воронежская летопись»: *«1882 года 31 марта имели счастье представляться Их Величествам Государю Императору и Государыне Императрице уполномоченные от Задонской городской думы — городской голова, купец Василий Лисицин, гласные, купеческие сыновья Константин Семенов и Алексей Маликов и купец Федот Богомолов; причем городской голова поднес Ея Величеству образ Святителя и Чудотворца Тихона в серебряной золоченой ризе с эмалевыми украшениями, с серебряным по обратной стороне, щитком с надписью "От Задонского городского общества"»*. В 1882 году престол занимал Александр III. Супругой его была Мария Федоровна, урожденная Дагмара Софья Доротея, дочь датского короля Христиана IX.

Обласканные монаршим вниманием, задонцы вернулись в родной город, который переживал, пожалуй, лучшие свои годы в завершавшемся веке девятнадцатом.

В 1886 году в Воронеже увидели свет два тома «Воронежского юбилейного сборника», изданные по случаю 300-летия губер-

ского центра. В состав издания вошли материалы, касающиеся истории и настоящего не только города Воронежа, но и других населенных пунктов. В числе прочих опубликован был и очерк иеромонаха Геронтия (Кургановского) «Город Задонск и его окрестности». В целом повторяя уже сказанное монахом-краеведом на страницах основного его труда — «Историко-статистического описания Задонского Богородицкого первоклассного мужского монастыря», этот очерк, тем не менее, содержит и весьма интересные дополнения. В частности — яркое описание уличной торговли в Задонске.

Вот что пишет отец Геронтий: *«Ярмарок бывает здесь 4 в год; 3 из них вне города, на южной его стороне; и одна, именно 13 августа, в день блаженной памяти Святителя Тихона, устраивается на западной стороне монастыря. Тут, вдоль всей площади, начиная от самой монастырской ограды, до так называемых "песков", раскидываются устроенные на живую руку балаганы, лавочки, в которых можно купить, кроме платков, ситцев, пряников и т. п. и образков, и картинку, и крестик, и ленточку, и перстенок, и прочее в этом роде. По сторонам св. монастырских ворот накладываются симметрично пирамиды: яблоков, груш, дынь, арбузов, огурцов и т. п., доставляемых из местных садов и бахчей производителями местной торговли. На "песках", еще с весны, у "медового колодца", устраиваются обывателями балаганы-кухни, в которых может удовлетворить свой голод невзыскательный простолюдин-богомалец, задешево. Еда обыкновенно состоит из трех блюд: холодного — квас с рыбой, щей и каши; и все это удовольствие стоит только 5 коп. с человека».*

Очень вероятно, что, по дорожно-бродячему безденежью именно эти щи и каши с Задонских «песков» с аппетитом умилал когда-то будущий краеугольный камень в здании литературного соцреализма — Алексей Максимович Пешков, более известный по своему псевдониму — Горький, ушедший из Нижнего Новгорода 29 апреля 1891 года странствовать по России. В рассказе «Герой» он так вспоминал об этом периоде своего жизненного пути: *«Я тяжело пережил яростный взрыв религиозного настроения, шлялся по монастырям, беседовал со схимниками».* И

летом 1891 года дороги странствий привели Алексея Пешкова в Задонск, где он задержался на некоторое время, живя и работая при Задонском Богородицком монастыре.

Пребывание в Задонске, в общем-то краткосрочное, тем не менее оставило достаточно впечатлений, чтобы в той или иной форме послужить основой для трех произведений писателя. Так, эскиз «У схимника», как заявлял сам Алексей Максимович, автобиографичен: «Место действия Задонск, монастырь Тихона Задонского». Но это, скорее, не зарисовка с натуры, а литературная реконструкция, рожденная посещением монастырской усыпальницы: *«По каменной лестнице, узкой и темной, сдавленной сырими стенами, еле освещенными дрожащим светом лампы в руке сопровождавшего меня монастырского послушника, я спустился в склеп под полом церкви»...*

На страницах Горьковского рассказа «В ущелье» можно найти такие строки: *«Мне вспомнилось, как однажды в Задонске, на монастырском дворе, вот такой же темной и жаркой ночью, сидя у стены длинного здания келий, я рассказывал послушникам разные истории»*. Вот, собственно, и все, что известно о пребывании А. М. Горького в Задонске. Да и не удивительно. В бурной и далеко не богомольной жизни писателя событие это оказалось лишь на первых порах заметным, но быстро пережитым эпизодом. А в жизни города, куда стекались сотни паломников, безвестный «раб Божий Алексей», затерявшийся среди прочих подобных, уж тем более не оставил реального следа.

Трудно, конечно, сказать, как добирался до Задонска Горький, но, учитывая географию странствий этого периода: «обошел Поволжье, Дон, Украину, Крым, Кавказ» и их быстротечность — завершились «шлянья» уже к осени — можно предположить, что не только пешком бродил по Руси Алексей Максимович, будучи, кстати, далеко не тем бедным босяком, каким он так любил себя представлять позднее, вспоминая юные годы. Так что, возможно, прибыл он в Задонск, воспользовавшись вполне доступным общественным транспортом — дилижансом. А такие к началу 1890-х годов прошлого века уже курсировали между Воронежем и Ельцом.

Сначала же, 17 января 1884 года, сообщение посредством дилижансов открыто было между Воронежем и Задонском.

В последнем, 1893-го года, издании «Описания...» о. Геронтия по этому поводу сказано: *«теперь ходят тут по шоссе от Ельца до Воронежа более-менее удобные дилижансы от двух компаний, и этим путь значительно удешевился, против вольного найма местных ямщиков, которые в два дорога брали за свои услуги»*. Интерес сразу двух частных компаний к пассажироперевозкам между городами, уже связанными железной дорогой, явно ориентирован на обслуживание многочисленных паломников, спешивших поклониться Задонским святыням, оказавшимся в изрядном отдалении от «железки».

Принимали и высаживали пассажиров дилижансы в Задонске у «Конторы дилижансов», принадлежавшей В. Г. Копенкину, происходившему из крестьян села Хлевное и первоначально содержавшему почтовую станцию на малой родине. Разбогатеv, он расширил свой транспортный бизнес, охватив и уездный центр, и даже губернский.

Василий Гаврилович имел и в Воронеже свой дом и при нем – «вокзал». Содержал Копенкин «контору сообщения с Задонском при помощи дилижансов» в том квартале воронежской улицы Плехановской, где в советское время был расположен магазин «Детский мир».

После 1892 года В. Г. Копенкин становится одновременно и содержанием Задонской почтовой станции, сменив купца П. Н. Дмитриева. Число станционных лошадей для казенных нужд остается прежним – 21 (14 – земских и 7 полицейских).

«Памятная книжка Воронежской губернии» на 1894 год называет также фамилии других частных предпринимателей, чья деятельность охватывала практически все нужды тогдашних задонцев. Причем, насколько позволяют судить статистические данные, начало 1890-х годов было порой чуть ли не наивысшего расцвета частного бизнеса в Задонске.

Известно, что в конце 70-х годов к купечеству принадлежали 133 жителя Задонска (видимо, опять был ужесточен подход к статучету против 1860-х годов, когда счет купечества достигал 1300).

А вот десять лет спустя к купеческому сословию относится уже 255 человек. К концу 1890-х численность задонского купечества вновь снижается – в 1897 году в городе зарегистрировано уже 227 купцов, в 1898 – 146, а в 1899 – 141.

Наиболее популярной была бакалейная торговля, ассортимент которой приблизительно соответствовал нынешним магазинам «Продукты». В доходную, с быстрым оборотом средств продуктовую торговлю вкладывали свои капиталы 15 человек. Некоторые держали более одной лавки. Причем, во многих случаях бакалея совмещена была с торговлей спиртным по «ренсковому» принципу – то есть, исключительно на вынос. Таких точек числилось 22.

Спиртное на вынос можно было приобрести и в специализированных «ренсковых погребах» А. Г. Елецких, А. Л. Качалова и И. А. Стемпковского. Особенностью данных погребов было то, что, согласно закону, спиртное тут (правда, только в городской черте) можно было отпускать в любую приносимую покупателем посуду без обязательного ее опечатывания. Ограничивалось только количество крепких напитков – один покупатель мог купить не более 3 ведер водки за раз.

Тот же, кто хотел просто выпить, шел в трактиры С. И. Галкина или Л. О. Орлова, а может – в один из шести других. Побаловаться пивком можно было в пивной лавке Н. Ф. Назарова.

Галантерейные лавки содержали 4 человека. Железными и скобяными изделиями торговали двое. Частники продавали товар красный и черный, вели мелочную и мануфактурную торговлю, занимались торговлей мукой, выпечкой хлеба, забоем скота, реализовывали лес.

Активно, судя по числу сохранившихся и до наших дней старинных снимков, действовали две конкурировавших фотографии: Ф. А. Багрянского и С. Н. Новодережкина.

По непроверяемым воспоминаниям старожилов, фотоателье Багрянского, или во всяком случае, его дом, располагались на углу современных улиц Крупской и Свободы (в районе бывшего завода «Цветрон»).

Есть в списке и аптека А. П. Ульрих.

Уже в это время в городе действовала типография, владельцем которой был М. З. Киселев. Располагалась она *«на Московской улице, в собственном доме»*, купленном *«в собственность по купчей крепости в 1882 г. от наследников Котова»*.

Именно Михаил Захарович Киселев станет издателем первой городской газеты, но лишь спустя несколько лет.

А пока задонцы пользовались услугами прессы губернской и общероссийской. Наибольшее число подписчиков было у «Нижегородского биржевого листка» – 29 человек

Журнал «Свет» получали 24 задонца; «Воронежские губернские ведомости» – 16; «Модный свет» – 14; журнал «Луч» – 11; «Российский паломник» – 10. И 12 адресатов было у «Сенатских изданий с приложениями» – вполне понятно, сенатскими новостями интересовались исключительно официальные учреждения. Единицы выписывали и некоторые другие издания. Всего в Задонске начала 1890-х годов периодика доставлялась 212 подписчикам.

Весьма немного, с учетом численности населения. А проживало в Задонске в 1894 году 6947 человек. Это, кстати, заметно меньше, чем в конце 1870-х и в восьмидесятые годы. Так например, в 1877 году было зарегистрировано 8445 задонцев. В 1887 году – 9039. И вдруг – сокращение на 2000 человек!

Отчасти это можно объяснить отказом от расквартирования в городе армейских частей, постоянная численность которых в иные годы доходила до 1000 человек. Так, в 1886 году в Задонске на постое находились 1-я рота 71 резервного батальона и 4-й батальон 142 пехотного Звенигородского полка. Их численность учитывалась вместе с прочим населением города. И вывод солдат, понятное дело сказался на демографической статистике. Но одновременно сократилось и число мещан, зарегистрированных в городе. Что, пожалуй, можно связать только с голодом и холерной эпидемией 1891 года.

В целом же Задонск на начало 90-х годов насчитывал 1150 зданий, из которых 146 были каменными, а вернее – кирпичными, а остальные – деревянными. Под жильё использовались 91 каменный дом и 884 деревянных. Остальные строения были

заняты разного рода учреждениями, конторами, лавками и прочими службами.

За городом числились также 5 мостов общей протяженностью 68 сажений. В том числе и достаточно хорошо сохранившийся поныне мост на Каменной горе. Кстати, именно в те годы, возможно, и появилась знаменитая некогда известняковая мостовая на Каменке, закрытая асфальтом лишь в 70-е годы уже XX века. Известно, что в 1891 году было выделено 5000 рублей на замощение улиц города Задонска.

Развитие местной промышленности оставалось на прежнем, весьма низком уровне. К традиционным кирпично-черепичным производствам, правда, добавилась табачная фабрика, судя по более поздним данным, принадлежавшая «товариществу на вере торговому дому Н. Д. Игнатова». Это предприятие (то фиксированное губернской статистикой, то вдруг исчезавшее из отчетности) по объему продукции в денежном выражении было явным лидером экономики Задонска. В 1889 году здесь было произведено товара на 3000 рублей.

Благополучие же кирпичных заводов, число которых то сокращалось, то увеличивалось (минимум — 2; максимум — 6), напрямую было связано с объемами каменного строительства в городе, а значит — с заказами. Учитывая полукустарный характер производства, где управлялись 2-3 человека на «завод», а значит и невеликие затраты на их организацию, можно с уверенностью предположить, что возникали они и действовали по мере надобности, и также, за истечением необходимости, закрывались. Исключением был разве что *«Заводъ братьев Рыжовыхъ въ Задонске»* (позднее он стал еще и «кафельным»), выпускавшего кирпичи отличного качества с личным клеймом, до недавнего времени бывшие обычной находкой при разборке старых развалин. Девиз братьев был такой: «Трудолюбие и искусство».

Шесть сотен задонцев, выправив соответствующие бумаги, официально зарабатывали на жизнь разными ремеслами. Причем 293 числились мастерами, а остальные — подмастерьями и учениками. Более всего занято было в сфере услуг бытовых, выражаясь современным языком. В 1897 году зарегистрировано 75

портных и их подручных; 98 сапожников и башмачников; 23 модистки; 40 кузнецов и слесарей; 48 плотников. А вот токарей было всего ничего – 1 на весь город.

Правда, ситуация со специалистами в более прогрессивных видах ремесел, типа токарного, обещала переломиться к лучшему. Ведь в 1896 году произошло событие для светской жизни Задонска одно из самых знаменательных за всю его историю – здесь открыта была школа ремесленных учеников.

Как она впоследствии именовалась: *«состоящая под августейшим покровительством Ея Императорского Высочества Принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской»**.

Потребность в кадрах квалифицированных специалистов, особенно слесарно-кузнечного направления, начала ощущаться в Задонске, привыкавшем, как и вся Россия, к механизации, в начале 70-х годов XIX века.

Именно тогда, в 1872 году, здешнее земство, как уже говорилось, впервые поставило вопрос о придании ремесленного уклона местному уездному училищу. На такую мысль подвигли земцев, в частности, хлопоты об устройстве железнодорожной станции в Задонске – наличие местной кузницы квалифицированных кадров могло стать серьезным аргументом в пользу земских прошений. Но с железной дорогой дело не выгорело, а вот ходатайства об открытии ремесленного училища в конце-концов возымели действие.

На основании Высочайше утвержденного мнения Госсовета учреждена была Задонская школа ремесленных учеников в г. Задонске еще 20 декабря 1893 года. Но согласование разных вопросов материального обеспечения и подготовка здания заняли еще около трех лет и только в 1896 году, 1 июля, Задонская школа ремесленных учеников была официально открыта.

Реально же занятия в ней начались позже – 14 октября.

Первоначально школа ремесленных учеников разместилась в одноэтажном здании, выделенном городом из числа имевшихся

* Наименование это присвоили школе с 1898 г., о чем было торжественно, с чувством глубочайшей благодарности за Высочайшее согласие принять на себя покровительство, было объявлено на сессии земского собрания.

в его распоряжении. Здесь было около десятка достаточно просторных комнат, в которых оборудовали классы. Но на все потребное сил и средств не хватило. Подводя итоги сделанного, земство отмечало необходимость постройки помещений еще для 2-х классов, *«мастерских для этих классов и для складов разных принадлежностей школы, чего сейчас не имеется»*.

На реконструкцию здания под нужды учебного заведения и, закупку необходимого оборудования и учебных материалов, а также оплату расходов на переезд в Задонск и обустройство специально приглашенного «инспектора школы М. Д. Талдыкина» земство потратило 5 858 рублей 82 копейки.

Назначенное от казны годовое содержание училища первоначально составляло 6 365 рублей.

Преподавали в новооткрытой школе Закон Божий, русский язык, славянское чтение, чистописание, сведения из отечественной истории, сведения из географии, арифметику, практические сведения из геометрии, счетоводство, сведения из физики, сведения из технологии металлов, сведения из технологии дерева, рисование, черчение, пение. Как видно из этого списка, общий образовательный уровень выпускников школы предполагал знание не только того, с какой стороны берутся за молоток, а потому не случайно, в отличие от советских ПТУ, в Задонскую ремесленную школу охотно отдавали своих детей не одни лишь представители социальных низов. Учились здесь и мещане, и купцы, и дворяне. Обучение было бесплатным, за счет казны и земства.

Специализировалась школа на столярно-плотницком и слесарно-кузнечном ремеслах.

По окончании школы выпускнику присваивалось звание подмастерья. Затем его направляли на трехлетнюю производственную практику. При условии успешного ее прохождения, испытуемый получал диплом и звание мастера.

Многие выпускники, получив хорошую по тем временам профессиональную и общеобразовательную подготовку, покидали Задонск, но немало и оставалось, умножая как население города, так и уровень его образованности.

В январе 1897 года, 27 числа, состоялась Всероссийская перепись населения. В ходе этой акции в городе Задонске зарегистрированы были 7507 человек, 293 из которых временно пребывали в уездном центре на момент переписи. Численность населения, понесшая заметный урон за годы холеры и голода (1891-1892), постепенно восстанавливалось.

Но важен еще один, весьма лестный для задонцев момент, зафиксированный переписью — заметно более высокий процент грамотности местных жителей. Каждый второй житель Задонска был грамотен (49, 8 процента), в то время как средний по Воронежской губернии процент грамотности городского населения составлял 44, 4. Про село и говорить нечего — в том же Задонском уезде средний процент грамотности был всего 13, 7. Да и не удивительно, — в весьма невеликом по размерам и населенности городке имелись в достатке учебные заведения как начального, так и более высокого уровня.

Два приходских училища, дававших ученикам азы грамоты и некоторых наук обучали более 200 ребятишек. 30 мальчиков и девочек постигали премудрость чтения и письма вкупе со счетом в двух церковно-приходских «школах грамотности» с 1891 года действовавших, соответственно, при Задонском Богородицком мужском и Свято-Троицком женском монастырях. Завершившие курс обучения в этих школах могли продолжить постижение наук и далее. Мальчики — в уездном духовном училище при монастыре, светском уездном училище или школе ремесленных учеников. Девочки — в женской прогимназии, у которой, кстати, был свой приготовительный класс.

В городе имелся книжный магазин, при котором его владелец — Т. Н. Сотников — завел в 1888 году публичную библиотеку. Несколькими годами позже «библиотека при книжном магазине в городе Задонске» была отмечена среди лучших библиотек Воронежской губернии, «доступных для общего пользования».

Вот, правда, театра не было, во всяком случае, профессионального, со своим зданием. Любительские же постановки ставили, судя по воспоминаниям старожилов, довольно часто. Как при

учебных заведениях, так и силами самодеятельной труппы. Но и помимо спектаклей бывали в городе зрелища. Особенно – на праздники. А их и в то время хватало.

В мае 1896 года в Москве проходили коронационные торжества. На царствие венчался последний русский царь – Николай II, причтенный ныне за мученическую свою кончину к лику святых Русской Православной Церкви.

Коронация Николая II, как и предыдущие коронационные торжества, стала праздником для всей страны. С искренней верноподданнической радостью отметили это событие и в Задонске. О чем и сообщил Н. И. Поликарпов в обзоре «Празднование священного коронования их Императорских Величеств в г. Воронеже и Воронежской губернии», помещенном на страницах «Памятной книжке Воронежской губернии» за 1897 год .

Как явствует из этого сочинения, Задонск еще накануне коронации принял особенно оживленный и нарядный вид. В ожидании телеграмм о том, что священное коронование свершилось, массы народа долго толпились по улицам.

Наконец салют из пушки возвестил радостную весть о совершении коронования; раздался звон колоколов, и народ устремился в городской и монастырский соборы на благодарственное молебствие.

По окончании молебствия в зале городской думы был «парадный обед». За обедом, *«по возглашению тоста за Их Величеств, гласные думы послали телеграмму в Москву г. Министру Внутренних Дел с просьбою повергнуть их верноподданнические поздравления к стопам Их Величеств, и поздравительную телеграмму г. Начальнику губернии»*.

Тут же, за тостами, было предложено сложить недоимки по окладным налогам и устроить обед на 300 человек для бедных. По недоимкам потом уточнили: простить только беднейшим горожанам...

Вечером Задонск засиял иллюминацией, которая *«особенно была удачна на величественной монастырской колокольне и в городском саду»*. В городском саду играл оркестр, причем *«публика много раз требовала повторения народного гимна»*.

А в заключение первого дня гулянья, проходившего 14 мая, *«сожжен был фейерверк»*.

День следующий ознаменовался народным гуляньем с лаза-
ньем на призовые столбы. Детям бесплатно раздавали лакомства.
Третий день догуливали уже неорганизованно.

Вступая в новое столетие

С началом века ХХ связано одно событие, а вернее и не собы-
тие, а факт, рожденный вступлением мира в век двадцатый и, в
то же время, являющийся фактом истории Задонска.

В 1900 году в Париже, по случаю начала нового тысячелетия,
состоялась первая Всемирная выставка достижений, так сказать,
империалистического, капиталистического, а также феодально-
го хозяйства разных стран и народов. Был на выставке и павиль-
он Российской империи. А под его крышей, в секции техничес-
ких училищ, среди прочих поделок людей мастеровых, стоял *«по-
стамент из резного дуба в русском стиле с никелированной тележ-
кой, изготовленной учениками Задонской школы ремесленных уче-
ников и поднесенной господину президенту Французской республи-
ки от русских технических училищ»*.

Экспонат из Задонска удостоен был Диплома первой степе-
ни и медали Всемирной выставки.

Собственно же задонская жизнь начала века нынешнего
практически не отличалась от быта Задонска конца прошлого
столетия. Разве что внесла свежую струю местная газета, по-
явившаяся в городке над. Издавал еженедельную уездную сель-
скохозяйственную газету «Задонский листок» владелец типо-
графии М. З. Киселев при финансовой поддержке земства. Ре-
дактором в первый год был М. В. Эпельман.

Инициативу учреждения такого издания проявил Киселев.
Еще в ноябре 1899 г. он «возбудил перед Главным Управлением
по делам печати ходатайство» о разрешении ему издавать в За-
донске газету «Задонский Листок». Но вопрос решился не сразу
и первый номер «Листка» увидел свет лишь в 1901 году. Печата-
лись там, согласно полученному свыше разрешению, только

материалы официальные и рекламные, так что простому подписчику издание было малоинтересно.

Понимая это, Киселев, во-первых, просил увеличить помощь земства, первоначально исчислявшуюся в сумме 300 рублей в год, а во-вторых ходатайствовал *«о расширении программы следующими отделами: правительственные распоряжения, хроника, мелкие повести, рассказы и проч.»*. Но, в обоих случаях получил отказ. Ходатайство о разрешении расширить программу «Листка» было *«признано господином Министром Внутренних Дел не подлежащим удовлетворению»*. А Задонское земство приняло решение *«от продолжения выдачи пособия на дальнейшее издание упомянутой газеты воздержаться»*. А потому и ограничилась история «Задонского листка» 1901-1902 годами.

В остальном же социально-экономическая ситуация в городе остается на пороге века двадцатого такой же как и ранее. Правда, в структуре «промышленности», особенно такой традиционной, как кирпичное производство, наметился некий сдвиг от полукустарных предприятий к более дорогостоящим и технически сложным проектам. Так, в 1900 году число просто кирпичных заводов сокращается до двух, зато появляются два черепичных и один кафельный заводики.

Их продукция находит спрос на месте, ведь в конце XIX – начале XX веков как раз и ведется основное каменное строительство на территории города.

В начале девятисотых годов было выстроено здание мастерских школы ремесленных учеников, где сейчас размещается завод «Цветрон». В 1903 году, согласно Высочайше утвержденному решению Госсовета, из средств Государственного казначейства отпущено было 31420 рублей *«в пособие Задонскому уездному земству на устройство здания и оборудование мастерских существующей в Задонске школы ремесленных учеников»*.

В том же 1903 году выделенные средства были пущены в дело и состоялась торжественная, с молебном, закладка фундамента новых мастерских.

А 22 января 1904 года Задонское уездное земство уже формально донесло Директору народных училищ Воронежской гу-

бернии о том, что «работы по постройке начаты». Завершилось строительство в 1905 году.

Что касается частных домовладений, то тут все же преобладало деревянное, или каменно-деревянное строительство.

Тем не менее, в начале этого столетия Задонску уже не пришлось переживать тех страшных пожаров, что несколько раз выжигали десятки домов в столетии предыдущем. Например, в 1901 году пожаров не было вообще. А в 1903 году был зафиксирован лишь один пожар, случившийся в летнюю жару и нанесший 100 рублей убытка.

Относительно спокойна была на грани веков и криминогенная обстановка. Смерти не от естественных причин были единичны. Характерна статистика 1901 года. За 12 месяцев зафиксированы в полицейских протоколах один мужчина самоубийца, один его собрат по полу, умерший «от пьянства» и одна женщина, скончавшаяся «от неизвестных причин».

Больше хлопот доставляли болезни, весьма многие из которых тогда относились к категории неизлечимых. Больных принимали в земской больнице, первоначально рассчитанной на 30 кроватей, а к 1905 году расширенной до 36. Персоналу этого лечебного учреждения не всегда удавалось справляться с вспышками заболеваний своими силами. Тогда на помощь приходили губернские медики.

Так в 1898 году в городе Задонске и уезде зарегистрированы были мощная вспышка дифтерии, а также очаговые проявления тифа. На борьбу с заболеванием из Воронежа был командирован специальный санитарный отряд из студентов и сестер милосердия во главе с врачом.

Но в целом задонским медикам удавалось выполнять свои задачи весьма удовлетворительно, не допуская возникновения очагов опасных заболеваний или эпидемий.

В 1900 году задонскую медицину отметили с положительной стороны за самое благополучное в губернии положение с сифилисом. В городе и уезде зафиксировано было лишь 1 348 зараженных, в то время как, например, в Бобровском уезде — 10 760...

Свою благородную роль в деле здравоохранения играла и монастырская минибольница, в официальных документах проходившая как «Приемный покой при Задонском Богородицком монастыре на 5 кроватей».

С выписанными докторами рецептами задонцы шли в аптеку провизора А. С. Воротынского. В 1904 году у Воротынского работали 2 фармацевта и 1 ученик. За год аптека обслужила подавателей 4772 рецептов (в 1902 - 4023).

Как отмечает земство, *«новая аптека оказалась поставленной в далеко лучшем виде против бывшей»*.

А. П. Ульрих, уступив около 1896 г. свою аптеку профессионалу, сосредоточилась, на пару с сыном, на содержании «аптекарского магазина». Такие магазины осуществляли розничную торговлю готовыми медикаментами, перевязочными материалами, медицинским оборудованием, парфюмерией, косметикой и товарами бытовой химии.

А те, кому требовались не столько лечение, сколько уход, могли рассчитывать на получение места в одной из задонских богаделен. Таковых с 1885 года в Задонске имелось три.

Одной из первых была открыта богадельня попечением орловской помещицы А. В. Демидовой.

Вообще, надо заметить, что очень набожная и очень богатая землевладелица весьма много сделала для города, чья история освящена именем и подвигом св. Тихона Задонского.

На ее средства (за 10 тысяч серебром) в 1870 году был выстроен храм Живоносного Источника над речкой Тешевкой близ Каменной горы, соединяющей северную и южную части города; именно ей обязан город устройением кладбищенской церкви во имя Казанской иконы Пресвятой Богородицы и Всех Святых. Построив церковь на городском кладбище, Агриппина Васильевна пожертвовала под проценты 25 тысяч рублей на содержание здания и заработную плату причту.

Ею же была открыта и передана на попечение городу богадельня для призрения 10 человек обоюга пола. Но в 1890-х годах это заведение упразднили, а здание, по решению городских властей, передали для нужд плодящейся бюрократии – в стенах

бывшей богадельни разместилось Присутствие воинской службы (военкомат, выражаясь языком современным).

Второй, и наиболее значительной, была богадельня, устроенная М. А. Охотниковой.

Госпожа Охотникова, умирая, оставила для целей благотворения два дома: один — для призрения шести бедных старушек дворянского звания, а второй — для 12 престарелых воинов-инвалидов. На содержание домов призрения завещала Охотникова 30 тысяч рублей.

Гарантом исполнения воли умершей в этом случае выступал не город, а Задонский Богородицкий мужской монастырь. А потому сие богоугодное заведение не только выполняло определенные ему задачи, но и развивалось. Так, попечением монастыря, при «охотниковских богадельнях» в 1885 году выстроен был однопрестольный каменный храм в честь Марии Магdalины. К этому времени заведение стало чисто женским. В начале 1900-х годов здесь доживали свои дни 12 женщин. В советское время на месте «охотниковской» богадельни был расположен Задонский маслодельный завод.

Еще 10 старушек в начале XX века получали уход и заботу в богадельне ростовской купчихи А. И. Асмоловой, имевшей усадьбу в Задонске (на углу улиц Дворянской и Малодворянской — Карла Маркса и Свободы).

И 12 бабушек «неизвестного звания» обитали под крышей богадельни госпожи Синельниковой.

Тем же задонцам, которые могли окончить свой век под собственной крышей, но не имели необходимых средств, чтобы дотянуть до этого, оказывало помощь Общество вспомоществования бедным города Задонска, основанное в 1895-ом.

В 1898 году эта благотворительная организация помогла 171 бедному семейству, выплачивая как единовременные, так и ежемесячные постоянные пособия. Кроме того, общество выделило средства для погребения 19 неимущих. На все про все израсходовано было 917 рублей 14 копеек. При этом приход общества, существовавшего на началах добровольных пожертвований, за тот же год составил 1792 рубля 80 копеек (считая и остаток от

1897-го – 787 рублей 73 копейки). В 1900 году Общество израсходовало на благотворительность 907 рублей 5 копеек, оплатив, в том числе 12 похорон.

Ну, а жители Задонска имевшие достаточно денег, чтобы содержать и свои семьи, и свои дома самостоятельно, прибегали к услугам иных обществ – страховых, в частности.

Причем, выбрать, где застраховать свое имущество и здоровье, было не так-то просто.

В маленьком провинциальном Задонске имелись представительства десятка страховых компаний как общероссийского, так и губернского масштаба. «1-е Российское», «Надежда», «Якорь», «Русское», «Московское», «Саламандра», Воронежское губернское взаимное земское страхование, «Санкт-Петербургское», «Северное» и «Россия» наперебой предлагали свои услуги, доказывая клиентам выгодность и надежность возможного договора именно с ними. Теперь трудно сказать, кто был в наибольшем фаворе у задонцев, но в деле страховки недвижимости явно лидировала «Россия» – ведь вплоть до самых последних советских времен на многих старых домах ржавели жестяные круги с датой страховки и надписью «Россия», артефакты, надолго пережившие как само страховое общество, так и ту Россию, приметой которой оно было.

Некоторые коммерсанты вкладывали деньги в новые для себя виды деятельности. Причем, в те, которые раньше были прерогативой исключительно монастырей.

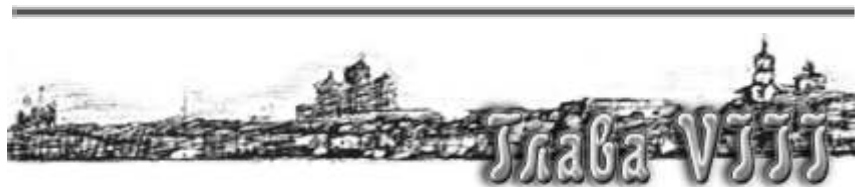
Так, семья Коптевых (отец и дядя писателя Николая Задонского), в начале 1890-х годов делавшая деньги на галантерейной торговле, в 1900-х добавила к этому и гостиничный бизнес, устроив в городе отель для приезжих и составив конкуренцию не только старой гостинице Богородицкого монастыря, но и не так давно открытой гостинице Тюнинского женского монастыря, устроенной в «слободе Тюнино Тешевской волости» (в издании 1999 года ошибочно указано, что гостиница находилась на въезде в Задонск по Московской дороге).

В торговле иконами у монахов также появились конкуренты-частники. Помимо Богородицкого монастыря, в первые годы

нынешнего века иконную лавку содержал и Т. П. Гулин. А на Большой Разночинской улице «против дома Б. В. Богушевского» (угол совр. улиц Коммуны и Бебеля) «иконостасное заведение» содержал крестьянин Андриан Сильвестрович Иванов. Заведение, где работы исполнялись «споро и аккуратно» принимало заказы не только на иконостасы и киоты, но и на роспись церквей и иконописание «в разнообразных стилях».

К сожалению, говоря о развитии частного бизнеса в Задонске, следует отметить временное умирание Задонских ярмарок. И прежде не слишком прибыльные, на рубеже веков они совсем захирели. Оборот их не превышает 30 – 40 тысяч рублей. Колеблется и число проводимых ежегодно ярмарок, увеличившееся было до 4-х за счет прибавления к существовавшим издревле Владимирским еще одной – на день памяти св. Тихона, 13 августа. Так в 1898 году прошло 3 ярмарки с привозом-продажей соответственно 113 и 54 тысячи рублей; в 1900 – 4 с привозом-продажей 100 и 40; в 1901 – 2 с привозом-продажей 70 и 24. И лишь к 1905 году число ярмарок вновь возрастает до четырех, а привоз-продажа до 110 300 и 59 400 тысяч рублей соответственно.

ОТ РЕВОЛЮЦИИ ДО РЕВОЛЮЦИИ

И всерьез, и... по пьянке

Начало нового, двадцатого от Рождества Христова, столетия для россиян исполнено было не только радужных надежд и ожиданий на то, что «век грядущий» им готовит, но и связанных все с тем же веком тревог и сомнений в будущем как своем, так и России. Ведь в новый век Империя входила под шум забастовок и пальбу эсеровских боевиков, отстреливавших представителей МВД.

Доходили волны общероссийской тревоги и до Задонска. Дети зажиточных родителей продолжали образование в крупных городах, а приезжая на каникулы привозили домой новые идеи, «сеяли смуту». Да и бродячие агитаторы не обходили стороной Задонск и его окрестности, роняя фразу – другую, где следует. Но провинциально-косное жизнеустройство брало свое и было зароненные сомнения в правильности государственного и социального устройства растворялись в повседневных заботах. О том, что Задонск все же, хоть и косвенно, оказался сопричастен к событиям Первой российской революции его жители узнали позднее, после победы второй – Октябрьской.

Вьюжным февральским днем 1902 года произошло событие, вписавшее Задонск на страницы истории революционного движения России. В сети уездной полиции попался соратник Ленина – Н. Э. Бауман.

Правда, нижние чины, доставившие к воротам Задонской тюрьмы подозрительную личность, арестованную на окраине

села Хлевное, этого не знали. Впрочем, не знало этого и их начальство. Задержанный, не местный господин, явившись замерзшим и голодным к хлевенскому участковому врачу В. Г. Вележеву, отрекомендовался ветеринарным врачом Петровым, скрывающимся от жандармов. Напирая на коллегиальную солидарность, пришелец попросил о помощи – ссудить ему 15 рублей «чисто как коллеге», и осведомился, как проехать до ближайшей железнодорожной станции.

Вележев, будучи человеком лояльным, вполне понятно, «выразил удивление, что к нему обращаются с подобными просьбами». Тем не менее, велел прислуге беглеца накормить и, после того как он отогреется, выпроводить. Но, совершив акт человеколюбия, врач не забыл и о долге гражданском – о происшедшем были поставлены в известность сельские власти. Так что накормленного и обогретого «Петрова» задержали при выходе из села и доставили в Задонскую тюрьму, где он и провел 5 дней «для выяснения обстоятельств».

«Задонский тюремный замок», как именовали его со второй половины прошлого столетия, к моменту водворения за его стены Баумана был вполне приличным исправительно-изолирующим заведением.

Верующие заключенные имели возможность посещать молитвенную комнату в «фонаре» здания, где службы совершались причтом городского собора. Те, кто хотел скоротать минуты досуга за книгой, могли воспользоваться тюремной библиотекой более чем в 200 томов. Выводили арестантов подышать не только на прогулки. За тюрьмой был закреплен земельный участок, возделывавшийся руками заключенных. Выращенное на тюремном огороде позволяло разнообразить казенный паек.

Впрочем, Н. Э. Бауман вряд ли успел подробно ознакомиться с условиями содержания в Задонском тюремном замке. Его «обстоятельства» выяснились уже 13 февраля. Воронежский губернатор сообщил в МВД: *«Имею честь уведомить Департамент Полиции, что показанный под №1 в присланном при циркуляре Департамента от 13 декабря 1899 г. за №2263 списке ветеринарный врач Николай Эрнестов Бауман 12 сего февраля арестован Задон-*

ской полицией». После установления личности опасного революционера этапировали «в распоряжение Вятского губернатора». История ареста Баумана была предана широкой огласке в узких революционных кругах, благодаря статье в газете «Искра» от 1 мая 1902 года. И для врача Вележева, которого Бауман через прессу обвинил в предательстве, его гражданский поступок в конце концов обернулся большими неприятностями.

Как сообщает писатель Николай Задонский, В. Г. Вележев, переехавший перед революцией в Задонск, и рассчитывавший мирно окончить свои дни у стен знаменитого монастыря, «был разоблачен и арестован в Задонске в середине тридцатых годов». Правда, документы утверждают, что житель Задонска Валериан Георгиевич Вележев, 1873 г. р., пробыв «более 6 месяцев под стражей», был освобожден «по реабилитирующим обстоятельствам». Что иначе как чудом по тем временам не назовешь.

Впрочем, обвинивший Вележева Бауман не дожил и до этого. Во время демонстрации 18 октября 1905 года в Москве, ехавшему в пролетке с красным знаменем в руках члену Московского комитета партии проломил голову обрезком чугунной трубы агент охраны. Удар был смертельным...

Другой эпизод «революционной» задонской истории, зафиксированный в документах Воронежского губернского жандармского управления, не в пример первому, комичен. Да и все-российской огласки не получил. Речь идет о скандале, случившемся в пивной Кронберга 12 октября 1904 года и вылившемся в «Дело по обвинению мещанина города Задонска Хумякова Н. И.», до сих пор сохраняющееся в Государственном архиве Воронежской области.

Было дело так. Октябрьским вечером, в шестом часу, сидел вышеупомянутый мещанин во второй комнате задонской пивной елецкого заводчика Кронберга и попивал елецкое же пиво с крестьянином села Нижнее Казачье А. А. Чернухиным.

Слово за слово. Глядь, уже по четыре пустых бутылочки перед каждым стоит. И, как оно по сю пору принято у пьющего и оттого пьянеющего народа, пошел разговор «за жизнь». И о том, в частности, кто этой самой «жизни» таковому народу не дает. О

правоохранительных, то есть, органах. О полиции. А к полиции у Хумякова как раз счет имелся. Накануне его, пьяного, не только забрали в участок, да еще и «в шею наклали». На что он собутыльнику-собеседнику и пожаловался. Но селянин Чернухин на жалобы горожанина Хумякова отвечал без сочувствия, покрестьянски рассудительно и образно:

— Так, видать, за дело в шею-то наклали. Вы, мещане, шибай, черти характером. Можете и архиерею нос сшибить.

Тут раззадоренный горячительным и обидой Хумяков гаркнул в запале на всю пивную: *«Да что архиерею! Я и Государю, коли надо будет, нос расшибу!»*. Угрозы по столь высокому адресу не остались незамеченными.

В первой комнате той же пивной патристичный мещанин Викулин, потрясенный возмутительно вольными намерениями по отношению к Особе Государя Императора, отставил в сторону недопитую бутылку и, вскочив со стула, возопил:

— Как это, «Государю расшибу»?! Будьте свидетели.

Вскоре и виновника скандала, вознамерившегося было нос Государю расшибить, и невольных свидетелей публичного выражения «террористических» намерений забрали для дознания к надзирателю второй части города Задонска.

И тут Хумякову не повезло.

Надзиратель углядел в пьяной болтовне нешуточную политическую подоплеку. И дело, из участка, попало к жандармам. В руках голубых мундиров из Задонска пустяковый скандал превратился в дело по обвинению Хумякова в намеренном оскорблении Царствующей Особы, что могло повлечь весьма неприятные последствия для болтливой выпивохи. Спасло Хумякова то, что Воронежское жандармское губернское управление, получив документы из уезда, провело повторное расследование.

В личных показаниях несостоявшегося расшибателя высокопоставленных носов красной нитью проходит один, вполне современный для такого рода объяснений аргумент — был пьян, ничего не помню. Тяжелое хмельное состояние Хумякова, еще до пивной хлебнувшего водки, подтвердили и хозяин заведения, австрийский подданный Гресс, и рабочий лавки Тенихин. Опь-

янение послужило смягчающим обстоятельством. Ознакомившись с показаниями свидетелей, жандармы уверились, что Хумяков вовсе не имел намерения сотрясать государственные устои сворачиванием на сторону царственного носа.

В итоге из Воронежа в Задонск направлено было резюме: дело прекратить, а мещанина Н. И. Хумякова наказать в административном порядке, арестовав на 5 суток при местном полицейском участке. Так закончилось уникальное для тогдашнего Задонска дело, получившее было политическую окраску.

А тем временем пришел черед года 1905-го с его Кровавым Воскресеньем, Всероссийской стачкой в октябре и октябрьским же манифестом Николая II, объявившим о выборах в законосвещательную Государственную Думу.

И вот в марте-апреле 1906 года состоялись выборы депутатов и Государственной Думы. Отдали свои голоса за избранников и задонцы, предварительно до хрипоты поспорив, кто народу ближе и Отечеству полезней. Причем, некоторые позволяли себе высказывания весьма сомнительные.

4 февраля 1906 года задонский исправник донес Воронежскому жандармскому управлению, что *«при разговоре о выборах в Государственную Думу бывший в это время в городской управе Тихон Иванович Попов, указывая на полицейского надзирателя, вырился: “Кабы не эти господа, то мы выбирали бы не Государственную Думу, а президента республики”»*.

Тихон Иванович Попов, сделавший столь смелое заявление, не случайно попал на заметку к исправнику. За ним следили. Ибо органам тогдашней госбезопасности было точно известно, что Т. И. Попов принадлежит к РСДРП и является далеко не рядовым ее членом. За его плечами уже были аресты и высылки по политическим мотивам.

Родившийся в семье Поповых, представители которой на протяжении нескольких поколений отправляли службу в городском Успенском соборе, Тихон, горячий и непоседливый, не склонный к духовной созерцательности, отказался идти по родительским стопам. Окончив в 1893 году елецкую гимназию, он поступил в Московский университет на историко-филологический

факультет. В декабре 1894 года за участие в студенческих беспорядках он был *«уволен из числа студентов и удален в Задонск, где за ним, по распоряжению департамента полиции от 23 декабря 1894 года за № 9464, был учрежден негласный надзор»*. Как вспоминает писатель Николай Задонский, посвятивший этой незаурядной личности целую книгу — *«Повесть о золотом комиссаре»*, *«с приездом Попова в Задонск здесь впервые появляются книги Маркса, Энгельса, Плеханова, Каутского»*. Задонская ссылка продлилась для Тихона Попова два года. За это время он сумел подготовиться и экстерном сдать экзамены по курсу Харьковского университета.

В 1896 году, женившись, Тихон Попов уезжает в Курск, где устраивается работать земским статистиком. Оттуда путь его лежит в Ярославль и, в 1899 г. — в Кострому. Но, как оказалось, новоиспеченный чиновник вовсе не расстался с юношеским увлечением марксизмом. Что и было установлено в результате проведенного обыска. Попова арестовали и выслали в Вятскую губернию под гласный надзор полиции. Но Тихон Иванович, вместо того, чтобы отбывать наказание, перешел на нелегальное положение. И объявился лишь в 1903 году как один из руководителей Тверского комитета РСДРП. В Твери 20 июля 1904 года его вновь арестовали, продержав до 11 мая 1905 года, когда товарищам, наконец, удалось вызволить Тихона под залог. После освобождения, будучи поднадзорным, опытный уже революционер решил не дразнить охранку и отбыл на родину — в Задонск, где прожил вплоть до выборов в Госдуму.

Дальнейшая его биография, как и положено истории жизни профессионального «подрывного элемента», насыщена арестами, высылками, отсидками. Страшных три с половиной года пришлось провести Т. И. Попову в камере-одиночке. Чтобы не сойти с ума, он усиленно занимался немецким языком, переводя Шиллера. Выйдя из крепости в 1911, Попов вновь активно включается в революционную работу. С началом издания «Правды» он входит в состав ее редакции. А работает в Торгово-Промышленном банке. Сначала в Петербурге, потом — в Москве. Здесь и застала его Октябрьская революция.

Революционер из числа соратников Ленина, имеющий опыт банковской работы, Попов был назначен главным комиссаром и управляющим республиканского народного банка. А затем, в связи с обострившимся положением, вновь был востребован опыт Попова-подпольщика. В 1919 году его направляют на подпольную работу в Баку, оккупированный англичанами. По дороге лодка, на которой группу переправляли по Каспийскому морю, была задержана белыми. Попов, не желая сдаваться, при задержании застрелился.

Так завершилась короткая, но яркая биография задонского уроженца, чья память в конце 1980-х была удостоена мемориальной доски на старом доме Поповых, до сих пор стоящем на улице Урицкого. Правда, провисела та доска совсем недолго. И вот в 2012 году, объявленном «Годом российской истории», дань памяти именитому земляку отдали повторно. 14 февраля на доме №8, что на улице Урицкого в Задонске, по инициативе администрации города и Задонского филиала Сбербанка России состоялось торжественное открытие мемориальной доски в память о том, что здесь родился и провел детские годы «золотой комиссар» Т. И. Попов.

«Бунт» в ремесленной школе

События первой российской революции, как известно, не ограничились жарким от выстрелов и крови 1905 годом. Выборы в Госдуму по манифесту от 17 октября и одновременное «закручивание гаек» дали стране лишь временную передышку.

Первая Дума не оправдала чаяний ни царя, разогнавшего ее из-за политической неблагонадежности спустя два месяца с мелочью, ни народа, продолжившего бунтовать, особенно летом 1906-го, ознаменовавшимся восстаниями в Свеаборге и Кронштадте. 12 августа эсеры совершили неудачное покушение на премьер-министра П. А. Столыпина, завершившееся бессмысленной гибелью двоих посторонних.

Ответом на оживление революционной активности стали знаменитые слова Столыпина: «Сначала успокоение, потом реформы».

В стране начали работать военно-полевые суды, щедро раздававшие «столыпинские галстуки» — так в народе прозвали приговоры к повешению, часто завершавшие заседания трибуналов. Всего казнено было около 2000. Для наведения порядка среди обывателей городов и сел активно использовались казачьи части.

Появился казачий отряд и в Задонске. Хотя особых неприятностей от непромышленного городка ожидать не приходилось — особенно сочувственный к революции пролетариат насчитывал здесь лишь четыре десятка человек.

Тем не менее, брожение в умах имело место и среди задонцев. В 1906 году отмечен случай распространения в городе большевистских прокламаций.

Сохранился рапорт Задонского уездного исправника помощнику начальника Воронежского губернского жандармского управления об этом событии. Вот что сказано в рапорте: *«В ночь с 25 на 26 октября в городе Задонске, по Ямской улице, где квартируют призываемые на военную службу, и по направлению к воинскому присутствию (дому земской управы) на фонарных столбах и доске, вывешенной на наружной стене здания земства, были расклеены прокламации Российской социал—демократической рабочей партии “Манифест ко Всероссийскому крестьянству”. Прокламации эти рано утром были замечены городовыми Зениным и Свешниковым и соскоблены шашкою, кроме того, две прокламации были сняты в 6 часов утра тоже с фонарных столбов фельдфебелем 5 роты 142 пехотного Звенигородского полка Александром Гриценко. Прокламации эти, как нужно полагать, не были читаны находящимися в Задонске призываемыми и другими лицами».*

И это был не последний раз, когда городовым приходилось тупить шашки, соскабливая со столбов подрывные листки. Но срывание прокламаций, конечно, не могло оградить горожан от влияния революционной агитации.

Наиболее чуткой к ветру перемен оказывалась молодежь. Об этом вскользь упоминает Николай Задонский. Об этом же, более подробно, рассказывает в своих воспоминаниях, записанных в 1966 году, бывший ученик ремесленной школы П. Г. Си-

ротинин. По его мнению, события, имевшие место в Задонской школе ремесленных учеников осенью – весной 1906-1907 годов, *«потрясли не только школу, но и город в целом»*.

Началось все осенним дождливым вечером, когда учащиеся ремесленного собрались на тайный митинг. Ребятам, вызванным с квартир под предлогом совместной прогулки, предложили проследовать на берег Дона. *«По приходу на берег Дона мы увидели примитивную трибуну и стоявших на ней нескольких учеников, инициаторов этой прогулки»*, – вспоминает Сиротинин.

Тут надо сказать, что состав коллектива учащихся ремесленной школы был весьма разношерстным как по сословным, так и по возрастным показателям. Обучались тут юноши от 13 до 25 лет. И не только те, кто получал первое образование, но и исключенные из гимназий и семинарий. Вот эти последние и стали заводилами ученической «смуты».

Пофамильно автор воспоминаний называет лишь двух зачинщиков – «учеников довольно пожилого возраста» – Меньшикова, сына члена Госдумы от трудовой партии, и Бабкина из семьи мелких торговцев. О политической ориентации их в воспоминаниях не говорится. По развитию событий ясно лишь, что вряд ли это были социал-демократы...

Хотя и РСДРП не оставляла вниманием Задонск. Тот же Сиротинин вспоминает, как его родственник *«тоже ученик этой школы П. И. Воротников часто являлся с ночной прогулки с пачкой прокламаций за подписью “Воронежская Социал-Демократическая рабочая партия”*». Правда, долго эти прокламации у Воротникова не задерживались, о чем Сиротинин в своих воспоминаниях сообщает с искренней детской непосредственностью: *«Прокламации не всегда приходилось читать, так как хозяйка квартиры их отбирала у дверей, при входе в квартиру»*.

Но вернемся под морозящий дождь, на берег Дона. Здесь, после кратких речей о положении в России, был выдвинут и одобрен ряд «экономических» требований, исполнения которых ученики решили добиваться забастовкой. К сожалению, из оглашенных над водами Тихого Дона требований известно лишь одно – улучшение завтраков, выдававшихся за казенный счет.

Именно это требование и стало причиной того, что к «ремесленникам» с тех пор надолго прилипло прозвище «кашники», возникшее, как только по городу разошлись слухи о происшедшем. Эта дразнилка дождалась до советского времени, перейдя в слегка измененном виде («кулешники») к студентам Задонского техникума, унаследовавшим ее вместе с материальной базой школы ремесленных учеников.

О митинге, те, кому следует, узнали, еще когда он шел. Были даже направлены казаки для разгона, никого, правда, на донском берегу не заставшие.

Участники митинга, наскоро приняв решение, разошлись по квартирам. И вовремя. Так как тем же вечером поднятые с постелей преподаватели начали поквартирный обход с тем, чтобы выяснить, кто-где в этот вечер был и чем занимался.

Не удовлетворяясь расспросами, учителя обыскивали сундучки учеников, так как их предупредили, что на митинге могли раздавать прокламации, а то и оружие.

Но, как и в случае с «террористом Хумяковым», у провинциального страха глаза оказались велики. Куда больше, чем то, что дало повод для испуга.

Поутру, придя на занятия, ребята решили все-таки бастовать, хотя семерых зачинщиков митинга уже выявили и удалили с территории школы.

«Бунтовщики» собрались в одном из больших классов и еще раз проголосовали за заявленное на митинге, не обращая внимание на уговоры преподавателей и инспектора, в адрес которого прозвучали весьма нелестные, оскорбительные выкрики. Для устрашения сомневающихся на доске нарисован был мелом гроб с припиской «Изменнику смерть».

Тем временем шло заседание педсовета, куда по очереди, индивидуально, вызывали учеников. Эти «частные» собеседования оказались весьма действенными.

И когда после педсовета к ученикам обратился весьма уважаемый ими преподаватель, в очередной раз предложив отправиться в мастерские, его послушались. Правда, став за верстаки, ребята еще чуть-чуть побузили, устроив страшный грохот молот-

ками. Но пар был спущен и «восстание» завершилось. Семерых зачинщиков уволили. Некоторых активистов частично сняли с казенного обучения. Бесплатные завтраки, улучшения которых добивались забастовщики, отменили совсем. А заодно отменили и еженедельные бесплатные походы в баню.

Хотя, надо заметить, сокращение льгот учащимся коснулось не всех. Наиболее бедные ученики, как свидетельствует официальная отчетность, по-прежнему продолжали пользоваться финансовой поддержкой.

В частности – за счет Попечительства при Задонской школе ремесленных учеников, в которое входили 39 наиболее уважаемых и зажиточных горожан.

В 1907 году эта благотворительная организация оказала содействие неимущим ученикам на сумму 2217 рублей 9 копеек. В следующем, 1908 году, помощью Попечительства на общую сумму 2490 рублей 59 копеек воспользовались 23 нуждавшихся ученика ремесленной школы.

К сожалению, революционная активность в Задонской ремесленной школе не исчерпалась совсем по-взрослому затеянным и по-детски разыгранным «бунтом», лишившим учеников как бесплатных завтраков, так и еженедельных общих походов в баню за казенный счет.

За грустной этой, но не трагичной нотой пришло время прозвучать и иной, куда более мрачной. А произошло это в день выпускного торжества, когда в весеннем саду школы звучали прочувствованные напутственные речи в адрес тех, кто вступал на самостоятельную жизненную дорогу, а ребятня помладше предвкушала радость беззаботных каникул.

В своих воспоминаниях П. Сиротинин описывает не только события околореволюционные, но и бывшую в Задонской школе ремесленных учеников традицией церемонию, венчавшую очередной учебный год.

«Выпуск проходил в саду школы, в специально выстроенной для этой цели большой беседке. В выпускной день в беседке собиралась вся знать города: предводитель дворянства, попечители других школ, инспекторы и прочие.

После торжественного молебна инспектор школы выходит на трибуну и держит речь. В этой речи он обрисовывает положение школы с начала ее образования. Зачитывает, сколько школа выпустила учеников, где и кем они работают. Даже сообщает, конечно, не про всех, какое получают жалованье. После всего этого выдаются аттестаты и награды лучшим ученикам. Вечером около беседки, в роскошном школьном саду, всегда устраивался вечер учеников совместно с приглашенными гостями».

Но выпуск 1907 года закончился вовсе не торжественным вечером с веселыми танцами. Лишь только высокопоставленные лица, присутствовавшие на церемонии, отбыли на обед к инспектору школы, на расположенной поблизости от беседки площадке, где предполагалось занять учеников «увеселительными играми», прогремел выстрел. *«Я, и еще несколько школьников первыми прибежали на выстрел, — вспоминает Сиротинин. — Перед нами лежал простреленный в висок ученик-выпускник. Возле него лежал револьвер и записка с просьбой не винить в его смерти никого. Фамилия этого ученика Рудкевич. Сын польского ксендза, 23 лет».*

Спустя несколько месяцев после трагедии по городу поползли слухи, что самоубийца был членом террористической организации партии эСеРов (Социалистов-Революционеров). Ему якобы выпал жребий убить инспектора, после чего другие должны были бросить бомбу в беседку, где сидела городская верхушка. Но парень струсил и из страха перед товарищами по партии застрелился. Трудно теперь сказать, присутствовала ли в этой версии хоть доля правды или полностью она была измышлением досужей молвы. Но в любом случае показателен уровень политизированности мышления даже провинциального Задонска, любое неожиданное и странное происшествие стремившегося объяснить наиболее естественными для того времени причинами — революционной деятельностью...

Впрочем, за дымом проглядывал и огонь. Следующий, 1908 года, выпускной вечер также не состоялся из-за того, что несколько неблагонадежных учащихся были арестованы буквально накануне.

В годы всероссийских юбилеев

Впрочем, в 1908 году были у задонцев и иные, вполне бытовые, поводы посудачить. Четыре пожара (два — зимой, и два — осенью) унесли недвижимости на 1060 рублей. Жертвой одного из них, наиболее разрушительного, стал Задонский Богородицкий монастырь. Ввиду реальной угрозы распространения возгорания, мощи святителя Тихона были *«перенесены в одну из городских задонских церквей»*.

Формулировки причин пожара несколько отличались от современных. Но, не принципиально. Тогдашние пожарники сводили все к «дурному устройству печей» и «неосторожности». Хотя, конечно, в масштабах разросшегося города эти четыре пожара выделялись разве что на фоне предыдущих, практически беспожарных лет.

Город, за двадцатилетие, минувшее с холерно-голодного начала 1890-х, не только разросся вширь, до границ привычных нынешним старожилам, но и почти восстановил численность населения. В 1905-м население Задонска насчитывало 7421 жителя. А спустя 3 года году здесь насчитывалось уже 8080 жителей, большинство которых (4277) относились к прекраснейшей половине человечества.

По вероисповеданию были задонцы традиционно православными. Хотя, как и в годы предыдущие, около 2-х десятков иудеев, обслуживавших медико-фармацевтические потребности города и уезда, единицы католиков, лютеран и «магометан» здесь тоже проживали.

И текла жизнь их под крышами 1083 «жилых зданий», из которых в 1905 году черепицей крыты были 62%, железом — 25% и соломой — 13%. А выйдя на улицу, население оказывалось на тротуарах, которые «не мощены». Зато улицы мощены были на протяжении 4 с половиной верст и это выручало тех, кто там жил, в непогоде и распутицу.

Лишь 36 человек из 8 тысяч задонцев формально могли считаться наемными промышленными рабочими. Трудились они на

13 предприятиях, произведших в 1908 году валовой продукт на сумму 20980 рублей. Это были не только традиционные кирпично-кафельные производства, но и паровая мукомольная мельница, а также 1 салотопенный, 1 мыловаренный, 1 воскобойный заводики.

Неплохо себя чувствовали было захиревшие в начале нового века старинные задонские ярмарки.

Начиная с 1905 года, стабильно торгуют по 4 ярмарки ежегодно. Причем, к 1910 году объем привозимых для реализации товаров достиг 150 тысяч рублей в денежном исчислении. И почти половина привезенного раскупалась.

Помимо ярмарок, с 1909 года в расписании общественно значимых мероприятий Задонска появляется такая новинка как исторический юбилей. Появляется, видимо, как и по всей России, с тем, чтобы воспоминаниями о славных страницах давно прошедшего отвлечь имперское народонаселение от обсуждения и анализа пережитого в совсем недавние годы революционной смуты.

Год 1909 стал годом 200-летия победы над шведами под Полтавой. По такому случаю Задонской городской Думой принято было решение в полном составе присутствовать 27 июля – в день праздника – на торжественном богослужении в городском Успенском соборе. В знаменательный день город патриотично расцвечился флагами, вывешенными как на зданиях казенных – стараниями властей, так и на частных особняках – радением благонамеренных горожан. На время службы, до 12 дня, всякая торговля в городской черте была не то что запрещена, но не рекомендовалась.

По окончании молебствия в зале Думы состоялся званый обед, перед которым был сделан исторический доклад о значении Полтавской победы для придания предстоящему вкушению яств должной значимости.

Для бедных учеников городского училища были учреждены две «полтавские» стипендии. Было принято городской Думой и еще одно решение – улицу Средне-Мещанскую (ныне Комсомольская) переименовать в Петровскую, тем более, что поверг-

ший шведов под Полтавой царь, вроде как проезжал по тем местам, где позднее устроились Задонские улицы. Но с переименованием что-то не заладилось. И в послереволюционном списке, составленном С. Г. Заворыкиным, так и фигурируют три Мещанские улицы – Большая (Урицкого), Средняя и Малая (Семашко). А вот улицы Петровской нет. И это, пожалуй, повод для сожаления – ведь такое название улицы было бы Задонску куда более к лицу, чем уж совсем сегодня маловразумительные фамилии немецких социалистов, обозначающие две весьма значительных городских улицы.

С наступлением года 1910 начался отсчет последних лет жизни Задонска при «старом режиме». А жители города, отметив очередное Новолетие, вовсе и не представляли крутого исторического поворота, ждавшего их впереди, радуясь, в большинстве своем, тому, что было для них днем сегодняшним.

Ведь последние эти годы существования уездного Задонска, пожалуй, самые благополучные в трехсотлетней дореволюционной истории населенного пункта, возникшего в свое время при впадении в Дон тогда еще заметной лесной речушки Тешевки.

Продолжала развиваться местная «фабрично-заводская» промышленность, оставаясь, конечно, полукустарной, но увеличивая объемы производства. В 1910 году на территории уездного центра вновь были зарегистрированы 13 «промышленных заведений». Общая численность трудовых их коллективов составляла 37 человек, производивших в общей сложности товарной продукции уже на 23 820 рублей.

Торговали все 4 местные ярмарки. На Владимирские, приуроченные к празднованиям, связанным с чудотворениями Владимирской иконы Божией Матери, торговля велась скотом и «разным товаром». На Тихоновской, проводившейся в день памяти св. Тихона Задонского, торг был менее шумным – здесь торговали только «разным товаром».

В 1910 году привоз/продажа задонских ярмарочных торгов составили, соответственно, 149 930/70 000 рублей. На следующий год объем товарооборота на ярмарках заметно вырос. В 1911 году привезено было в Задонск на продажу товаров на 171 тыся-

чу 900 рублей, а продано на 92 с половиной тысячи. Тенденция роста ярмарочного товарооборота сохранялась и в годы последующие. Одновременно наблюдается нарастание объема реализованной продукции по отношению к выставленной на торги. Если раньше продавалось около половины привезенных товаров, то позднее – до 60 процентов.

Об относительном благополучии населенного пункта в эти годы говорит и стабильный ежегодный прирост населения. Лишь 1913 год стал исключением – зафиксирована убыль в 1 человека. А так – ежегодный прирост от 50 до 60 человек. Причем, не столько за счет миграции, сколько за счет естественного прироста – превышения уровня рождаемости над смертностью. Так что детей на улицах Задонска хватало.

Дети – цветы жизни, а потому уход за ними нужен постоянный. И с 1911 года в Задонске начинают организованно заботиться о досуге подрастающем поколении. В частности, помогая ребятишкам с большей пользой провести летние каникулы. Для чего, на средства благотворительницы – М. А. Богушевской, организуется *«бесплатная детская площадка»*. Сюда собирается ежедневно более сотни детей. Разделенная на три группы: до 6 лет, от 6 до 9 и от 10 до 13, ребятня, под руководством наставниц с педагогическим образованием, с 5 до 8 вечера занимается играми, рукоделием, слушает сказки, грамотные – читают сами. *«Интерес детей к чтению был очень велик, иногда число желающих получить книги доходило человек до 80 в вечер и не менее 50 чел. каждый раз»*, – сказано в отчете за 1915 год.

К этому времени летняя детская площадка была уже признанной официально и пользовалась ежегодной субсидией Министерства народного просвещения.

М. А. Богушевская была и организатором детского сада-школы *«для детей улицы»*. Как и с детской площадкой Марию Александровну активно поддержал С. Н. Введенский, служивший в то время инспектором народных училищ Задонского уезда.

В сад-школу в 1913 году набрали 30 мальчиков и девочек *«которые осенью, по своим годам, должны были поступать в начальную школу»*. Были они из самых бедных семей Задонска

«ютящихся большей частью в логу на краю города, в ветхих лачугах». Так что к началу занятий собралась «толпа малышей», не имевшая никакого понятия о дисциплине и проявлявшая *«вначале все привычки детей улицы»*.

В школе Богушевской, расположившейся в специально нанятом уединенном доме с большим садом *«им было хорошо, с ними занимались, всему учили, позволяли свободно бегать и играть и обращались с ними с той ласковой добротой, какой, быть может, многие из них никогда не видели дома»*. Большое внимание уделялось приучению детей к чистоте и аккуратности, «о чем большинство из них вначале не имело никакого понятия». И усилия воспитателей не пропали даром: *«к концу лета в ребятишках была заметная перемена к лучшему»*. Расставаясь, дети жалели, что *«школа кончилась»*, «некоторые даже плакали». *«Осенью почти все поступили в начальную школу»*. Все расходы на эту затею, составившие в 1913 году 458 рублей 59 копеек, «М. А. Богушевская приняла на свой счет».

А для получения общего образования к услугам подраставшей части местного населения в 1910-е годы имелись все те же учебные заведения, что и в годы предыдущие. Впрочем, это, если оценивать их количественно. В том же, что касается качества преподавания, два основных светских учебных заведения города после 1910 года поднялись на ступень выше.

Женская прогимназия*, насчитывавшая шесть классов (5 основных плюс 1 подготовительный) и около 300 обучающихся, с августа 1911-го стала гимназией. Семиклассной. А в 1912 г. *«увеличилась еще восьмым дополнительным классом»*. Новое здание гимназии это позволяло.

Ведь четыремя годами ранее – в 1908 г., девичий храм науки справил новоселье, разместившись во впечатляющем здании, выстроенном по проекту С. Л. Мысловского, самого известного воронежского архитектора того времени.

* В 1903 году земство, отметив, что «учительский персонал в школах Задонского уезда состоит из 11 учителей и 28 учительниц», с гордостью констатировало: «наибольший процент учащихся дала женская прогимназия, и почти исключительно – Задонская».

Ныне это основное здание городской средней школы №2. На его достройку 15 000 рублей выделило земство, удовлетворив просьбу городского головы В. Ф. Богомолова, благодаря чему объект, грозивший превратиться в «долгострой», удалось сдать. Ибо изначально отпущенных казной 15 000 и того, что собрал город, явно перестало хватать уже к 1904 году.

А вот городскому училищу повезло не так. С повышением статуса все решилось относительно быстро. Этим вопросом начали заниматься еще в 1909 году.

13 июля 1909 года Попечитель Харьковского Учебного Округа сообщал Директору народных училищ Воронежской губернии: *«За Министра Народного Просвещения, г. Товарищ Министра, действительный статский советник Георгиевский предложением от 23 истекшего июня, за №14662, уведомил меня, что он разрешает преобразовать с 1 июля сего года трехклассные училища Задонское, Землянское, Нижнедевицкое и Новохоперское в четырехклассный состав, с отпуском из казны по 925 рублей в год на содержание четвертого класса каждого из названных училищ».*

С 1 июля 1912 года Задонское городское четырехклассное училище преобразовано было в высшее начальное училище. Под такое событие отцы города выделили средства на строительство нового здания, так как старое, «викулинское» уже много лет как регулярно признавалось «ветхим» и не отвечающим задачам образовательного процесса. В 1913 году, судя по отчетам, строительство здания, «взамен неудобного и пришедшего в ветхость» велось полным ходом.

Но новоселье, в отличие от гимназисток, задонским «внукам» (так дразнили до революции учащихся высших начальных училищ за буквы ВНУ на пряжках форменных ремней) справиться не удалось. Ребята и их начальники вынуждены были оказаться джентльменами и уступить так и необжитое здание, завершенное в 1914 году, представительницам прекрасного пола – все тем же гимназисткам.

В отчете о состоянии Задонского высшего начального училища за 1915 год сказано: *«Выстроено новое училищное здание,*

временно занятое женской гимназией, по причине квартирования в здании гимназии лазарета раненых. Высшее начальное училище помещается в старом здании, на ремонт которого израсходовано 50 рублей». Здание училища, согласно отчету, отапливалось дровяными печами-голландками, освещалось керосином. Фасадом обращено было «на Дворянскую улицу, оживляемую проездами в ярмарочные базарные дни».

Изменения произошли и в уездном духовном училище. Правда, поменялось лишь его название.

С 1911 года стало учебное заведение именоваться Тихоновским духовным училищем, в память о святителе Тихоне Задонском, полувековой юбилей открытия мощей которого был торжественно отмечен в Воронежской губернии.

Тут надо заметить, что ознаменование полувекового юбилея прославления св. Тихона торжествами в Задонске было не первым после открытия мощей празднеством, связанным с именем этого почитаемого на Руси святого. Так, летом 1883 года по инициативе обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева в общероссийском масштабе отмечено было 100-летие со дня окончания земной жизни св. Тихона.

А с инициативой устройства торжеств по случаю 50-летия открытия мощей св. Тихона выступил Воронежский церковный историко-археологический комитет, посвятивший подготовке весь 1910-й год.

И 17 декабря уже в Задонске проведено было «частное совещание по вопросу о порядке празднования пятидесятилетия со дня открытия мощей святителя Тихона». В документе по итогам этого собрания, в котором участвовало высшее задонское духовенство и С. Н. Введенский, как представитель Воронежского комитета, особо была отмечена желательность воспроизведения *«насколько возможно, того торжества, какое происходило при открытии мощей св. Тихона в 1861 году».*

На практике, конечно, торжества оказались погромнее. Тем не менее проведено было трехдневное празднование, достигшее кульминации в день памяти святителя – 13 августа 1911 года, с вполне приличным для губернии размахом. В пышных крест-

ных ходах от храмов Задонска в этот день участвовали члены обществ хоругвеносцев из Воронежа и Ельца.

«По определению монахов, жителей Задонска и полиции, число богомольцев было свыше 100,000 человек, тогда как обыкновенно число богомольцев в день 13 августа не превышает 40,000», – сообщил репортер, бывший участником торжеств.

Все три дня не умолкали залиvistые голоса монастырской звонницы, насчитывавшей полтора десятка колоколов.

Главный «Большой колокол», весом в 11 с лишним тонн, отлит был в Москве на заводе Самгина в 1886 году на совместные средства купца М. И. Шапошникова и Задонского монастыря, оплатившего треть стоимости работ. По рассказам задонских старожилов, голос этого колокола был слышен на добрый десяток километров в округе, а в особо тихие дни – даже в Ельце.

Выделялись своим звучанием и почти пятитонный колокол отливки 1846 года, и его собрат в 1920 килограммов. «Вседневный» колокол весил «всего» 1120 килограммов. А общий вес медного «хора» монастырской звонницы составлял 22 тонны 414 килограммов 400 граммов, как подсчитал о. Геронтий.

Недовольной праздником осталась только санитарная служба в лице врача В. И. Скрябина, опубликовавшего отчет о событии во «Врачебно-санитарной хронике» за 1912 год. Из-за отсутствия в городе надлежащим образом организованных отхожих мест общего пользования *«воздух был насыщен ужасным запахом человеческих извержений, не было возможности дышать полной грудью»*.

Да и вообще, судя по отчетам, отношения санитарной службы с Богородицким монастырем, «производившим» массу кухонных, в частности, отходов не складывались.

Тем более, что служки обители имели привычку вываливать все «по руслу речки Тешевки», лентяя, видимо добираться до специально отведенного места «около лога, на котором имеется столб с надписью: место для свалки нечистот», на что городская управа и указала как-то руководству монастыря специальным отношением за №1137.

Впрочем, были у Задонской городской управы и другие заботы, поважней санитарных. И обошлись они городу в 1911 году в

87 тысяч 742 рубля. Содержание собственно городского самоуправления стоило 7 954 рубля. Более всего потрачено было денег на нужды народного образования – 37 274 рубля. Полиция и пожарные обошлись городской казне в тот год, соответственно, в 4 900 и 3 700 рублей. На поддержание казенных зданий в должном порядке потрачено было 4 000. А 1 820 рублей израсходовано было на освещение городских улиц, производилось которое с помощью керосиновых фонарей. Этих осветительных приборов в Задонске насчитывалось более 100.

Летом 1912 года исполнилось 100 лет с начала Отечественной войны 1812 года.

По такому случаю Задонская городская управа решила совершить соответствующее торжественное богослужение. Выписаны были за счет управы юбилейные брошюры для раздачи на память ученикам приходских училищ (нынешние 1-4 классы). На приобретение брошюр, после долгих дискуссий, выделили «потребную сумму», но не более 15 рублей, соблюдая интересы городской казны. А тут еще предстояли расходы на иллюминацию здания городской управы и прочее украшение. Да еще 100 рублей было выделено на устройство праздника в низших школах.

И вот настал день 25 августа.

Ознаменовался он заупокойной литургией по павшим на полях сражений Отечественной войны 1812 года, состоявшейся при большом стечении жителей Задонска всех чинов и достоинств. После же богослужения, по инициативе местного священника отца Николая Кузьмина, была совершена торжественная панихида на могиле участника Отечественной войны Н. Н. Муравьева-Карского. Отцом Николаем «была сказана приличная случаю речь».

А затем последовало народное гулянье в городском саду с музыкой и песнями. «Звездами» культурной программы праздника были участники народного хора из села Черниговка, выступившие в великолепных национальных русских костюмах.

Но наибольшим размахом отличалось празднование 300-летия дома Романовых – трехвековой юбилей восшествия на российский престол первого царя из романовской династии – Михаила Федоровича.

Еще в 1910 году Задонское земское собрание ассигновало 100 рублей на строительство юбилейного храма в Санкт-Петербурге. Уже на исходе 1910 года, когда встал вопрос о «добровольном» финансировании сооружения еще одной юбилейной постройки – памятника в Костроме, пришлось собирать чрезвычайную сессию. Она приняла решение выделить на памятник 200 рублей.

И, наконец, сессия 1912 года озадачилась празднованием собственнo в Задонске. Для чего и отпустила еще 200 рублей. Потратить их должно было на собственнo праздничные мероприятия, а также на приобретение брошюр «Бояре Романовы и воцарение Михаила Федоровича» и «История России под скипетром Романовых». Юбилейные издания предназначались для учеников, оканчивавших в юбилейном 1913 году земские школы.

Не отстала от земства и городская Дума. На заседании 13 декабря 1912 года гласные Задонской городской Думы, посчитав и обдумав, приняли решение из семи пунктов. В частности, решено было обратиться ко всем жителям Задонска с просьбой украсить в день юбилея свои дома флагами и, по возможности, иллюминировать их.

Непосредственнo же устройством праздника занималось уездное земство и комитет попечительства о народной трезвости. Видимо, в целях обеспечения этой самой народной трезвости, в зал земства, где и происходили юбилейные торжества, пускали только «избранную публику», хотя вход был бесплатным. А в зале, помимо накрытых столов, избранную публику ждал непременно, судя по всему, атрибут подобных задонских праздников – хор села Черниговка. Кроме того, «читаны были стихи»...

Под звуки автомобильного клаксона

В последние годы дореволюционной истории Задонска к традиционнoму его звукам, самыми громкими из которых были колокольные звоны, прибавилось наконец и довольно неблагозвучное чихание бензинового автомотора.

Николай Задонский с улыбкой вспоминал в середине 1960-х, «как полвека назад на улицах нашего города появился первый автомобиль. Он принадлежал предводителю дворянства А. А. Савельеву. Открытый, на высоких колесах, какой-то старомодной заграничной конструкции, экипаж этот, прозванный кем-то драндулетом, производил неизгладимое впечатление на ребячью команду, да, кажется и на взрослых. Когда начинали заводить драндулет, перед домом предводителя дворянства собиралась толпа. Завод продолжался чуть ли не полчаса. Мотор кричал, тархтел, рычал, сотрясая машину и окутывая ее густыми клубами отработанного газа. Наконец тархтенье несколько затихало, господа садились в машину — предводитель с женой и две девочки с гувернанткой. Потом автомобиль выкатывался на дорогу, а мы, ребята, сломя голову бежали вниз, под гору (там дорога проходила через пески), где нас ожидало еще более любопытное зрелище. Драндулет имел обыкновение застревать в песках. Если даже ему удавалось иногда при спуске с горы взять препятствие, то все равно беда приключалась на обратном пути. Машина отчаянно буксовала, мотор ревел, усилия шофера оставались тщетными. Тогда приглашали на помощь парикмахера Николая Михайловича, бывшего одновременно механиком-любителем — единственным в городе человеком, разбиравшимся кое-как в автомашинах».

Так оно бывало или нет, нам теперь не узнать. Других свидетельств о том, с чего начиналось частное автомобилевладение в Задонске, не имеется. Да и ладно. Пусть и плоховат был первый автомобиль, зато его владелец был хоть куда — самый видный барин округи. Короче, нынешним задонским автолюбителям есть чем гордиться, оглядываясь в прошлое.

В те же годы делались попытки ввести и общественный автотранспорт. В июле 1908 года газета «Русское слово» сообщала своим читателям: «Техником Яценко получено разрешение на открытие правильного автомобильно-омнибусного сообщения между Задонском и Ельцом на расстоянии 40 верст. Открытие правильного и скорого сообщения представляет громадную важность для Задонска, посещаемого, особенно летом, тысячами богомольцев, но

удаленного на несколько десятков верст от ближайшего железнодорожного пункта». С тех пор автотранспортную компанию Яценко слышно не было...

Возможно, по тем же причинам, по каким сорвалась другая аналогичная попытка пятью годами ранее. В 1903 году уездное земство поддержало предложение обосновавшегося в Москве брата владельца местной типографии Киселева наладить автомобильное сообщение между Задонском и Воронежем. В 1901 году А. З. Киселев содержал в Москве художественную столярно-киотную и футлярную мастерскую. Но вот решил заняться пассажирскими автоперевозками.

Увы, несмотря на поддержку земства, Управление почт и телеграфов напомнило ходатаям, что *«признавая в принципе желательным и полезным устройство автомобильная сообщения, оно не может, однако, не принять во внимание того, что тракт Воронеж—Задонск содержится по системе вольных почт, содержанием коих закон ограждает от соперничества частных предпринимателей. А так как автомобильное сообщение, являясь правильно организованным предприятием и представляя несомненные удобства для пассажиров, неизбежно подорвет в значительной степени доход почтосодержателя, то при таком положении признано возможным разрешить Киселеву лишь производить опыты с автомобилями по упомянутому тракту, без предоставления ему права перевозить пассажиров»* или же договориться с В. Г. Копенкиным, державшим и транспортировку почтовых грузов, и «контору дилижансов». А. З. Киселева это не устроило, и более он к задонским земцам не обращался.

Прочие же отрасли и стороны малосклонного к переменам провинциального задонского быта внедрения принципиальных новшеств, принесенных веком двадцатым, так и не успели толком испытать. Хотя и особого неблагополучия не испытывали. Напротив. К 1914 году в Задонске работало уже 15 промышленных предприятий.

В их числе были две мельницы – паровая и ветро-водяная, 4 кирпичных заводика, 3 черепичных, 2 кафельных, 1 известковый, 1 салотопенный, 1 мыловаренный и 1 воскобойный. Пос-

ледный, судя по некоторым данным, принадлежал Богородицкому монастырю*.

Численность наемных рабочих достигла 66 человек.

Общее же население уездного центра, по данным 1914 года, составляло 8788 человек. Подавляющее большинство (4090 мужчин и 4654 женщины) в вероисповедании придерживалось традиционного для данной местности православия. Лишь 39 евреев (17 мужчин и 22 женщины) блюли «завет Моисея», оставаясь иудеями. Кроме того, числилось в Задонске пятеро католиков, из числа так и не ассимилированных польских ссыльных.

За год сыграли 19 свадеб. В новых и старых семьях родилось 235 младенцев обоего пола. Вполне понятно, перспективы у них были весьма неравные. Особенно у отдельных. Ведь 9 детей были незаконнорожденными, то есть рожденными вне брака, а троих и вообще неизвестные родители подкинули на милость добрых людей. Впрочем, статистика не интересуется отдельными судьбами. А в общую судьбу своего родного города все они – и законно, и незаконнорожденные – внесли свой положительный вклад, увеличив население на 69 учетных единиц. Особенно приятно этот прирост выглядит на фоне предыдущего, 1913 года, когда в демографической ситуации было наметилась неблагоприятная тенденция – была зарегистрирована убыль в 1 (!) человека.

В четырнадцатом же году умерло 166 человек. Причем, мужчин смерть забирала охотнее, чем женщин. Счет, соответственно, составил 88 против 78. Большинство окончили свои дни тихо. Лишь четверо представителей сильного пола стали жертвами обстоятельств: один замерз, один перепил и двое утонули.

Особых неприятностей со стороны стихий в 1914 году Задонску также испытать не довелось. И пожары не сильно досаждали. В течение года горело в Задонске четырежды. И имущества огнем повреждено было на сумму 1950 рублей.

* Из «Описания...» о. Геронтия известно, что уже в 1863 году, после переезда в новое здание Задонского духовного училища, занимавшего симметричное церкви Вознесения правое крыло трапезного корпуса, в нижнем из 3-х освободившихся этажей разместили «свечное заведение». По отчетам 1886 года монастырский свечной завод перерабатывал до 100 пудов воска.

Год как год. Если не считать того, что осень 1914-го была уже для всех россиян осенью военной. Таковой стала она и для и жителей глубоко тылового Задонска.

Хотя тогда они этого и не понимали.

Ведь в первые месяцы в стране царило шапкозакидательское настроение. И лишь когда все более частыми и привычными стали мобилизационные повестки и похоронки с фронта, россияне поняли, что эта война будет куда хуже прежних.

Повседневная жизнь даже тылового Задонска наполнилась приметам военного времени. Как уже говорилось выше, женская гимназия вынуждена была уступить свое здание под лазарет для раненных. Думается, Задонск – город зеленый, тихий и богомольный – для размещения столь крупного госпиталя избрали не случайно. Природные условия округа давали великолепные возможности для реабилитации пострадавших на фронте за веру, царя и Отечество. Вот только местная земская больница тогда насчитывала всего 36 коек, а потому на ее базе создание госпиталя возможным не представлялось.

Кроме того в городе действовали специальные учреждения, созданные по случаю войны и призванные позаботиться о семьях солдат. Это были Уездное попечительство по призрению семейств, призванных по мобилизации, а также созданная при городской управе Задонская исполнительная комиссия по обследованию семейного и материального положения мобилизованных.

А в 1916 году на территорию Задонска вступили вражеские войска. Правда, плененные и разоруженные. Здесь был организован весьма, впрочем, гуманный по режиму лагерь военнопленных. По воспоминаниям краеведа С. Г. Заворыкина, для этих целей у Тюнинского монастыря государством была позаимствована гостиница, состоявшая из трех двухэтажных домов.

Частное послание сохранило свидетельство о численности военнопленных в Задонском лагере. *«В настоящее время в Задонске 140 человек пленных австрияков»*, – сообщает старинная открытка. Местным помещикам было разрешено использовать пленных на сельхозработах, чтобы даром хлеб не ели. Правда, по желанию самих плененных солдат противника...

В остальном война и связанное с ней общее ухудшение экономической ситуации в стране не слишком явно сказались на жизни Задонска.

К 1915 году число зарегистрированных в Задонске промышленных заведений сократилось с 15 до 14 — за счет закрытия водяной мельницы. Соответственно, и пролетариата стало меньше — возможная опора грядущей революции насчитывала в 1915 году 46 человек. А вот благоприятные тенденции в развитии местной ярмарочной торговли сохранялись и привели к тому, что в 1916 году ярмарок насчитывалось уже 5. Привоз составил 233 300, а продажа — 146 300 рублей. Конечно, надо учитывать и обострение инфляционных процессов в воюющей стране. Но, как говорится, тем не менее...

При этом обозначилась перспектива появления за прилавками магазинов и лавок Задонска продавцов (приказчиков — по старому) с профессиональным образованием. К 1917 в центре уезда открывается Задонская городская торговая школа.

Подобные учебные заведения, организовывавшиеся согласно Положению от 1896 г. ставили своей *«задачей сообщать лицам всех возрастов, не моложе однако 12 лет, преимущественно из состоящих на службе в торгово-промышленных учреждениях, познания по различным предметам коммерческой специальности, необходимые в торговом деле»*. До конца первой половины первого десятилетия XX века предусмотренные Положением коммерческие училища, торговые школы, торговые классы и курсы коммерческих знаний создавались преимущественно в губернских городах и крупных торговых центрах. Ближе к революции дошло дело и до Задонского уезда.

Торговые школы, одноклассные с годичным курсом и трехклассные с трехлетним курсом, подготовляли низших служащих для торгово-промышленных учреждений.

Точно не известно, какую школу открыли в Задонске, но науки там преподавали практически те же, что и в любой общеобразовательной школе того времени: арифметику, Закон Божий, природоведение, естествоведение, географию, русский язык, историю, немецкий язык, графические искусства.

Что же касается исторически главного градообразующего объекта – Задонского Богородицкого монастыря – то к моменту революционного переворота 1917 года в обители был зарегистрирован 131 человек, включая 81 монашествующего и 50 послушников.

Сумма остаточных капиталов в банковских билетах и текущей наличности достигала 160-170 тыс. руб. Общая оценочная стоимость монастырских построек и движимого инвентаря составляла 1 134 869 руб. Земельная собственность достигала 683 десятин (около 750 гектаров). В ее состав входили поля и леса Крыловского и Помазовского хуторов, Семеновской дачи, мельницы у села Патриаршее и в деревне Донская Нечаевка.

В монастырских житницах на 1917 год хранилось 7700 пудов ржи, 6400 пудов овса, 6500 пудов свеклы, 2050 пудов картофеля и 500 пудов проса. На скотном дворе содержались 52 лошади рабочих, 18 лошадей от 2-х лет до рабочего возраста, 40 коров, 163 овцы, 2 быка, 43 свиньи.

В обители была создана вполне современная на тот момент водопроводная сеть, функционирование которой обеспечивалось специально устроенной водонапорной башней с «нефтяным насосом». Здание башни сохранилось донныне.

Так что, в целом, не столь плохо жил Задонск, чтобы обрадоваться социальному перевороту 1917 года. Но принимать его, вместе с последствиями, пришлось и задонцам.

ПОД ВЛАСТЬ СОВЕТОВ

После февраля 1917-го

Для Задонска, как, впрочем, и для большей части России, год 1917-й лишь формально-исторически оказался последним годом дореволюционной, «старорежимной» жизни. Хотя, конечно, внешние признаки перемен обозначились сразу после Февральской революции, поставившей точку в истории Российской Империи.

5 марта первый глава Временного правительства князь Г. Е. Львов отправил циркуляр на имя губернаторов: *“Временное правительство признало необходимым временно устранить губернатора и вице-губернатора от исполнения обязанностей по этим должностям. Управление губерний возлагается на председателей земских управ в качестве губернских комиссаров Временного правительства... На председателей уездных земских управ возлагаются обязанности уездных комиссаров. Полиция подлежит реформированию в милицию”*.

6 марта 1917 года председатель Воронежской губернской земской управы В. Н. Томановский (кстати, крупный задонский помещик и в начале 1900-х председатель уездной земской управы) принял дела от губернатора М. Д. Ершова. Соответственно, в Задонске комиссаром Временного правительства должен был стать председатель уездной земской управы титулярный советник Б. В. Савельев. Но, как сообщают краеведческие записки В. Г. Абанина и С. Г. Заворыкина, приуроченные к 50-летию Советской власти: *«уездным комиссаром Временного правительства*

стал эсер Данков». Был сформирован уездный исполнительный комитет. Была разоружена и расформирована полиция, место которой заняла милиция.

Новые властные структуры просуществовали в Задонске до конца января 1918 года. А так как представляли они интересы прежде всего буржуазии и среднего класса, то и особых перемен, кроме смены вывесок, не произошло.

Разве что молодежь почувствовала себя вольнее. До такой степени, что затеяла издание собственной аполитичной и слегка хулиганистой газетенки «Вечер».

Официально «Вечер» позиционировал себя так: *«свободная литературно-прогрессивно-беспартийно-общественно-танцевальная газета»*, издававшаяся местной «золотой» молодежью на базе минитипографии школы ремесленных учеников. Точно увидели свет два выпуска этой шутливой пародии на «взрослую» печать. Причем, в виде фотокопий частично сохранился второй номер. Благодарить за это следует «группу товарищей», собиравших в свое время компромат на знаменитого земляка — писателя Николая Задонского, дабы разоблачить его мелкобуржуазную сущность. Их усилиями и дожили до потомков фрагменты истертых листков, к созданию которых приложил руку и заводида компании «Вечера» — юный Коля Коптев — сын видного задонского купца и городского головы в 1907-1910 гг. Алексея Николаевича Коптева.

На страницах этого беззаботного издания, помимо разных приколов, призванных шокировать добропорядочных задонцев, а также литературных упражнений «журналистов», публиковались и подборки пародийных «телеграмм» собственного сочинения типа: *«МОСКВА. Москва звонит в колокола. Самый большой колокол — Царь-колокол, что всем известно. ГЕРМАНИЯ. А вот здесь самый большой подлец Ленин — тоже всем известно»*. Эти телеграммки и пытались «подшить к делу» ветераны-большевики.

Впрочем, тем кто постарше уже тогда было ясно, что это веселое безвременье надолго не затянется. Чуть ли не через день до горожан доходили слухи о беспорядках в селах уезда.

* Впоследствии ставший бойким комсомольцем и писателем с псевдонимом «Задонский».

Немало пересудов вызвал и приезд в Задонск видного большевика ленинского толка Т. И. Попова. В июле 1917 умер отец Тихона Ивановича, бывший настоятель городского Успенского собора, которого сын-коммунист горячо любил, несмотря на разницу во взглядах на решение проблем мирских. И приехал отдать дань памяти усопшему родителю. Встречаясь и беседуя с земляками, Тихон Иванович вполне понятно, давал оценку событиям с партийной точки зрения. Впрочем, специальной политической подоплеки этот визит не носил, а потому все и ограничилось частными разговорами. *«Похоронив отца, Попов уехал из Задонска»*, — так мирно заканчивается рассказ об этом эпизоде у Николая Задонского.

А вот как про то же самое повествуют в своих краеведческих заметках В. Г. Абанин и С. Г. Заворыкин: *«Важным событием в жизни уезда в это время был приезд представителя ЦК РСДРП(б) тов. Попова Т. И., который выступил на многолюдном собрании в г. Задонске и разъяснил Апрельские тезисы В. И. Ленина и решения VII Всероссийской (Апрельской) конференции РСДРП(б). Местная буржуазия пыталась схватить Т. И. Попова, но бедняки не дали и помогли ему благополучно выехать из Задонска»*.

Наглядный пример того, как видели события прошлого те, кто взирал на них с позиций марксистско-ленинской методологии сталинской выплавки.

А ведь заметки Заворыкина, бывшего свидетелем и участником многого из того, что происходило в годы социального переворота, и его помощника — историка Абанина, опубликованные в «Донской правде» за 1967 год, до недавнего времени были единственным подробным, а главное — доступным источником по истории тех «смутных» революционных лет. И именно отсюда до сих пор приходится черпать сведения, стараясь отцедить чистую воду реальных событий от мути оценок и политического приукрашивания.

На фоне учащающихся выступлений в селах, 16 июня 1917 года в Задонске состоялся уездный крестьянский съезд. В составе его делегатов была далеко не деревенская голытьба. А потому решение приняли осторожное — землю если и отдавать, то толь-

ко за справедливый выкуп, а, вообще, лучше подождать по этому поводу решения Учредительного собрания. Но окрестная беднота ждать не хотела.

К ноябрю 1917 года в Задонском уезде было зарегистрировано 71 крестьянское выступление. Не в силах справиться с волнениями в уезде, Задонский комиссар Временного правительства обратился к губернскому руководству с просьбой прислать к 28 октября грузовой автомобиль и человек 20 солдат, вооруженных пулеметами. Доехали солдаты до Задонска или нет, точно не известно, но к назначенной дате Данкову и его окружению было явно не до них.

26 октября 1917 года телеграф оповестил задонцев о том, что *«государственная власть перешла в руки... Военно—Революционного комитета»*. А спустя всего пару дней, 28 числа, новая депеша проинформировала о том, что в Петрограде состоялся второй всероссийский съезд Советов, сформировавший Совет Народных Комиссаров во главе с тем самым Лениным, который еще вчера был объектом мешанского зубоскальства.

Шапок по такому случаю в Задонске вверх не кидали и «ура» не кричали. Не тот был город. Новая власть, сразу обозначившая себя как «рабоче-крестьянская», в таком прямолинейно-классовом раскладе не отвечала интересам большинства жителей «Русского Иерусалима». Но и особого неприятия не вызывала. Разве что еще действовавшие в Задонске органы Временного правительства оказались не рады произошедшей перемене.

Как сообщают в своих заметках краеведы С. Г. Заворыкин и В. Г. Абанин: *«Уездный комиссар Данков и чиновники продовольственной управы открыто саботировали указания Воронежского губернского исполнительного комитета Совета об отправке хлеба в Москву и Петроград. Они сконцентрировали хлеб у купцов города Задонска, потворствовали спекуляции хлебом. Уездный земельный комитет во главе с правым эсером И. А. Ворониным отказывался проводить в жизнь ленинский декрет о земле»*.

И далее складывается весьма пикантная политическая ситуация, наглядно иллюстрирующая тезис о том, что в дни революции власть часто просто валялась на улице и оставалось

лишь подобрать ее. Задонск в течение нескольких месяцев оказывается островком, сохраняющим режим Временного правительства в окружении все множущихся Советов. И с таким положением, хоть и вызывавшим неудовольствие уже большевистских губернских властей, в явной форме никто не пытался бороться. То ли побаивались активного сопротивления сосредоточенных в Задонске воинских частей, то ли, и это скорее, непромышленный примонастырский городок оказался не очень-то и нужен новой власти.

Тем временем в окрестные села, и без того беспокойные, возвращались обольшевиченные солдатики с фронтов первой мировой. Они и стали той движущей силой, которая, будучи направляема из Воронежского губернского комитета РСДРП(б), повела за собой беднейшее крестьянство на установление Советской власти в уездном центре.

Движение началось из Хлевно. 2 декабря 1917 года здесь прошло уездное совещание большевиков и сочувствующих, собравшее около 200 человек, и принявшее недвусмысленную резолюцию, в которой первым стоял такой пункт: *«Предложить городским учреждениям города Задонска созвать крестьянский съезд и организовать Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».*

Задонск предложение большевиков и сочувствующих проигнорировал. А они тем временем распространяли свое влияние на селе — беря власть волость за волостью.

За Архангельскими Борками и Черниговкой, в январе 1918 года советскими стали Александровская, Тешевская и Ксизовская волости. Но задонские власти, в распоряжении которых находилась милиция, 10 писарей из воинского присутствия во главе с полковником В. В. Каплинским и запасной кавалерийский эскадрон, были уверены в своих силах. Как оказалось, зря.

В самом Задонске, действительно, сочувствующих новой власти можно было пересчитать по пальцам, а все деревенские комитеты и ячейки, пугавшие уездную власть разного рода заявлениями, дальше собственной околицы не высывались. Пока не получили неожиданную поддержку из соседнего Ельца.

При поддержке товарища Клявина

Ход событий, связанных с непосредственным установлением Советской власти в Задонске, не вполне ясен, так как остаются неизвестными документальные подтверждения произошедшего, а потому – слово В. Г. Абанину и С. Г. Заворыкину: *«В Задонский уезд из Ельца прибыл красногвардейский отряд под командой тов. Клявина. Отряд был послан, чтобы отобрать скот, угнанный задонскими шибаями из Елецкого уезда. Шибай оказали сопротивление и ранили командира тов. Клявина. Отряд разгромил группу задонских шибаяев, отобрал у них большое стадо скота и передал его рабочим Ельца. Представители Александровского и Хлевенского волостных Советов связались с товарищем Клявиным и с помощью его отряда, при участии революционно настроенных солдат конвойной части города Задонска, 24 января 1918 года образовали временный исполнительный комитет Задонского уездного Совета по созыву съезда представителей от волостей».*

Съезд начался 3 (16 – по новому стилю) февраля и был довольно бурным. Но в итоге победу на съезде одержали большевики из числа которых, в основном, и были сформированы органы власти в лице Президиума уездного Совета и Исполнительного Комитета.

Новая власть создала красногвардейский отряд, разоружила кавалерийский эскадрон и милицию, арестовала уездного комиссара Данкова и начальника милиции Поташева. А заодно национализировала «монастырскую гостиницу», которая была передана местному отделению «Союза увечных воинов».

Вот что вспоминал об этих событиях активный их участник Ф. Ф. Пичугин: *«Мне приходилось проводить работу среди солдат запасного кавэскадрона, который был расквартирован в помещениях монастыря. Среди кавалеристов появились демобилизационные настроения, благодаря чему мне довольно легко удалось создать среди них инициативную группу, проводившую работу среди товарищей. В дальнейшем, воспользовавшись отлучкой командо-*

вания эскадрона, было проведено общее собрание кавалеристов, на котором мною был сделан доклад о земле и мире. Здесь же мне была оказана помощь в приобретении десяти винтовок с патронами для создания отряда из числа рабочих и военнопленных».

Упоминание военнопленных не случайно. Как уже говорилось, в городе, среди почти девяти тысяч жителей, сочувствовавшие большевикам были на перечет. Большинство среди тех, кто с радостью встретил и Октябрьскую революцию, и новую власть, ее олицетворяющую, — 15 человек — были военнопленными из лагеря, что размещался в гостинице Тюнинского женского монастыря. Чехи и австрийцы по национальности, после объявления декрета о мире, они не без основания рассчитывали на возвращение домой из нетяжкого, но все же плена...

Таким образом, даже из насквозь прокоммунистических краеведческих заметок, подготовленных к полувековому юбилею Великого Октября, становится ясно — Задонск и его жители не принимали Советскую власть. Она пришла сама, а вернее ее принес из Ельца на штыках отряд «товарища Клявина», случайно забредший в наши края, гоняясь за бандитами-скотокрадами. И лицо у этой новой власти было не задонское — ее олицетворением стала окрестная деревенская голытьба в компании с занесенными ветром войны «австрияками», как называли, не разбирая национальной принадлежности, всех пленных в народе.

Не случайно, несколько месяцев спустя, председатель Воронежского губернского комитета РКП(б) Н. И. Кардашев в отчете о проведенной ревизии Задонской организации РКП(б) вынужден был отметить, что: *«почти все члены организации приезжие из волостей и других городов; организация не пустила корней в среду городского населения»*. А потому формальное установление Советской власти в Задонске не стало финалом его дореволюционной истории и сложившего жизненного уклада.

События, в результате которых власть в уездном центре оказалась в руках группы революционно настроенных чужаков из окрестных деревень и сел, не вызвали перелома в сознании торгово-ремесленных обывателей, собственно и населявших За-

донск, так как прошли довольно мирно, а потому малозаметно для большинства.

Ведь социальные группы, которыми были представлены задонцы, здесь, как и по всей России, сторонились активного участия в затеянном переделе власти. Не относясь ни к правящим, ни к угнетенным, они, в принципе, не были заинтересованы в каких-либо серьезных социальных подвижках, привыкнув быть лояльными к власти предрержащим и не особо вдаваясь в подробности происхождения, а тем более классовой сущности этой самой власти. Потребовался ряд кровавых и богохульных событий, для того, чтобы и в Задонске горожане осознали наконец, что для них началась совсем иная история. История города без монастыря его породившего и без того жизненного уклада, который этим обстоятельством был сформирован.

Уже в течение первых месяцев своего существования Советская власть в Задонске приняла ряд мер, призванных проиллюстрировать народу установление нового порядка.

31 марта в Задонске создан был Совет народных комиссаров, «объявивший себя высшей властью в уезде». 7 апреля 1918 года увидела свет «Пахарь, газета города и деревни», с 6 номера ставшая «Советской газетой» — печатным органом Задонского Совета рабочих и крестьянских депутатов. Первоначальный рупор пробольшевистского Совета вскоре стал подголоском местной большевистской организации, сформированной в ячейку 12 июля 1918 года. И уже на следующий день — 13 июля 1918 года, фракция большевиков в Совете ультимативно предложила своим недавним союзникам — левым эсерам — «добровольно» сдать дела и оружие. Эсеры оказались не настолько сильны, чтобы отказаться от этого настойчивого предложения.

28 июля «Советская газета» опубликовала постановление об отстранении от должностей военных комиссаров Золотарева «большевика» и Пикалова «левого эсера». Обвинялись они не больше не меньше, как в попытке установить военную диктатуру. А выразилось это в том, что обвиненный в пособничестве левым эсерам (в лице напарника Пикалова) Золотарев «навел пулемет на пленарное заседание». Когда же обоих военкомов все-

таки решили отстранить от должности, вместе с Пикаловым Золотарев попытался поднять гарнизон, приказав солдатам окружить здание уездного исполкома. Солдаты отказались выполнить приказ и «путчисты» бежали. Правда, в тот же день были пойманы и препровождены в Задонскую тюрьму. Дело их рассматривал уполномоченный Воронежской ЧК Д. Белорусец и признал действия военкомов контрреволюционными*.

10 августа 1918 городские и сельские большевики уезда создали Задонскую организацию РКП(б), которая несколько позже была официально утверждена Воронежским губернским комитетом партии по результатам ревизии, проведенной лично председателем губкома Н. И. Кардашевым. В списках числились 43 коммуниста из числа россиян и 36 – из военнопленных.

Одним из первых деяний обновленной, теперь уже однопартийной местной власти стала национализация всех домов в Задонске. Дома поплоче, с доходностью до 100 рублей, были оставлены в распоряжении владельцев при условии обязательного их ремонта за свой счет. Дома с более высокой доходностью поступали в полное распоряжение Совета, результатом чего стало обычное для того времени превращение благоустроенных особняков в многоквартирные трущобы из-за недостатка средств на действительную их реконструкцию. В числе прочих национализированы были уже все здания Задонского Богородицкого перwokлассного мужского монастыря.

Монахов еще не выгоняли из келий, но уже изрядно потеснили. Некоторые здания были изъяты для нужд города.

В частности, из предвыборной листовки, выпущенной в связи с выборами депутатов горсовета Задонска и извещающей о расположении избирательных участков, явствует, что бывшая монастырская трапезная превращена новой властью в общегородскую столовую.

Национализация домов, а также некоторые другие конфискационно-разверсточные шаги Советов привели к тому, что

* Дальнейшая судьба Пикалова неизвестна, а вот И. И. Золотарев отправился смывать вину кровью в рядах Красной Армии. И ему это удалось. В 1954 Иосиф Исидорович вполне благополучно завершил свою трудовую биографию, получив персональную пенсию.

прежде спокойные задонцы заволновались. Подогрел недовольство и начавшийся призыв в Красную Армию бывших унтер-офицеров. Тогдашнему военкому Ф. Ф. Пичугину пришлось с бутылочной гранатой в качестве аргумента убеждать «призывников» не уклоняться от возможности погибнуть, защищая власть Советов на фронтах разгоравшейся гражданской.

«Задонск. Исполком. Болдыреву.»

В такой обстановке 16 августа открылся V уездный съезд Советов. Именно на нем эсеры наивно решили дать словесный «бой» своим бывшим товарищам по революции. Вот только «товарищи» на дискуссии были не настроены.

Бурные дебаты, в ходе которых эсеровские ораторы не без успеха пытались склонить на свою сторону часть участников съезда, окончились по-большевистски просто – арестом особо говорливых оппонентов РКП(б). На следующий день, обсуждая итоги первого дня работы «демократического» собрания, каким, по сути, должен был являться съезд, коммунисты за всех его участников решили: *«Разъяснить фракции левых эсеров о постановлении, что Хорпяков, Теняев, Помошенко и Попов арестованы и предъявить фракции левых эсеров, если они разделяют взгляды ЦК, то подлежат исключению из состава съезда, оставив правомочной фракцию коммунистов».*

Эта косноязычная резолюция ясно давала понять, кто отныне в городе и уезде хозяин. Еще в младенчестве власть Советов превращена была в крышу для реального партийного руководства со стороны коммунистов.

То, что случилось в Задонске далее, ранее известно было лишь из краеведческих записок В. Г. Абанина и С. Г. Заворыкина, где излагалась версия событий, исходившая от их более чем заинтересованных свидетелей – известного установителя Советской власти в Задонске и уезде – П. И. Воротникова, в 1918 году возглавлявшего уездный комитет РКП(б), и его верной помощницы – секретаря того же комитета А. С. Тенихиной. Источником послужил сборник статей и воспоминаний о революционных со-

бытиях на территории Липецкой области 1967 года издания. Индивидуальные мемуарные заметки Тенихиной были опубликованы и в 1981 г. в сборнике «Первая борозда».

Нарисованная в этих «свидетельствах» картина идеально соответствовала сверхзадаче, определившей необходимость явить ее взору зрителей — надо было показать новым поколениям, как в нелегкой борьбе с контрреволюцией становилась на ноги юная Советская власть в Задонске.

«Кулацкие элементы все более ожесточались. Они спровоцировали одну за другой стычки в Докторовской, Ивановской и других волостях. В самом Задонске ими под руководством эсеров было поднято восстание, приуроченное к 5-му уездному съезду Советов. Кулаки из Тюнино и других окружающих сел, вооруженные дубинами, топорами, обрезами, двинулись к зданию, где заседал съезд, намереваясь расправиться с большевиками», — вспоминала годы боевой юности Тенихина.

Более подробная «воротниковская» версия событий показывает, что перепалка на съезде Советов была лишь составляющей более масштабного заговора. Кулаки и эсеры якобы загодя готовили большое восстание в Задонске, приурочивая его к открытию V уездного съезда Советов. И арест своих товарищей заговорщики восприняли как сигнал к началу восстания. Собрав по окрестным волостям недовольных, эсеры, возглавляемые представителем ЦК партии левых эсеров Александровым и председателем Тешевского волысполкома левым эсером Николаем Рублевым, привели их в Задонск. Уездная власть в ответ поставила на ноги все имевшиеся в ее распоряжении воинские подразделения.

«О мятеже было экстренно по телеграфу сообщено в Москву Совету Народных Комиссаров». Текст этой депеши неизвестен. Зато отлично известен ответ на нее, данный лично В. И. Лениным: «17 августа 1918 года. Задонск. Исполком. Болдыреву. Действуйте самым решительным образом против кулаков и снюхавшейся с ними левоэсеровской сволочи. Обратитесь с воззванием к бедноте. Организуйте ее. Запросите помощи у Ельца. Необходимо беспощадное подавление кулаков-кровопийцев. Телеграфируйте. Предсовнаркома Ленин».

Принял, кстати, эту знаменитую телеграмму один из авторов краеведческих заметок – С. Г. Заворыкин, служивший телеграфистом. Но, будучи прямым очевидцем произошедшего, предпочел спустя столетия, при подготовке упомянутых краеведческих заметок, руководствоваться не личными впечатлениями, а той версией, что освятил своим авторитетом П. И. Воротников, сделавший успешную карьеру в стране Советов и потому, видимо, ставший в вопросах становления Советской власти в Задонске непререкаемым авторитетом.

Как следует из рассказа Воротникова, восставших было около пяти тысяч. К моменту получения ответа от Ленина, главная колонна повстанцев во главе с Николаем Рублевым подошла к тюрьме. Зачем... не сообщается. Съезд там не заседал, а по мнению мемуаристов именно разгон съезда и истребление его участников было целью «мятежников».

Более мелкие группы протестующих собрались у здания уисполкома [бывший Дом земства?] на Монастырской площади.

Против собравшихся у тюрьмы был направлен продотряд, подкрепленный вооруженными большевиками-делегатами съезда Советов, а у здания уисполкома занял оборону охранный батальон. Первыми огонь открыли повстанцы.

На требование парламентариев сложить оружие и разойтись они ответили стрельбой, в результате которой был убит один красноармеец и еще трое ранены. После выстрелов толпа попыталась смять охрану тюрьмы и продотрядовское заграждение.

В ответ *«продотряд с делегатами съезда, находившийся в засаде за монастырской оградой»* открыл ружейный и пулеметный огонь, сначала ведшийся поверх голов. Это напугало находившихся в задних рядах разбушевавшейся толпы и они стали разбегаться. Передние же продолжали теснить охрану тюрьмы.

Продотрядовцы открыли огонь на поражение. Оставляя убитых и раненных, *«повстанцы с боем начали отходить через городской сад к реке Дон»*.

И тогда посланная вдогонку конная группа продотряда из шести десятков кавалеристов окончательно рассеяла «восставших». Тем временем бойцы охранного батальона, услышав стрельбу у

тюрьмы, дали залп по собравшимся у здания уисполкома, также обратив их в бегство.

У Тенихиной в 1981 г. наблюдается некоторое отступление от версии старшего товарища по партии, видимо, с учетом рекомендаций Ленина насчет помощи из Ельца: *«Для отпора и восстановления порядка в ход был пущен имевшийся в распоряжении уездного Совета пулемет и чудом уцелевшие винтовки... Подоспела и подмога из Ельца. Восстание было подавлено».*

Вышеизложенное описание «задонского бунта» было использовано при подготовке первого издания книги «Под перезвон колокольный». Тогда же были высказаны и сомнения в его правдивости. Первое, что вызывало недоверие: численность «бунтовщиков». 5000 на улицах Задонска — это слишком. Подходы к тюрьме, располагавшейся в юго-западном углу квартала, занятого Задонским Богородицким монастырем (на бугре над «Мойкой») были бы просто запружены народом. Во-вторых, из тех же краеведческих записок известно было содержание ответной телеграммы, направленной В. И. Ленину из Задонска вечером 17 августа. Так вот в ее тексте, довольно подробно излагающем перипетии межфракционной словесной борьбы на съезде Советов, ничего, ни слова, не сказано о столь успешном подавлении вооруженного мятежа с пятью тысячами участников. Лишь в самом конце находим такие строки: *«В городе и уезде спокойно, съезд приступил к своим работам. Вся власть в руках коммунистов, затеянная авантюра левозэсерами подходит к концу ликвидации».*

То есть, понятно, что какие-то события, напугавшие уком ВКП(б) и уисполком, имели место — ими и была вызвана первая паническая телеграмма в Совнарком. А вот позднее, когда выяснилось, что у страха глаза велики, в повторной телеграмме пришлось затушевывать надиктованное в испуге.

Прояснилась ситуация в 2000 году, когда в Центре документации новейшей истории Липецкой области (бывшем региональном партархиве), удалось обнаружить любопытнейший документ, озаглавленный «Первые дни Задонской организации ВКП(б)». Эти 2 листа машинописного текста, по структуре бумаги и оттиску явно единовременные соседним документам,

оказались подшитыми в папке с «Отчетами укома РКП(б) и уисполкома за 1921-1922 годы».

Повествование ведется от лица очевидца, причем не лишено литературных дарований и склонности к легкой ехидце. Ни подписи, ни какой-либо пояснительной записки, раскрывающей цель и задачу подготовки данного документа, не имеется. Впрочем, куда важнее главное: то, что он есть и нашелся! Ибо сообщает весьма важные и до того неизвестные подробности, в том числе — и о левоэсеровском «мятеже».

И получается, что было все летом 1918-го далеко не так революционно и масштабно, как помнилось на исходе жизни П. И. Воротникову со товарищи, а более обыденно, грязно и страшно. Оказывается, в числе арестованных на съезде и определенных в Задонскую тюрьму оказался и посочувствовавший эсерам тешевский коммунист Первеев.

И тогда (цитируем): *«товарищи Первеева из Тешевской ячейки собрали в сл. Тешевка сход, призвали население слободы "итти выручать Первеева". В результате тешевцы (среди них были даже женщины с детьми на руках) громадной толпой явились к Задонской тюрьме и для ее охраны пришлось вызвать военную силу. Председатель Задонской ЧК т. Пожидаев пробовал отговорить толпу, но в этот момент в него два раза выстрелил из револьвера бывший член Тешевской ячейки Н. Рублев. Пожидаеву выстрелы вреда не причинили, но были ранены два красногвардейца. Кто-то из толпы скомандовал "Пли!". Красногвардейцы начали беспорядочную стрельбу, в результате которой оказалось 2 крестьянина убито и 2 ранено. Толпа частью разбежалась, частью легла. На другой день весь конфликт был ликвидирован. Задержанные Теняев, Иванников и Первеев были выпущены и до конца октября м-ца Задонская организация работала вполне спокойно».*

Вот так «пятитысячный отряд вооруженных кулаков», собранный со всех окрестных сел и предводительствуемый представителем ЦК партии левых эсеров вдруг обернулся толпой крестьян из пригородной Тешевки, где до революции насчитывалось (всего!) 1100 жителей. «Повстанцы», «отступавшие с боем», оказались мужиками и бабами с детьми на руках, пришедшими «от-

старать» попавшего в тюрьму односельчанина и в испуге попадавшими на землю при первых выстрелах; оплатившими односельчанину свободу ценой своей крови.

Впрочем, до стрельбы, возможно, дело бы не дошло, если бы в качестве «миротворца» не выступал председатель уездной ЧК Е. В. Пожидаев – самодур, да еще и нечистый на руку, как показали дальнейшие события.

Да и до этих событий «спокойствие», упомянутое автором непричесанных воспоминаний, было внешним, а вот внутри властных структур, оказывается, не все ладилось. Об этом свидетельствуют документы уже Воронежского центра документации новейшей истории, использованные А. В. Макушиным в публикации «За ленинской строкой (партийно-государственное руководство Задонского уезда во второй половине 1918 года)».

18 октября состоялось заседание местного укома с участием представителя губкома М. Д. Степанова, который заявил, что *«целью его приезда было установить факты, подтверждающие виновность Болдырева [председатель уисполкома], Гаврилова и Шипулина, обвиняющихся в пьянстве, расхищении спирта»*.

Степанов так сформулировал результаты своей проверки: *«Факт пьянства и неправильное расходование спирта установлено, и мне кажется, что Болдырев, благодаря личному знакомству с аптекарем Зозо, отпускал ему спирта в большем количестве, чем нужно, чтобы иметь возможность брать его и пить»*.

Поэтому Степанов предложил *«исключить Болдырева из состава партийного комитета, и, оставив в исполкоме, при первом удобном случае заменить его другим работником. Гаврилова исключить из состава членов Исполкома – как лицо, не внушающее доверия... Шипулина, которого некем сейчас заменить, тоже оставить до замены более трезвым человеком»*.

Впрочем, Задонский уком своих не сдал. Как заявила А. С. Тенихина: *«Если за рюмку спирта начать предавать суду, то придется арестовать многих активных работников»*.

Но арестовывать пришлось. И уже вскоре. Правда, при других обстоятельствах. В очередной раз нарушил спокойствие чекист Е. В. Пожидаев 28 октября 1918 года.

О его бесчинствах позднее вынуждена была сообщить даже «Задонская советская газета» (от 14 ноября 1918 года) в статье «Долой провокатора из нашей среды». Говорилось об этом и на партийном форуме. Вот цитата из доклада секретаря укома РКП(б) А. С. Тенихиной на I уездной партконференции: *«работа была прервана в связи с неурядицами в комитете, в связи с арестом Воротникова и А. Тенихиной бывшим председателем УЧК Пожидаевым при помощи Елецкого Чрезвычайкома».*

Чтобы узнать подробности, вновь предоставим слово безвестному пока летописцу «первых дней» Задонской организации ВКП(б). *«Создался новый конфликт. На этот раз его главным "героем" явился Председатель Задонской уездной ЧК т. Пожидаев. Получив сведения, что ЧК очень небрежно обращается с конфискованными вещами, Задонский УКОМ созвал внеочередное заседание УИКа, на котором было постановлено произвести ревизию ЧЕКА. Председатель ЧК Пожидаев "обиделся" и, вызвав по телефону представителя Елецкой ЧК Кирилкина, арестовал членов УИКа и УКОМа РКП (б). Однако он не успел арестовать военного комиссара т. Юдина. Последний, извещенный кем-то об аресте членов УКОМа и УИКа, немедленно привел в боевую готовность Задонский гарнизон и окружил помещение ЧК. В распоряжении председателя ЧК Пожидаева также находилась кое-какая военная сила (рота пехоты, пулемет и сотня кавалерии). Отряд этот только что готовился выступить для ареста военкома, но не успел. Начальник его, т. Коротких, выступить на верную смерть отказался. До боя дело все-таки не дошло. Прибывший член Задонской организации РКП(б) т. Салат сумел убедить обе стороны пойти на почту и договориться, переговоры по прямому проводу с Воронежским Губкомом РКП(б), Губчека и Губисполкомом. Воронеж предложил арестовать Пожидаева за превышение власти, что и было сделано. На место его был назначен т. З. Шипулин. После этого "пожидаевского" восстания до прихода белых (Мамонтова) для Задонской организации наступили спокойные дни».*

Воронежский исследователь А. В. Макушин уточняет: *«На заседании укома РКП(б) 8 ноября Пожидаев был исключен из*

партии, а 9-го это решение было утверждено общим собранием задонской парторганизации. 13 ноября на заседании укома было решено создать специальную комиссию для контроля над деятельностью ЧК».

Кощунство

Но если коммунистам жилось до прихода Мамонтова спокойно, то про прочих жителей Задонска сказать этого нельзя.

Много шума наделал, в частности, пожар, в ночь на 15 октября уничтоживший табачную фабрику Игнатова и оставивший без средств к существованию около 200 семей, кормильцы которых были рабочими этого предприятия. Как сообщала «Задонская советская газета», «пожар начался в машинном отделении и быстро охватил все здание». С большими усилиями только к утру возгорание удалось ликвидировать.

А 28 января 1919 года весь православный город был потрясен еще одним событием — большевики, расправившись с последними противниками политическими, нанесли очередной удар по тем, кто противостоял им духовно — по Задонскому Богородицкому монастырю. Поруганию предана была главная святыня обители — чудотворные мощи св. Тихона, епископа Воронежского, чудотворца Задонского.

Богородицкий монастырь и до этого утесняли как могли. 13 января 1919 года архимандрит Александр (Зеленев) писал благодетелям обители следующее: «...артезианский колодец не работает, потому что нефти нет, а из нашего старого монастырского не на чем качать воду, — придется ходить с ведрами к Дону... Братию заставляли идти в лес и рубить дрова [по разнарядке от Советов]. Братия ходили и нарубили 50 саж., а дали только 20. Теперь отвели 20 саж. сучьев и веток, но ведь такими ветками топят печи только осенью и весной, а не зимою в 25 градусов мороза... Всякие нужды терпим: и голод и холод, и всякого рода оскорбления. Значит, того заслужили по своим грехам»...

И вот специально созданная комиссия во главе с председателем уездной ЧК Зиновием Шипулиным явилась в Задонский

Богородицкий монастырь и потребовала немедленного освидетельствования мощей святителя Тихона*.

А 28 января 1919 года суровые проверяющие, сопровождаемые архимандритом и несколькими из братии, проследовали в Рождество-Богородицкий зимний храм обители. В результате удар по идеологическим противникам со стороны коммунистов нанесен был точный и жесткий. И они постарались, чтобы эхо его прогремело по всей России. Ведь то, что объявили «результатами вскрытия», зафиксировал на киноленту специально откомандированный из Москвы оператор-документалист П. К. Новицкий, близкий к семье В. И. Ленина.

Правда, в этот раз, его кинокамера запечатлела не сами события, как то пыталась представить атеистическая пропаганда, а всего лишь их не слишком продуманную инсценировку.

По известным на сегодня версиям события вскрытия проходило внутри теплого храма во имя Рождества Богородицы, где мощи святителя пребывали в зимнее время. Причем, было это сумрачным январским вечером.

А кинолентка показывает действие, разворачивающееся на паперти Рождество-Богородицкой церкви белым днем.

На не раз публиковавшемся в разного рода антирелигиозных пасквилях кадре из фильма Новицкого за спиной толпящихся у гроба святителя ясно видны деревья. Этот «кинодокумент» — не что иное, как подделка**.

Как, впрочем, и большая часть итогов вскрытия мощей святителя Тихона Задонского. То, что плоть покойного епископа к моменту вскрытия раки с мощами уже пережила в известной степени естественный процесс распада, первые признаки коего отмечены еще протоколом 1861 года — факт не подлежащий сомнению. Но то, что в раке на момент вскрытия находился имен-

* Заметим, что Зиновий Антипович уже через 2 года «был схвачен бандой Колесникова и зверски убит» на территории Богучарского уезда.

** В 1974 г. проговорились об этом и сами «большевики». В книге В. С. Листова «История смотрит в объектив», посвященной истории кинодокументалистики, сообщается, что в январе 1919 г. оператор Петр Новицкий просто «опоздал» к началу мероприятия, а потому «для кинокамеры» процедура вскрытия раки св. Тихона Задонского была инсценирована заново.

но тот хлам, который был выставлен поутру на всеобщее обозрение — это может быть и должно быть опровергнуто.

Вскрытие вовсе не случайно было затеяно под эгидой ЧК. Как уже упоминалось, коммунисты побаивались того, что мощи действительно окажутся нетленными. К их радости, этого не случилось. Оставалось лишь, как говорится, добавить перцу. И тогда, для фильма и публичного обозрения, действительно открывшееся заменили откровенными фальсификатами из ваты и картона. Для пушшего эффекта.

Фальсификацией занимались два дня. И все это время, по свидетельству одного из участников событий — бывшего красноармейца С. М. Семенова, Задонск был оцеплен войсками, «пока из центра не приехала комиссия по вскрытию». Большевики серьезно опасались гнева народного.

И вот работа над «документальным» фильмом завершилась, а на страницах Задонской «Советской газеты» 31 января впервые опубликован был «протокол вскрытия». Примечательно и то, что публиковался не официальный протокол, а текст, вольно расцвеченный журналистскими ремарками типа: «О, ужас!». Но и из этого сочинения видно, что взору комиссии 28 января 1919 года открылась вовсе не грубо сделанная кукла, как это было заявлено официально. Вот строки пресловутого «Протокола» о вскрытии: *«Взору присутствующих представилось следующее: Тихон лежал в подряснике, перепоясанный старым кожаным монашеским поясом. По заявлению монахов, в таком виде и в таких одеждах Тихон и был найден при открытии в 1861 году. По снятии пояса и подрясника присутствующие увидели одежду из ветхого материала»*. Автор протокола, бывший очевидцем происшедшего, помимо воли говорит о мощах вовсе не как о грубой подделке, каковой ее пытается представить «Протокол», лишь далее приводя детали, которые должны были повергнуть в ужас верующих и отвратить их от Церкви.

Окончательно обнаружилось, что составители «Протокола» изрядно приврали, много позднее. Зато с беспощадной ясностью. Известно, что в 1959 году мощи святителя Тихона были повторно освидетельствованы в Орле компетентной комиссией из

служителей Церкви и врачей. Результаты проведенной экспертизы опровергли сочиненное Зиновием Шипулиным и его подручными полувеком ранее.

Но и в те горькие для сотен и тысяч верующих дни было явлено утешение скорбящим и знак свыше тем, кто усомнился. К счастью, в этом случае можно опереться на однозначно достоверную версию произошедшего. А главное, — изложенную человеком, который немалую часть своей жизни посвятил как раз борьбе с «культом» Тихона Задонского. Вот цитата из собственноручно написанных воспоминаний С. Г. Заворыкина — не только коммуниста и атеиста, но и коренного задонца, бывшего свидетелем того, что произошло на монастырском дворе зимой 1919 года: *«На второй или третий день после вскрытия “мощей” Тихона по желанию и просьбе граждан, собравшихся у здания монастыря, было произведено вскрытие пяти цинковых гробниц в склепе под трапезной церковью... При вскрытии первых четырех гробниц в них были обнаружены почерневшие человеческие кости, покрытые истлевшей одеждой. При вскрытии пятой гробницы обнаружен прах женщины Евфимии с сохранившейся высохшей тканью и кожей темно-коричневого цвета, похожей на пергамент»*. Как сообщает «Советская газета», которая опубликовала в № 19 за 1919 год «Акт исследования гробниц», нетленны оказались также кисти рук и предплечья иеросхимонаха Авраамия.

Открывшееся повергло вскрывавших в шок. Да и не удивительно. Целых два дня торжествовали безбожники, разоблачая вовсю «миф о нетлении мощей святых», тыча прихожан носом в кучу сомнительного хлама, якобы извлеченного из раки святителя Тихона, и вдруг получили в ответ такое — наглядное, при сотнях свидетелей, толпившихся на монастырском дворе, подтверждение того, что Господь благоволит сохраняться в нетлении плоти угодивших Ему. Это был идеологический скандал, который сразу попытались замять. Не случайно осквернение на том и остановилось.

Так вот, явным конфузом для осквернителей, в котором нельзя не увидеть Промысел Божий, закончилась история о «разоблачении» мощей святителя Тихона.

О том, как повседневно складывалась жизнь обители после этих страшных дней конца января 1919-го в деталях неизвестно, но открытые за последнее время архивные документы позволяют однозначно опровергнуть то, что писал Н. Задонский, и что ранее принималось за действительность. В очерке «Снова по дороге» из цикла «Донские вечера» он утверждает, что события после осквернения мощей св. Тихона развивались на радость воинствующим атеистам. *«Вековая легенда о “нетленных мощах” кончилась. Монахи отсиживались в кельях, боясь показаться на глаза разгневанному народу, а вскоре разбрелись кто куда. Подаяния прекратились. Монастырь запустел».*

На самом же деле история со вскрытием мощей св. Тихона, особенно после явления нетленных мощей матушки Евфимии Григорьевны Поповой, быстро стушеввалась в народном сознании. Так М. М. Пришвин записал в дневнике за 1919 год: *«Вот разобрали мощи Тихона Задонского, народ ответил на это верой, что Тихон Задонский ушел и стал невидим».*

Мощи, после того как атеистическая кампания была завершена, вернулись в ту же серебряную раку, откуда были исторгнуты кощунственной рукой. Богослужбная жизнь обители продолжилась. Вот только все меньше и меньше зданий оставалось в распоряжении монахов Задонского Богородицкого монастыря.

При этом ни известные на сегодня документы, ни воспоминания старожилов не сохранили свидетельств о каких-либо силовых эксцессах по отношению к Задонскому монашеству в первые послереволюционные годы, обagrившие кровью священнослужителей изрядную часть государства Российского.

И тому есть логичное объяснение. Как справедливо замечает компетентнейший историк Церкви – протоиерей Владислав Цыпин, *«особенно тяжело приходилось тем архипастырям и пастырям, которые остались на территории, переходившей после поражения белых войск под контроль Советов. Одна только лояльность духовенства белым властям рассматривалась красными как контрреволюционное преступление; пение молебнов о победе белого оружия служило основанием для вынесения смертных приговоров или зверских расправ».*

Задонск же гражданская война обошла стороной. Лишь на пару дней в сентябре 1919 года город был занят отступавшими к Воронежу казаками генерала Мамонтова, которые повели себя достаточно мирно. Так что поводов для классовой мести у вернувшихся в Задонск представителей Советов не возникло.

Более того, в официальных документах того времени просматривается тенденция уберечь монахов от окончательного разгона. Упор делается на то, что все это престарелые инвалиды, фактически отошедшие от дел Церкви.

А ведь подобные формулировки явно не соответствовали действительности. Жизнь обители текла по уставу, совершались богослужения. Тем не менее отдельные задонские чиновники от Советов, многие из которых родились и выросли у стен монастыря, на словах отрекаясь «от старого мира», на деле хранили в сердце своем память о нем, обращаясь в тайной молитве к Богу и стараясь смягчить участь Его гонимых служителей.

Косвенное подтверждение этому находим в злой заметке «Иконостасы в горсовете», опубликованной «Задонской советской газетой». *«В здании городского Совета рабочих депутатов, — возмущается автор, — во всех комнатах прекраснейшие иконостасы... Там, вероятно, более молятся, чем работают...»*

Белоказаки у нас не задержались

До осени 1919-го большевики в Задонске всюду осваивались с управлением, считая, что они здесь «всерьез и надолго».

7 мая по предложению уездного комитета партии большевиков Задонск лишился городского исполнительного комитета. Вместо него был организован муниципальный отдел при уисполкоме.

Причиной принятия столь радикального решения стала неудовлетворенность коммунистов итогами выборов в городской Совет. По мнению большевиков несознательные избиратели выбрали не тех, в результате чего деятельность горисполкома оказалась *«проникнута духом торгашества»*.

Еженедельно в Задонске проводились митинги. 2 июня на митинг вывели 100 раскаявшихся дезертиров. С трибуны выступали губернские и местные лидеры большевиков, а *«граммофон передал речи вождей революции»*. Дезертиры в ответ прочувствованно говорили, что *«укрывались по своей темноте»*. А теперь они *«готовы идти в армию и геройски искупить свой грех»*.

Но *«искупать грех»* торопились далеко не все. В докладе о начале мобилизации в уездах, подготовленном 23 мая 1919 г. начальником административно-мобилизационного отдела Воронежского губвоенкома Карчагиным, сообщается, что по плановой мобилизации родившихся в 1889–1891 в Задонском уезде ожидалось 2 070, явилось 818, принято 97. Более того, как отмечает А. В. Лесных, летом 1919-го скопление дезертиров и нежелание крестьян идти в ряды Красной Армии привели к восстаниям. В том числе и в Задонском уезде.

А вот в комсомол удалось, наконец, задонскую молодежь сагитировать. О чем с удовлетворением и сообщила читателям газета «Воронежская беднота» от 30 августа 1919-го года: *«Много раз принимались меры Воронежским городским и губернским комитетами РКСМ для организации союза в Задонске. Наконец, после долгих усилий союз удалось организовать»*. *Первыми комсомольцами стали в основном «учащиеся учительских курсов»*.

И вот наступили первые дни сентября 1919-го. Выдались они по-летнему теплыми. На Дону все еще купались вовсю. И оттуда же, со стороны Дона, ждали неприятностей – знали, что вот-вот к городу подступят казаки генерал-лейтенанта Мамонтова, уже занявшие, по слухам, Елец. Гражданская война подкатывалась к Задонску.

А начиналось все 10 августа 1919 года, когда специально сформированный под командованием генерал-лейтенанта К. К. Мамонтова корпус прорвал фронт в районе Новохоперска и начал свой знаменитый рейд по красным тылам.

В состав соединения входили: 1-я и 3-я Донские конные дивизии, резервная Донская дивизия (каждая численностью в 2000 сабель), пеший казачий отряд (3000 штыков), 12 пушек и три броневика. Рейд Мамонтова в тыл Красной Армии про-

должался 40 дней. И на протяжении всего 700-километрового пути Мамонтов вел мобильную войну, неся при этом минимальные потери. Тамбов был взят при потере лишь 20 бойцов. Пройдя Мичуринск, Чаплыгин и Лебедянь, мамонтовцы 1 сентября заняли Елец, часть гарнизона которого встречала казаков с музыкой.

Из Ельца Мамонтов выступил тремя колоннами.

Как явствует из «Очерков Гражданской Войны на Дону. 1917-1920 гг.» генерал-майора А. В. Голубинцева, командовавшего казачьими соединениями белых в Гражданскую: *«Одна колонна, правая, двинулась на Касторную Средняя колонна выступила из Ельца на Задонск и... заняла город. Левая колонна из Ельца взяла направление на юго-восток... За этой колонной двигался обоз длиною около 30 верст. Красные, занимавшие Задонск, отошли в село Хлевное, в 25 верстах южнее Задонска по шоссе на Воронеж»*. В. Е. Шамбаров в «Белогвардейщине» уточняет: *«4.09 колонна Толкушина захватила Задонск»**.

Обороне Задонска уделяет внимание в романе 1948 года «Необыкновенное лето» К. А. Федин: *«Средняя колонна Мамонтова натолкнулась на первое серьезное сопротивление у Задонска. Городу удалось провести мобилизацию, набрать отряды и развернуть их в полк численностью больше полутора тысяч штыков. Штаб Воронежского укрепленного района, проявивший решимость в подготовке к обороне и находчивость в оперативном руководстве, помогал созданию Задонского полка. Отдельные роты этого полка показали героическое желание сражаться до последней капли крови. Но защитники города повели тактику полевой войны, требующей резервов и достаточных огневых средств. Узадонцев было всего восемь пулеметов и не оставалось никаких запасных сил в своем тылу. Их разжиженные на большом пространстве цепи не могли не оставить поле боя за каза-*

* Правильно – Толкушкин. Борис Дмитриевич. Родился 25 января 1876 года. Окончил Оренбургский Неплюева кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище, а в 1903 - Николаевскую академию Генерального штаба. К 1912 году дослужился до полковника. Участник Первой Мировой войны, а закончил ее в чине генерала. Активно поддержал белое движение. Командовал рядом казачьих корпусов и дивизий. Пропал без вести в феврале 1920 г.

ками. *Тактики уличной борьбы, которая была бы уместнее, Задонск не применил*».

На самом деле задержать в Задонске продвижение казаков должен был наспех сформированный «полк» численностью в 1600 человек, куда, помимо регулярных частей из Воронежа и округа, вошли 600 местных добровольцев. Армейские винтовки имелись только у солдат. Добровольцев же вооружали чем попало. Ныне покойный И. И. Филатов, работавший в мастерских ремесленного училища, вспоминал, как в те дни их срочно заставили приводить в порядок ранее конфискованное по узду оружие, сохранявшееся «на всякий случай». Охарактеризовать «арсенал» можно было только одним словом: «рухлядь». Но и этого хватило не всем. Как замечают В. Г. Абанин и С. Г. Заворыкин: *«Многие же не имели никакого оружия»*.

Тем не менее, бойцы отряда, уже в начале боя отброшенные за Дон, к городу, в течение двух часов удерживали противника на южной окраине, дав возможность последним партсовработникам покинуть ставший вдруг неудобным Задонск, прихватив жен и детей. А когда казаки пустили в ход артиллерию, отступили и сами защитники, практически не понеся урона от не слишком вязавшихся в драку мамонтовцев.

И 4 сентября 1919-го «белые партизаны» вступили на улицы Задонска. Где не только показали себя «во всей красе», но и дали возможность местным и окрестным обывателям проявить самые сволочные инстинкты.

Вспоминает жительница Задонска, бывшая свидетельницей происходившего в городе 4 сентября 1919-го: *«Стрельба приближалась и приближалась. Вдруг грянула пушка около моста. Жители пошли хоронить советские документы... На мосту, около городского сада, показалась первая группа казаков. А вдоль берега Дона, от Казачьего, двигались новые ряды. Впереди идет офицер, отдает честь. Приближается к женщине с грудным ребенком на руках: "Где здесь жида и коммунисты?". "Ничего я, батюшка не знаю". Подскочил мальчишка: "Я знаю, вон там живет жид!". Поскакали туда, скрылись в доме, долго не идут назад. Наконец вышли от "жида", засовывают что-то в карманы. Поскакали дальше»*.

А дальше казакам стали помогать горожане и обитатели пригородных сел: *«Вот тащат перину; вот рассыпался узел с тряпьем. Какой-то "гражданин" старается натянуть пальто на плечи, чтобы в руки можно взять еще что-либо. Вот две бабы подрались за курицу — это разгромили еще одного "жиду". Этот впряг себя в пролетку, тот тащит плуг на спине, а другой посреди улицы меняет кресло, чтобы легче было дотащить за Дон.*

Вот другая картина: скачут двое верховых. Подскакали к магазину около собора. "Что здесь?", — спрашивают. "Да был у "них" хлеб раньше, а что сейчас — не знаю", — отвечает случившийся рядом обыватель. "Посторонись!" Наметился казак в упор и выстрелил. Замок упал. Прикладом разбил стекло у других дверей, заглянул внутрь, выругался крепким словом: "Черти..., все выгребли!"

...Грабят бывший аптекарский магазин. Окна разбиты, визг, брань, летят склянки, банки, льется касторка, сыплется пудра, зубной порошок. А около бывшего магазина Маликова, где хранился галантерейный товар, ждут "хвостом". И вот двери разбиты, рванулась публика вперед. Но, не тут-то было. Прикладами гонят казаки их из лавки. Лишь награбившись досыта, до отвала, милосливо разрешают сделать то же самое и гражданам.... Рядом с грабежом идет торговля. Покупает тот, кто не успел или постеснялся красть. Скупщики — мелкая "интеллигенция". Вот кучка этой "интеллигенции" стоит поодаль, смотрит и не знает, то ли это, что она ждала?

- Что ж не берете? — спрашивает у них казак.

- Да так просто...

- Нател! — Сует им в руки по коробке спичек. — Помните нас, мы народ хороший».

Но грабежами тот день не ограничился. Пролилась и кровь. *«Вдруг страшный, пронзительный крик пронесся над толпой. Все замерли в ужасе. Четыре всадника мчатся за бегущей фигурой. Это выданный толпой "большевик" [на самом деле — рядовой беспартийный совслужащий, работник коммунхоза И. П. Бабкин]. Вбегают под мостик у часовни [был такой, что вел напрямую через Тешевку к храму Живоносного Источника]. Прижался в угол, как затравленный зверь. И над всем несется отчаянный крик жены*

несчастливого. С двух сторон подскочили к мосту. Выскочил. Побежал. Пересекли дорогу и наотмашь, шашкой, снесли голову».

«...Распахиваются ворота и согнувшаяся фигура тщедушного еврея покорно выходит на улицу. За ним выскакивает жена с ребенком и старушка: кричат, ломают руки, виснут. Удар нагайкой по лицу и они уже за калиткой, во дворе, а еврей медленно падает на колени, сраженный насмерть двумя выстрелами в спину [М. Б. Дубровно]».

Официальный итог пребывания покинувших 5 сентября Задонск казаков Мамонтова подведен был 17 сентября 1919 года председателем Задонского уездного ревкома в «Анкете об ущербе, причиненном г. Задонску во время нашествия мамонтовских банд». Копия этого документа хранится в фондах Задонского краеведческого музея, куда она была предана из Государственного архива Липецкой области.

Согласно «Анкете...» убиты были двое: беспартийные Бабкин Иван Петрович и Дубровно Меер Беркович. В 33 квартирах «произведен разгром». Наличных денег награблено было 87650 рублей. «Предметов домашней обстановки, посуда, меховых вещей, шитья, белья, обуви, разных хозяйственных вещей, золота и серебра — на сумму 2 259 580 рублей».

На вопрос «по чьему почину начались беспорядки?» анкета отвечает, что «по почину казачьих банд».

А кто участвовал? «Крестьяне близлежащих селений и отдельные личности городского населения».

Сентябрь и октябрь город пребывал в состоянии властной неопределенности. «Красные», подсчитав убытки от «визита» казаков Мамонтова, 29 сентября вновь покинули Задонск. В начале октября вернулись и пробыли до 15 числа. А 19-20 октября на улицах Задонска можно было видеть казачьи разъезды.

Причем, в это время Задонск был точкой активного военного интереса как красных, так и белых.

А. И. Деникин, характеризуя ситуацию на фронте в октябрь-ноябре 1919 года, несколько раз упоминает Задонск в качестве ориентира, описывая расположение противостоявших армий: «у Задонска, близ Воронежа», «между Задонском и Бобровом», «у

Задонска», *«от Задонска до устья Иловли»*. А об октябрьских боях пишет так: *«на 500-верстном фронте от Бахмача до Задонска шли тяжелые бои Добровольческой армии против втрое превосходившего ее силами противника»*.

Н. Е. Какурин, сражавшийся на стороне красных, отмечает, что к середине октября, *«следуя за уклонившейся от фланговых ударов VIII армией, противник распространился на ее участке от Задонска через Усмань до г. Боброва включительно»*. Но 19 октября в дело вступил конный корпус С. М. Буденного, *«что вынудило противника перейти на указанном рубеже к активной обороне»*.

Со своей стороны, С. М. Буденный также не обходит Задонск в воспоминаниях. 26 октября *«к концу дня из Липецка со мной соединился по прямому проводу Ворошилов. Он сообщил мне, что подчиненные ему части сосредоточились в Липецке, и кавчастям поставлена задача занять Задонск»*.

А. Е. Егоров в работе «Разгром Деникина. 1919 г.» сообщает об 11-й кавалерийской дивизии, *«которая в конце октября подходила к Задонску»*. С. М. Буденный называет также кавбригаду 42-й стрелковой дивизии 13-й армии, *«которая ведет разведку в направлении Задонска»*, согласно директиве, полученной утром 30 октября. Уточняя, при этом что *«в этой директиве о местонахождении 11-й дивизии никаких данных не было»*. Правда, 31 октября Семену Михайловичу *«стало известно, что 11-я дивизия движется в направлении Землянска»*. То есть, мимо Задонска пройти не могла.

Регулярные части белых, появляясь на улицах уездного центра, в отличие от мамонтовских «партизан», вели себя корректно, и заверяли, что *«скоро в Задонске появится белое начальство»*. Отдельным задонцам реальным стало видеться возвращение «старого режима». Но вот фронт стабилизировался и последние надежды тех задонцев, кто не хотел ужиться с Советской властью, оказались развеяны.

О том, как это случилось, с юмором рассказывает газетная заметка, дошедшая до наших дней стараниями С. Г. Заворыкина: *«Под первое ноября 1919 года... Ждали казаков. Вдруг в городском саду раздался голос: "Господа! Казаки, казаки!"*. Гуляющие бро-

сились к воротам. Действительно около сада разъезжала группа всадников. Гуляющие патриоты (буржуи) предложили записываться добровольцами, на что получили милостивое разрешение казачьего офицера. Началась запись добровольцев-"белогвардейцев". Шибай, торгаши, буржуазия записывалась охотно. В каких-нибудь полчаса собралась порядочная группа, которые отправились к зданию бывшего земства. Каково же было удивление "добровольцев", когда вместо генерала Иванова перед ними предстал товарищ Кандыбин. Пришлось ночевать в помещении милиции». Оказалось, что «отряд советских войск при Ревкоме во главе с товарищем Кандыбиным занял г. Задонск».

Действительно, согласно исторической справке архива Воронежской области, «В ходе продвижения частей Красной Армии и очищения территории Воронежской губернии 23 октября 1919 года из состава Северо-Западного райвоенревкома был выделен Задонский уездный ревком. Председателем Задонского ревкома был назначен Кандыбин, а членами Мишуров, Юрин и Ходаров. 31 октября приказом №11 председателя Северо-Западного райревкома он был ликвидирован». Но Д. Кандыбин в Задонске остался, уже в качестве председателя уисполкома — до середины 1920 г.

Начальник 11-й кавалерийской дивизии В. И. Матузенко, кавалеристы которого и привели ревком в Задонск, в отличие от журналиста уездной газеты, «взятие» уездного центра описал по-военному лаконично. 30 октября 1919-го в своем донесении он писал: «Вчера в 15 часов лихим налетом нашей конницы занят Задонск. При занятии конница была обстреляна. Приняты меры к выяснению, кто стрелял»...

С тех пор большевики город своей заботой не оставляли.

ОТ ГРАЖДАНСКОЙ ДО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Суровые годы «военного коммунизма»

С «боевого девятнадцатого» и до сурового времени Великой Отечественной войны жизнь Задонская протекала относительно мирно под скрип тележных колес, все больше заглушавшийся шумом автомобильных моторов.

Своеобразный срез ситуации в городском хозяйстве в канун нового, 1920 года, сделала рабоче-санитарная комиссия Задонского уездного отдела здравоохранения, зафиксировав его в «протоколе №2» от 31.12.1919 г.

Согласно этому документу в «хлебной лавке Лутикова» хлеб лежал на полках без покрывала, а несколько полок оказались загрязненными; в «чайной Шишкина» все помещение оказалось темным и грязным, включая столы; в «бане Шведова» используются прохудившиеся тазы и шайки, а вот на табачной фабрике – «полнейшая опрятность».

Упоминается также пара частных постоянных дворов, признанных «грязноватыми» и «Национальная гостиница» в удовлетворительном состоянии.

Что же касается городской тюрьмы, то «камеры чисты, теплы, но темны за неимением в некоторых рамах стекол, которые заделаны досками, и полное отсутствие постельных принадлежностей, белья, одежды и обуви». В общем, типичная картина последствий гражданской войны и еще не отмененного «военного коммунизма» (1918-1921 гг.).

В сохраненном архивами письме С. Голубятникова «из Задонска» сестре Варваре, продолжавшей службу в Красной армии, он пишет, что по возвращении с фронта *«дома меня поразила страшная бедность и обнищание»*.

Фонды Липецкого облгосархива хранят пухлые уисполкомовские папки периода «военного коммунизма», заполненные просьбами о выдаче «вещевого довольствия». Многодетный задонский участковый милиционер просит новые штаны, взамен истрепавшихся старых; крестьянин из пригорода просит обеспечить его хозяйство лошадью, надеясь и на штаны и на прочее заработать самостоятельно...

Но, если рядовые граждане могли надеяться на подачки от «народного» государства, то социально-чуждые элементы, к которым монашествующие были отнесены в первую очередь, могли полагаться только на себя... И в течение 20-ти послереволюционных лет у них это так или иначе получалось. Хотя с каждым годом выживать задонским монахам и монашкам становилось все труднее...

Согласно «Описи Задонского Богородицкого монастыря», составленной 4 ноября 1920 года квартирным подотделом коммунального отдела Задонского уисполкома, в обители проживали «60 престарелых монахов, требующих ухода за ними».

В распоряжении братии оставались два двухэтажных корпуса. Как сообщает «Опись», *«при этих корпусах имеется свечной завод, водопровод, баня и небольшой садик»*. Одним из корпусов было правое крыло здания трапезной, где и размещались упомянутые службы, а вторым — изрядно перестроенное за советское время здание, примыкающее с юга к церкви во имя св. Тихона. Сохранялись за монашествующими храмы обители.

Остальные здания старинной обители были распределены между различными учреждениями и организациями.

В монастырской гостинице квартировал уездный совет народного хозяйства. В его же ведение были переданы расположенные рядом 3 конюшни, 2 сарая, амбар, каретный сарай и кузница. В бывшем архиерейском корпусе уездная власть разместила отдел здравоохранения и дом материнства и детства. Военный

лазарет занимал расположенный за алтарем Владимирского собора архимандритский корпус. Стоящее между архимандритским и архиерейским корпусами двухэтажное здание было отдано отделу народного образования.

Учебные классы просторного духовного училища стали камерами фильтрационного лагеря для содержания дезертировавших из Красной Армии — таковых в то время по селам и деревням отлавливали во множестве. А в угловой башне, прилегавшей к зданию училища, устроен был карцер для *«зlostных дезертиров»*. Южная угловая башня пустовала.

А вот в «Скиту» дело только лишь описью имущества и учетом помещений не ограничилось. Тихоновский мужской монастырь был закрыт первым из знаменитых на весь православный мир обителей Задонска. 19 декабря 1920 года члены комиссии по выселению монахов произвели опись и опечатали все монастырское имущество. *«Опись произведена без всяких инцидентов, и можно полагать, что также протечет и дальнейшая работа по ликвидации этого монастыря»*, — удовлетворенно замечали грабители именем «народа». Так и получилось.

Постепенно затрудняя доступ к «опиуму для народа», как, с легкой руки Карла Маркса, именовали тогда религию, советско-большевистские власти понимали, что надо что-то и взамен дать, а потому активно вели культпросветработу. В том же 1920 году в Задонске 14 марта были открыты педагогические курсы для обеспечения учительскими кадрами сельских школ. Начала работу студия изобразительных искусств на 30 человек, работа которой *«тормозится отсутствием красок, кистей, бумаги»*. Возобновилась работа музыкальной школы, *«основанной в 1919 году»*.

С 1 сентября 1920 г. при уездном управлении народного образования открыли «театральную секцию», в задачи которой входила материально-методическая помощь *«Задонскому центральному театру»*. Театр ставил «На дне» Горького, «Власть тьмы» Толстого, «Дядя Ваня» Чехова. Спектакли были как платные, так и бесплатные, например — для красноармейцев.

В 1920 получено было согласие уисполкома и укома партии на открытие «Дома просвещения» в здании бывшего земства. Здесь

собирались разместить зимний театр, драматическую школу, давать концерты, проводить лекции и, естественно, митинги.

Те же, кто не хотел радоваться советскому культурному возрождению, а скорбел о старом режиме или неохотно платил новой власти налоги, получали прописку в местном концентрационном лагере. Согласно общероссийской статистике, проанализированной в 1922 году журналом «Власть Советов», издававшимся ОГПУ, чаще всего заключенные в концлагеря оказывались виновны в следующих преступлениях: преступления против Советской власти – 16%, дезертирство – 15%, кража – 14%, спекуляция – 8% и т. д.

В Задонске концентрационный лагерь для нетрудового элемента и политически-неблагонадежных на 500 человек был устроен с конца 1920 г. на территории Задонского Богородицкого монастыря. 23 декабря Президиум Задонского уисполкома утвердил смету на ремонт и приспособление зданий, выделенных под концентрационный лагерь в Задонске. На перестройку и ремонт было отпущено 1 179 630 руб и на «оборудование» для лагеря 988 409 руб. Именовали лагерь «Тихоновским».

А на заседании Президиума уисполкома, состоявшемся 7 мая 1921 г. было доложено, *«что питание заключенных ненормальное, т. к. кроме фунта хлеба и 6 золотников крупы они ничего не получают, что ведет их к истощению, массовой заболеваемости и смертности»*. Президиум решил *«снести с Губисполкомом»* по поводу снабжения заключенных бельем, одеждой и продовольствием, констатируя, что *«оставить их в том же положении, значит обречь их на постепенное вымирание»*.

Ведь, согласно справке *«заврайконторой Ильина»* то, что полагается *«для удовлетворения заключенных, и что имеется в нашем распоряжении, выдается, других же видов продовольствия, как-то жиров и мяса у нас совершенно нет»*.

Не хватало в уезде и городе не только жиров и мяса, а и много другого. Поэтому нетрудовой элемент не только отправляли исправление в концлагерь, но и выжимали досуха в финансовом плане. Например, монахи Богородицкого монастыря свои же, но уже национализированные постройки, вынуждены были

арендовать – 23 кельи обходились братии по 600 рублей за каждую в ценах на январь 1921 г.

Меж тем Церковь, оказавшаяся гонимой, принимает меры для организационного укрепления. 22 января 1922 года учреждается Задонская епископская кафедра. Епископом Задонским тогда же становится Иоанн (Болховитинов)*. При епископе Иоанне было создано епархиальное управление, в которое вошли епископ и три священника.

По данным, приводимым в приложении к «Истории Русской Церкви» протоиерея В. Цыпина, Задонское епископство было викарным. В то же время в документах 1922 года Успенский городской собор Задонска именуется кафедральным, что может служить свидетельством в пользу самостоятельности епархии. И такое вовсе не удивительно для послереволюционного «смутного времени» в истории Русской Православной Церкви.

Епископу Задонскому Иоанну пришлось понести труды по поиску компромисса с властями в один из тяжелейших периодов истории Церкви, когда совершалась конфискация драгоценных металлов и камней из храмов России. Для повального ограбления церквей был найден благовидный предлог – с 1921 года Поволжье вымирает от голода, а у страны якобы нет лишнего хлеба, чтобы накормить страждущих.

Действовала «Комиссия по оказанию помощи голодающим Поволжья» и в Задонском уезде. В Липецком облгосархиве сохранилось достаточно документов, чтобы представить себе ход событий, приведших к тому, что храмы Задонска и, в первую очередь, – Богородицкого монастыря – лишились всего, что могло быть названо драгоценным не только по соображениям веры, а и по оценке приемщиков ювелирного сырья.

Материальные отголоски случившегося в апреле 1922 года дошли до наших дней в виде кладов: серебряных окладов Евангелий и позолоченной богослужебной посуды, найденных на

* Из овдовевших священников. С 1888 служил священником Тюнинского женского монастыря. С 1893 по 1921 год – настоятель Никольского храма села Верхний Студенец Задонского уезда. Преподавал закон Божий в местных церковно-приходской и земской школах.

крыше Владимирского собора, а также двух напрестольных крестов, что скрыты были на чердаке снесенного ныне деревянного дома по улице Карла Маркса, справа от западных ворот обители. Но спрятать удалось крохи. Да это и не особо пытались делать. Ведь представителям Церкви до последнего не верилось, что рука сборщиков драгметаллов поднимется на то, чтобы обнажить укрытые дорогими ризами святыни.

Протокол №10 заседания уездной комиссии по оказанию помощи голодающим Поволжья, на котором, в присутствии епископа Задонского Иоанна был, поставлен вопрос о необходимости изъятия ценностей из церквей уезда, это подтверждает. Сначала тов. Казмин, член комиссии, сделал сообщение, где *«обрисовал картину голода»*. Далее докладчик *«рекомендует с целью предотвращения ужасов голода и оказания помощи голодающим об отчислении из церквей и монастырей части ценного имущества для расплаты за хлеб, предлагаемый Америкой»*. Епископ Иоанн *«высказывая солидарность с мнением, также рекомендует предложенный им способ разрешения этого вопроса в общем собрании верующих, при чем с своей стороны окажет воздействие на духовенство и верующих к оказанию просимой для голодающих помощи»*.

Протоколом №1 от 17 марта 1922 года зафиксировано решение «Подкомиссии по изъятию церковных ценностей от групп верующих» о приглашении 3 представителей от церковного совета и 1 представителя духовенства *«для окончательного определения предметов подлежащих изъятию»*.

От задонского духовенства делегирован был священник кафедрального Успенского собора г. Задонска Гермоген Лебедев, а община верующих уполномочила даже не трех, а пятерых своих представителей для работы с подкомиссией. Это были В. Х. Емельянов, А. А. Бакулин, М. Д. Голубятников, И. М. Пичугин и И. Г. Петров. Именно им и предстояло первым с ужасом убедиться в том, что конфисковать собираются вовсе не лишние кадила и подсвечники, а серебряное убранство святынь – двух рак св. Тихона – в летнем и зимнем соборах и оклад чудотворной Владимирской иконы Божией Матери.

Уполномоченные во главе с о. Гермогеном горячо запротестовали. Вот что зафиксировано бесстрастными строками протокола: *«Представитель духовенства ответил, что рака св. Тихона дорога верующим по религиозным основаниям и изъятию не подлежит. Большинство коллектива верующих присоединилось к мнению представителя духовенства, добавив, что коллектив верующих получил директивы от общества верующих не соглашаться на изъятие раки св. Тихона»*. Наивные «представители»! Уже через несколько дней они с горечью поняли, что хоть им и разрешено выражать свое согласие и несогласие, но прислушиваться к их мнению никто не собирается.

Пустыми остались и хлопоты отца Гермогена Лебедева, составившего собственноручную записку, сохраненную в архиве. Устав оперировать чуждыми для советских функционеров понятиями канонического права, он обращается к их революционному сознанию, обращая внимание на то, что святитель Тихон всегда сопереживал угнетаемому крестьянству, проливая слезы о его страданиях, а потому рака, хранящая мощи святого — своего рода памятник освобождению российского крестьянства от крепостного ига, состоявшемуся в 1861 году и совпавшему с прославлением Задонского Чудотворца.

К 10 апреля из церквей Задонского уезда было изъято около 60 пудов ценностей. В связи с этим Задонский уисполком затребовал из Воронежа «автомобиль с караулом третьего разряда» для перевозки конфискованного. А 24 апреля 1922 года Воронежским губфинотделом было принято от командированного особуполномоченного подкомиссии по изъятию церковных ценностей Задонского уезда Апарина *«всего 27 мест с церковными ценностями, упакованными в мешки и деревянные ящики»*.

Изъятие оставшихся в храмах ценностей продолжалось еще два месяца. Лишь 30 июня 1922 года на заседании президиума Задонского уисполкома член подкомиссии «по изъятию» Белозеров доложил, что работу можно считать законченной.

Соответствующее официальное сообщение было направлено в губернию. Всего было изъято: золота — 74 золотника 57 долей (около 318 г.), серебра — 70 пудов 39 фунтов 74 золотника 1 доля

(около 1136 кг.) и драгоценных камней — 2 фунта 52 золотника 75 долей (1 кг. 23 г.). Причем, все драгоценные камни, все золото и почти 57 пудов серебра были конфискованы в церквях Задонского Богородицкого монастыря.

Практически одновременно Задонскому Богородицкому монастырю был нанесен еще один тяжелейший удар — из канонического подчинения Святейшему Патриарху Тихону (Белавину) 13 июля 1922 года самоудалилась Задонская епархия в лице епископа Иоанна, поддержавшего так называемое Высшее Церковное управление, учрежденное в мае 1922 года группой священнослужителей из объединения «Живая церковь» («обновленцами»).

В центре Задонской волости

Когда епископ Иоанн решил примкнуть к «обновленцам», монахи Задонского Богородицкого монастыря, оставшиеся верными Патриарху Тихону оказались лишены своих главных святынь. Богородицких черноризцев отлучили от храмов обители, на территории которой они продолжали проживать. Лишь в 1925 году передана им была церковь в городском саду.

Это было решение уже волостного исполкома. Со статусом уездного центра пришлось расстаться в 1924 году, когда 12 мая 1924 года Задонский уезд был упразднен с присоединением его территории к Воронежскому уезду. Жизнь местная от этого, правда, не улучшилась.

Вот свидетельство очевидца — отрывок из рассказа «Экономик Магов» писателя А. П. Платонова, чья жизнь была тесно связана с Задонском: *«В бывшем городе Задонске — теперь там сельсовет — по улице 19 Июля проживает гражданин — Иван Палыч Магов. Задонск — древнерусский монастырский центр, город божьих старушек и церковных золотых дел мастеров. Монастырь был кормильцем обитателей этого города (200 тысяч в год странников, богомольцев, богомолок и прочих пешеходов), а теперь, когда монастырь имеет значение пожарной каланчи и радиоприемни-*

ка, жителям питаться нечем. Раньше по грунтовым дорогам в город несли холстину, а теперь по эфиру туда несется радиомызыка. Вместо имущества – красота! Поэтому жители перешли на экономический строй существования».

Писатель куда более даровитый, а главное – не умеющий кланяться власти – Андрей Платонов, в отличие от Николая Задонского, с которым он, кстати, был лично знаком, **в своем произведении четко обозначает то, что знали в то время все, но о чем уже лучше было помалкивать, – Задонск жил и развивался именно благодаря монастырю.**

О том же, что официально представлял из себя волостной центр на момент написания платоновского рассказа, можно узнать из от ответов Задонского горисполкома на правительственную статистическую анкету, датируемую 1925 г.

Население Задонска составляет 5262 жителя обоих полов. 497 (100 рабочих и 397 крестьян) отнесены к самодеятельному населению – так именовались лица, занятые производственной деятельностью. Как можно заметить, тяжелые годы революционные и период военного коммунизма не лучшим образом сказались на численности народонаселения. Задонск «потерял» около трех с половиной тысяч своих жителей...

Годовой оборот торговых и промышленных предприятий за 1924 год составил 1 464 948 рублей.

Долгожитель задонского промышленного сектора – бывшая табачная фабрика Игнатова, пережившая пожар 1918 года, в 1925 году стала именоваться «Задонская табачно-махорочная фабрика Управления местного хозяйства исполнительного комитета Воронежского уездного Совета РК и КД». А уже в октябре 1926-го была ликвидирована.

Что касается городского бюджета, то доходы исчислялись 44 311 рублями 39 копейками, а расходы – 44 939 рублями 98 копейками. Распоряжался финансами самостоятельный горсовет, вновь организованный 22 декабря 1925 года.

Каков был статус волостного центра с мая 1924 г. по декабрь 1925 г. неясно (возможно, тут прав художник слова, и Задонск городом около года не считался).

Из состава горсовета выделен Президиум в составе 7 человек. Непосредственно за городское хозяйство отвечало коммунальное отделение.

В графах «канализация» и «водопровод» стоят прочерки. На тот момент главным городским водозабором для бытовых нужд горожан оставался колодец «Медовый», расположенный на левом берегу Тешевки, чуть выше наполняемой его водой «Мойки», куда приносили полоскать белье. Это соседство вызывало справедливые нарекания санитарной службы, и еще в начале 1920-х годов решено было обложить колодец камнем, накрыть, а «Мойку» перенести подальше.

А вот в графе «Электростанция» указано «имеется».

Архивы сохранили запрос Задонского Уоткомхоза еще за 1923 год на 8 тысяч 829 рублей 34 копейки для выплаты заработной платы работникам электростанции. Частное письмо Т. Назарова, отправленное зимой 1921 года, сообщает: *«В Задонске теперь проводится электричество — скоро будет светло».*

Размещалась работавшая на угле, а чаще — дровах, электростанция в здании, занятом ныне магазином «Почтовик» (на углу улиц Крупской и Ленина). Приводил ее в действие двигатель мощностью в 40 лошадиных сил. Как вспоминают старожилы, в начале 1920-х из-за отсутствия ремней на шкивы надевались веревочные кольца, которые быстро стирались и часто рвались. Так что отключения электричества были делом привычным. Что, впрочем, частной жизни большинства горожан не мешало — дома, да и улицы, стали электрифицировать в массовом порядке только с рубежа 1960-х годов.

Согласно «Анкете 1925 года», на попечении коммунотдела состояли 34 улицы и проезда. Из них 4 были замощены при общей площади отмотки в 3000 квадратных сажен.

Тут стоит отметить, что старые, еще екатерининской планировки, улицы Задонска получили свои современные наименования практически сразу после Октябрьской революции.

По иронии времени, в православном Задонске большинству улиц, названных в честь личностей, достались имена революционеров из семей инославного (преимущественно — иудейс-

кого) вероисповедания. Это Маркс, Бебель, Троцкий (Бронштейн), Володарский (Гольдштейн).

Что же касается площадей, то Монастырская стала площадью Революции, а Ярмарочная/Базарная в приказе начальника усовмилиции за октябрь 1923 г. именуется Базарной.

Испеченные революцией названия трех улиц впоследствии поменялись. Улица 25-летия Октября первоначально таковой не была, а считалась продолжением 2-й улицы Труда. Лишь когда страна дожидая до соответствующей даты, получила она свое нынешнее имя. Неизвестно, когда Пролетарская стала Комсомольской. А вот когда улица Троцкого получила имя не слишком внешне опрятной женщины – вдовы В. И. Ленина Н. К. Крупской, бывшей покровительницей сирот и педагогов, вполне можно догадаться – в конце 20-х. В 1928 году Л. Д. Троцкий, до того считавшийся одним из творцов революции, окончательно был записан в ее враги с почетным первым номером.

И как раз 1928 год стал последним из «волостного» задонского четырехлетия. Согласно постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 14 мая 1928 года была образована Центрально-Черноземная область (ЦЧО), включившая упраздненные Воронежскую, Курскую, Орловскую и Тамбовскую губернии. В составе ЦЧО оказался и вновь созданный Задонский район, занимавший 886 квадратных километров.

4 июля 1928 года состоялся первый Задонский районный съезд Советов, который одобрил решение ВЦИК о «районировании». С момента образования и до 23 июня 1930 года Задонский район входил в состав Елецкого округа ЦЧО.

Вот что сообщает о нашем городе справочник «Населенные места Воронежской губернии», изданный в 1928 году, накануне преобразования волости в район (судя по упоминанию табачной фабрики, использованы данные 1925-1926 гг.).

«№1640 – г. Задонск – волостной (прежде уездный) центр. Расположен на левом берегу р. Дона, в 89 1/2 км. от г. Воронежа – до ближайшей жел. дор. станции – Дон (Грязи-Орловск. дороги) – 33 км. Население: 887 хозяйств; 5.086 жителей. Пригородные слободы:

1640 а – Тешевка – 261 хоз. 1.132 жит.; 1640 б – Тюнино – 238 хоз. 1.366 жит. Оба – центры соответств. с/советов.

Предприятия: табачно-махорочная ф-ка, мельница и электростанция. Учебные заведения: 4 школы I ст. (15 препод.), 2 школы II ст. (13 препод.), 1 школа 7-летка (8 преп.) и профтехшкола (10 преп.). Из пригородов: шк. I ст. с 2 преп. в сл. Тешевке.

Лечебные учреждения: больница на 50 коек, при 3-х врачах и 5 лицах мл. медперсонала, а также консультация при 1 враче».

Отметим продолжающееся падение численности городского населения. По сравнению с 1924-1925 годами в районном центре живет на пару сотен меньше. При этом пригороды практически сохраняют дореволюционную численность (Тешевка) и даже прибавляют (Тюнино).

Стал монастырь бывшим

Год 1928-й для истории непрерывного существования Задонского Богородицкого монастыря стал последним полным календарным ее годом. Уже в феврале 1929-го «все избирательные участки» города Задонска потребовали окончательного закрытия мужского монастыря.

Автор большевистской окружной газеты «Красное знамя» Н. Дмитриев, побывав в Задонске в марте 1929 года, оставил такое описание Богородицкой обители тех дней: *«Вокруг собора и зимней церкви, как дети, отделившиеся от сурового отца, расположились монастырские строения, занимаемые сейчас учреждениями города... Немного поодаль – корпус, занимаемый монахами, и часовня. Стекла в окнах часовни выбиты, дверь соскочила с петель... Корпус, занимаемый монахами, тоже постепенно приходит в ветхое состояние. На вопрос “почему здание не ремонтируется”, следует весьма резонный ответ: “Тут хоть бы в этом как-нибудь просуществовать, а то отремонтировать... Скажут тоже”».*

И действительно, даже в «этом», изрядно обветшавшем, корпусе последних Богородицких монахов не оставили.

8 апреля 1929 года грянуло постановление ВЦИК «О религиозных объединениях», инспирированное более ранним дирек-

тивным письмом секретаря ЦК ВКП (б) Л. М. Кагановича, где резко осуждалась недостаточная ретивость в процессе изживания религиозности, а собственно духовенство прямо объявлялось политическим противником коммунистов.

Свято-Троицкий Тихоновский женский монастырь в Задонске был окончательно закрыт.

А следом, по весне 1929-го, монахи Богородицкого монастыря получили приказание освободить еще занимаемые жилые помещения в двухэтажном здании близ свечного завода.

Протестовать было бессмысленно. И бывшие насельники обители, добавив личные сбережения к имевшейся наличности, вырученной от работы свечного завода, собрали 3250 рублей. На них приобрели у Задонского горсовета дом на бывшей Дворянской улице (ныне Карла Маркса). Этот дом, куда черноризцы переселились *«весной, ближе к лету»*, стал последним приютом монашеской общины Задонской обители во имя Сретения Владимирской иконы Божией Матери, основанной около 1610 года.

Единственным утешением для гонимых монахов была искренняя уверенность в недолговечности Советской власти. Они и представить не могли, что это испытание для Церкви и ею пасомых — на несколько десятилетий. Например, в июле 1929 года, в беседе о военных столкновениях на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД), последний настоятель обители — архимандрит Никандр (Стуров) уверенно заявил, что: *«Слава Богу, начинается война, которая приведет безбожную власть к гибели»*. А тут еще через несколько дней рухнуло на монастырском дворе огромное вековое дерево. Это знамение и настоятелем, и монахами Богородицкого монастыря однозначно было воспринято как скорое падение не приемлющей Церковь власти. На самом же деле, как показало дальнейшее, это знамение предвещало совсем иное — окончательную ликвидацию монашеской обители во имя Сретения Владимирской иконы Божией Матери. Существовать уже фактически разогнанному монастырю оставалось всего два месяца.

Именно столько времени отмерено было сотрудниками Елецкого окружного отдела ОГПУ, готовившими материал для возбуждения очередного уголовного дела с политической окраской.

А главной зацепкой должна была стать и стала умелая провокация, как по нотам разыгранная 26 августа 1929 года, в день памяти святителя Тихона.

Еще до праздника среди верующих стали распространяться слухи о том, что власти в этом году примут самые жесткие меры к паломникам в день праздника памяти св. Тихона. Рассказывалось, что пришедших будут расстреливать с аэропланов или давить автомобилями. И повод поверить в такой оборот событий был. Во-первых, непримиримость местных представителей государства подтверждало закрытие Скорбященского монастыря и изгнание «на улицу» монахов Богородицкого. Во-вторых, годом раньше над крестным ходом уже кружил аэроплан. Правда, он всего лишь сбрасывал листовки антирелигиозного содержания, но и этого было достаточно, чтобы придать достоверность страшному слуху.

Чекисты весьма верно угадали массовое настроение верующих. Православный люд, вот уже который год с горькими слезами на глазах наблюдавший поругание святынь, почитание коих было впитано с молоком матери, не смог остаться равнодушным к новому вопиющему надругательству над верой и Церковью, готовившемуся, согласно слухам.

В итоге на бывшем монастырском дворе 26 августа 1929 года, в день памяти св. Тихона, собралось небывалое за предыдущие годы число верующих, несмотря на то, что, по-прежнему, праздничная служба совершалась обновленческим духовенством. Только по официальным ГПУшным подсчетам, в этот день Задонск принял около десяти тысяч паломников. То самое упавшее дерево, объявленное знамением, было буквально по шепочкам растащено богомольцами. И, наконец, наступило время крестного хода...

Вот как вспоминала о событиях того дня мещанка из Задонска А. П. Артемова: *«В момент, когда выносили угодника из собора, вдруг в полной тишине раздался крик: “Сейчас будут стрелять!” Моментально верующие с криками побежали от собора. Но сейчас же паника улеглась. Не прошло и минут десять, как опять раздалась крики: “Едет автомобиль, сейчас будут да-*

вить!». Вновь верующие бросились врассыпную. Началась давка. Я упала, сына Тихона прикрыла телом. Некоторые бежали по мне. Когда все улеглось и все убедились, что никакого автомобиля нет, верующие вернулись к собору».

Обошлось без жертв, праздник закончился благочинно, но ГПУ уже получило повод повнимательней присмотреться к религиозной жизни Задонска — ведь здесь имели место массовые беспорядки.

Более того, бдительные чекисты, прибыв в Задонск, тут же на месте выявили *«организованную при монастыре контрреволюционную группировку поставившую себе целью всемерное ослабление Советской власти и борьбу с Советской общественностью»*. Такое подпадало под части 10 и 11 статьи 58 Уголовного Кодекса. А потому 28 сентября 1929 года было возбуждено и принято к производству соответствующее уголовное дело.

Последнему настоятелю Задонского Богородицкого монастыря, архимандриту Никандру, в ходе следствия припомнили, поставив в вину, все, что хоть сколько-нибудь могло оправдать привлечение мирных черноризцев к уголовной ответственности по политической статье: и сокрытие от властей «антисоветских» сочинений (о гонениях на Церковь) умершего в 1927 году архимандрита Тимолая, и помощь томящемуся в концлагере епископу Алексию (Бую), и смещение с ряда приходов священников из числа «обновленцев», и историю с упавшим деревом.

Но главной радостью для чекистов стало обнаружение при обысках двух копий рукописного текста под заголовком «Что должен знать православный?». Это вполне невинное с неполитизированной точки зрения, выдержанное в духе христианской догматики сочинение, было подвергнуто тщательному текстологическому исследованию, судя по одной из копий, до сегодняшнего дня сохраненных в старом уголовном деле. Несколько листов амбарной книги, убористо исписанных простым карандашом, буквально исчерканы жирными синими линиями, отмечившими места, показавшиеся наиболее крамольными.

Вот некоторые из выделенных строчек:

— *Когда начальник бывает от Бога?*

а) Тогда, когда он законно поставлен и творит дело Божие, то есть следует благу народа и содействует ему в служении истинному Богу...

б) Когда сам начальник признает Бога и поклоняется Ему...

— Когда начальник бывает не от Бога?

— Тогда, когда он не хочет знать истинного Бога и когда незаконно захватывает сию власть...

Вышеприведенные нехитрые истины, по принципу «на воре шапка горит», естественно, выглядели обличительными агитационными выпадами для представителей органов охраны той самой власти, что незаконно завладела правом управлять Россией в ноябре 1917-го и не только не признавала Бога, но и гнала следующих за Христом, лишь на словах содействуя благу народа, а на деле уничтожая его.

Вторым по значению явилось утверждение, что именно руководство бывшего Задонского Богородицкого монастыря было инициатором панических разговоров вызвавших сумятицу и давку во время празднования дня памяти святителя Тихона.

В обосновании этой позиции елецкие чекисты сумели найти себе помощников из числа рядовых монахов не очень довольных своим положением и белого духовенства, видимо, очень дорожившего не только местом, но и свободой. Показания, полностью подтверждающие чекистскую версию обвинения, дали задонский священник Н. М. Кузьмин, монахи Е. А. Оскин, Е. А. Роговатский, П. Г. Пивнев, С. Д. Меренков. Все они получили статус свидетелей и благополучно пережили следствие. А вот для «участников контрреволюционной группировки» следствие закончилось судом.

Дело «по обвинению гр-на Стурова Никиты Алексеевича и др. по ст. 58/10 и 58/11 УК» за №2859 было рассмотрено на заседании Коллегии ОГПУ 26 декабря 1929 года. Коллегия определила «заключить в концлагерь... с конфискацией имущества доведением до трудовой нормы».

20 осужденным выпали сроки от 10 до 5 лет.

Запоздавшая, но справедливая точка в деле №2859 была поставлена лишь 24 июня 1991 года, когда прокурор Липецкой об-

ласти А. И. Комраков утвердил заключение о реабилитации невинно осужденных 26 декабря 1929 года.

Сталинские тридцатые

В 1930 году территории Богородицкого монастыря, окончательно была очищена как от «тихоновцев», так и от «обновленцев». Прекращает свое существование Задонская епископская кафедра, на которой первого епископа Иоанна в мае 1923 года сменил Алексей (Щербаков). Ему последовали Филипп (Власов), Иоанникий (Чекановский) и Андрей (Смирнов).

В январе 1930-го *«Елецкий окрисполком, идя навстречу требованиям широких трудящихся масс, постановил передать в музей мощи Тихона Задонского... Задонский монастырь решено закрыть и помещение его передать под культурное учреждение»*. Мощи святителя Тихона, после пребывания в Задонском музее, передали в Елецкий антирелигиозный музей, с 1928 году действовавший в Великокняжеской церкви. Позднее святыня оказалась в Орловском краеведческом музее.

Вслед за изъятием честных мощей святителя Тихона нарушен был и вековой покой праведников, захороненных под сводами Митрофановой пещеры. Их останки вывезли на городское кладбище Задонска и захоронили в общей могиле, прозванной с тех пор народом «Святою».

В 1930 году трагически завершилось и существование последнего еще не закрытого большевиками монастыря под Задонском – Богородице-Тихоновского Тюнинского. Ни его настоятельница – игуменья Мелитина (в миру – Мария Ивановна Введенская), ни духовник – священник Гордей Аргунов своими убеждениями не поступились. А потому и приговорены были 13 мая 1930 года решением Тройки при ПП ОГПУ по ЦЧО по внесудебному рассмотрению дел к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор был приведен в исполнение. Еще 13 обвиняемых, проходивших по делу, получили различные сроки в лагерях.

На этот момент еще оставался действующим городской Успенский собор. Но в августе 1930 года, в преддверии дня молит-

венного поминовения св. Тихона Задонского у церкви изыали колокола. «Большой» колокол снимать не стали, а попросту сбросили с храмовой колокольни. Его мелкие осколки прихожане собирали и уносили домой.

Незадолго перед этим был повышен статус районной власти. 23 июня 1930 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О ликвидации округов», согласно которому районы стали подчиняться непосредственно областному центру.

Среднюю часть архитектурного комплекса лишенной своих святынь Богородицкой обители, включая и храмы, отдают под овощесушильный завод. Для его «теплоэнергетики» первоначально решено было использовать торф с «Казацкого болота».

Согласно справке Липецкого облгосархива, *«Задонский овощесушильный завод был организован в 1930 году в бывших монастырских помещениях. Это было полукустарное производство с примитивным оборудованием. Объем промышленной продукции в 1930 году составлял 120 тонн сушеных овощей. Находился в ведении Республиканского объединения пищевой промышленности “Сельпромобъединение” ВСНХ РСФСР».*

В 1930 в городе появляется и педагогический техникум. Вот что рассказала об этом на страницах «Задонской правды» Г. М. Барбинова, завуч Задонского педучилища с 1943 по 1958 годы: *«В 1930 году в нашей стране было введено обязательное начальное обучение. Но решению поставленных задач мешало то, что в стране не оказалось нужного числа специалистов с педагогическим образованием. Пришлось допускать на должность учителей людей, имеющих хотя бы общее среднее образование, а в некоторых исключительных случаях назначать в педагоги даже тех, кто не имел законченного среднего образования. А потому по всей стране стали открывать специальные учебные заведения, которые назывались Педагогическими техникумами.*

В Задонске Педагогический техникум был образован на базе средней школы № 1 в 1930 году. Первыми учениками техникума, в основном, как раз и стали выпускники 7 класса средней школы №1. Для учащихся дальних сел было организовано общежитие по ул. Коммуны, д. 10. В этом же здании размещалась и столовая.

Первый выпуск 30 учителей начальных классов состоялся весной 1933. Среди первых выпускников были такие известные в Задонске и районе педагоги как В. Н. Провоторова, К. И. Егорова, Л. Г. Панова. С 1937 года педтехникум стал называться педучилищем. В остальном до войны особых перемен не было».

К списку местных образовательных учреждений добавляется с 1930 года и школа глухих детей.

Меж тем, в Задонске, как и по всей, стране жить становится «лучше», жить становится «веселей».

Разнообразят к концу 1930-х жизнь задонцев представления созданного в 1936 году «Колхозного театра» и крики, периодически доносящиеся из отданного позднее под квартиры здания на улице Урицкого, где хозяйничала до войны ежовско-бериевская госбезопасность. Школа ремесленных учеников, ставшая училищем, работает по прежнему профилю – готовит токарей. По улицам города прогоняют мычащие стада – работает «Кожсиндикат» («бойня» – по уличному).

Неосужденным еще бывшим насельникам и насельницам монастырей и прочим классовым врагам радоваться «веселой» жизни в сталинском СССР не позволяют.

Задонская газета «За коллективизацию» в марте 1931 г. обвинила местных чиновников в том, что они *«лучшие квартиры сдают монашкам, бывшим помещикам и торговцам»*. Были прямо указаны дома №3 по ул. Горького и №6 по К. Маркса, где поселились монашки. Далее следовало требование: *«Заставить горсовет немедленно отобрать лучшие квартиры у лишенцев, монашек, бывших помещиков и передать их рабочим и служащим»*.

13 июня 1934 года Центрально-Черноземная область была разделена на Воронежскую и Курскую и прекратила свое существование. Задонский район отошел к Воронежской области, в составе которой и находился до 1937-го. **27 сентября 1937 г. на основании постановления ЦИК СССР «О разделении Западной и Курской областей на Смоленскую, Орловскую и Курскую областей» район был передан из Воронежской во вновь образованную Орловскую область.**

А месяцем позже был почти на десять лет закрыт городской Успенский собор в Задонске.

По данным 1938 года в бывшем Задонском Богородицком монастыре размещались: райбольница и в ее составе вендиспансер, общежитие педучилища, детдом, дом ребенка, сушзавод треста «Флодoвoшторг» и «Союзхлеб». Во Владимирском соборе верхний храм занимал склад «Заготзерно», цокольный – склад сушзавода. В церкви Рождества Богородицы находился склад, а трапезная превратилась в сушильный цех завода.

Сам же город, невзирая на административные переподчинения, внешне остается почти прежним.

Меняются вывески на зданиях, ветшают опустевшие храмы, разбираются на кирпичи колокольни. Нового строительства не ведется. И так – до войны.

Война ворвалась в каждый дом

«Война ворвалась в каждый дом», – такими словами начинает свои записки о Великой Отечественной 1941-1945 годов, публиковавшиеся к 50-летию Победы в «Задонской правде», А. Н. Прокофьев, бывший фронтовой корреспондент.

И продолжает: *«Не обошла война и райкома партии. В это утро его секретарь Николай Николаевич Ляхов почти с рассветом пришел на работу. Он был сильно расстроен и озабочен. А в райкоме уже не смолкали телефоны. В райком пришел военком Дмитрий Иванович Морев. Доклад был кратким: “Начинаем мобилизацию. Объявляем военное положение”.*

А тем временем помощник секретаря райкома партии Иван Жирков на коне объезжал город, в экстренном порядке собирался партиактив. Город прямо с утра, с первых часов начала войны, был в лихорадочном состоянии, весь в движении: к военкомату нескончаемым потоком ехали на машинах мобилизованные, и на этих же машинах они уезжали в Елец.

Десятками подъезжали подводы, на которых вместе с мужчинами ехали на проводы их жены, дети, старики и старухи. И вся эта масса убитых горем людей представляла собой какое-то нево-

образимое месиво, в котором трудно было разобраться: кто кого провожает, кто по ком плачет, кто куда едет.

С поразительным оптимизмом держались многие жены, провожавшие своих мужей на смертельную схватку с врагом.

И никому не верилось, что захватчики разобьют Красную Армию, поработят русский народ. Они были уверены в скором возвращении мужей и сыновей с войны. Не представляли опасность, нависшую над Родиной, и ребята, которым не хватило времени до призыва. Они собирались группами и с чувством гордости говорили, что наши воины остановят врага, защитят свою землю. Они больше всего боялись, что война быстро кончится, и что им не дорасти до солдатского возраста. Но боялись напрасно. И на их долю войны хватило с избытком».

Узнали, что такое война не понаслышке и те, кто оставался в тыловом, вроде бы, Задонске. Первый раз фронт приблизился к Задонску уже поздней осенью 1941-го.

А еще до того, вскоре после начала войны, в Орловское управление НКВД поступила информация о том, что в Задонске появился эвакуированный из занятого немцами района священник отец Борис. Его проповеди, по воспоминаниям начальника Орловского Управления НКВД К. Ф. Фирсанова, «были заполнены провокационными слухами о неотразимости фашистского нашествия, в них высказывалось сожаление о том, что сам отец Борис поторопился с эвакуацией, а вот своей пастве он торопиться не советует». УНКВД проверило сообщение, и установило, что «отец Борис» прошел соответствующую подготовку у немцев, дав согласие на переброску в советский тыл с целью распространения панических настроений.

А через несколько недель в Задонске открылась целая диверсионная школа. Только уже своя, советская. С занятием 3 октября немцами центра области — Орла, сначала в Елец, а к началу ноября — в Задонск, была перебазирована «Школа пожарников», готовившая партизанские кадры и диверсантов для проведения подрывной работы в тылу противника.

Название школы послужило основанием для утверждения ряда публикаций по теме о том, что в Задонске диверсионная

школа размещалась в «помещениях местной пожарной части». Действительно, вход в школу предваряла вывеска «Пожарная охрана». Но на самом деле это изначальное, с момента создания в Орле, кодовое название проекта, о чем сообщает профессионал диверсионной работы И. Г. Стаинов, в конце лета 1941 года командированный в Орел для инструктивно-методической помощи в создании спецшколы: *«Сначала обком направил в школу двадцать шесть человек для обучения на инструкторов, а к 18 августа укомплектовал ее полностью. С целью конспирации школу стали именовать "школой пожарников"»...*

Согласно докладной записке Управления НКГБ (выделено из НКВД 14 апреля 1943 г.) по Орловской области №1-4/67 об агентурно-диверсионной работе *«Орловская [школа] – продолжила свою работу в г. Задонске до июня 1942 г.»*. Размещалась она, как рассказывали очевидцы, в здании «конторы сушзавода», на территории Богородицкого монастыря. По известным документам спецподготовку в Задонске прошли около 280 человек.

М. А. Касаткин в публикации «В тылу немецко-фашистских армий "Центр"» сообщает, что 23 октября 1941 года бюро Орловского обкома *«утвердило план подготовки истребителей танков, предусматривающий обучение тысячи человек»*. Работа курсов началась также в Задонске.

По осени 1941 года в Задонске появился и военный аэродром. Как вспоминает военный инженер М. Ю. Заполь, занимавшийся строительством аэродромов, 7 июля 1941 г. он был прикомандирован к Управлению аэродромного строительства НКВД по Орловской области. И после Почепы был направлен на *«объект №324 – в городе Задонск»*. Работа здесь закончилась 9 октября 1941 г. По воспоминаниям задонских старожилов располагался аэродром на опушке «Горелого леса», там где сейчас установлен памятник летчикам, и представлял из себя 2 взлетные полосы, вымощенные красным кирпичом, одна из которых была ориентирована на юго-запад, а вторая – на северо-запад. Первую использовали бомбардировщики, вторую – летчики-истребители. Неподалеку был и еще один аэродром – на возвышенности между Репцем и Арх. Борками.

По документам военного времени известно, что уже через месяц после постройки базы в Задонске оттуда «работали» наши бомбардировщики. Так, согласно оперсводке №84 штаба ВВС Брянского фронта, характеризующей обстановку в районе Ельца к 20.00 19 ноября 1941 года, 97-й ближнебомбардировочный авиаполк был размещен в Задонске.

В это время Задонск оказался на направлении главного удара противника. Вот что пишет в своих мемуарах Маршал Советского Союза К. С. Москаленко: *«Обеспечить правый фланг и тыл танковой армии Гудериана должна была 2-я полевая армия... В ее составе были созданы три ударные группы... Вторая – в составе 134-й и 45-й пехотных дивизий – имела задачу овладеть городами Елец и Задонск».*

3 декабря *«пал Елец, фашисты устремились на Задонск... В связи с дальнейшим продвижением немецких дивизий на елецком направлении их фронт значительно растянулся и образовались слабо обеспеченные участки. Это позволяет нам нанести здесь внезапный удар. Его и должна как можно быстрее осуществить подвижная группа генерала Костенко во взаимодействии с 13-й армией»*, – вспоминает Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян в книге «Так начиналась война».

Предполагая, что после падения Ельца направление на Задонск станет угрожающим, командование 13-й армии отвело в этот район свой резерв.

К вечеру 4 декабря 38-й мотоциклетный полк под командованием майора Абибулы Мустафаева сосредоточился в селе Введенское (сейчас – Вороново Задонского района) и организовал первую линию обороны Воронежского шоссе, прикрыв две саперные роты армейского саперного батальона, бойцы которых были вооружены лишь только винтовками и одним ручным пулеметом. Саперы еще раньше, уже с 2 часов ночи 4 декабря заняли позиции у села Болховское, прикрывая подступы к Задонску, пока еще шли бои за Елец.

5 декабря на помощь саперам срочно было направлено пополнение, только что прибывшее из Липецка – 300 человек. В тот же день к Задонску успели подойти батареи 326-го артпол-

ка, который накануне прибыл эшелоном из Липецка на станцию Дон для 6-й стрелковой дивизии. Орудийные расчеты заняли огневые позиции у Задонска.

Штаб 13-й армии разместился в самом Задонске. Здесь командующий армией генерал-лейтенант А. М. Городнянский принимал свои решения о действиях в рамках контрнаступления под Ельцом. И делалось это в очень непростой, напряженной обстановке. *«Ведь еще 7 декабря враг, парировав наши атаки, продолжал двигаться на Задонск. 8 декабря он частыми контратаками пытался остановить наше наступление»*, — пишет в своих мемуарах «Штаб армейский, штаб фронтовой» бывший начштаба 13-й армии генерал армии С. П. Иванов.

Но вот 9 декабря Елец был освобожден и бои откатились от Задонска и границ района.

Тем не менее, город у стратегически важной переправы через Дон был постоянно занят войсками.

Как засвидетельствовано документами, в апреле 1942 г. через Задонск проследовали части 49-й танковой бригады — мотострелково-пулеметный батальон и тылы.

Согласно донесению штаба 1-го танкового корпуса, адресованного начштаба Брянского фронта генерал-майору М. И. Казакову и заместителю командующего фронтом по автобронетанковым войскам полковнику И. О. Яркину: *«49 ТБр. в полном составе сосредоточена р-не Калахово, Прилепы. Боевая часть и артиллерия сосредоточены к утру 29.4.42. МСПБ и тылы из-за плохого состояния переправы в Задонск вышли в свой р-н только 30.4.42»*. И далее: *«Стрелковые б-ны, тылы и штабриг. частью 30.4.42. разгружаются в Елец, а частью находятся на переправе в Задонск. Из-за плохих условий переправы, выход частей в р-н сосредоточения задерживается»*.

А к лету 1942-го, развернув мощное наступление на юге, немцы вновь захватили стратегическую инициативу.

28 июня войска армейской группы генерал-полковника Вейхса, поддержанные авиацией 4-го воздушного флота, прорвали оборону Красной Армии на стыке 13-й и 40-й армий Брянского фронта. В направлении Задонска немцы перешли Кобыльью Сно-

ву и приблизились к группе тербунских «Полян» — несколькими селам со сходными названиями. Отсюда до Задонского района было не больше десятка километров.

В воспоминаниях Маршала Советского Союза А. М. Василевского «Дело всей жизни» есть такие строки: *«К исходу 2 июля [1942 года] обстановка на воронежском направлении резко ухудшилась. Чтобы предотвратить форсирование противником Дона и приостановить дальнейшее продвижение его войск, Ставка передала из своего резерва командующему Брянским фронтом две общевойсковые армии [6-ю и 60-ю, — уточняет в своих мемуарах Г. К. Жуков], приказав развернуть их на правом берегу Дона на участке Задонск — Павловск».*

А поскольку под Задонском и в самом городе располагались воинские части, снабжавшиеся по здешнему мосту через Дон (все на той же «большой Московской дороге»), немцы, естественно, проявляли к округе повышенный интерес. И 5 июля Задонск стал мишенью для бомбовых авиаударов.

Вот что вспоминал об этом житель Задонска, ветеран войны А. И. Маликов: *«Я тогда находился в запасном полку, который располагался в окрестностях города — в урочище “Казенный лес”. В воскресный день 5 июля мы увидели немецкие самолеты, направлявшиеся к Задонску со стороны Нижнего Казачьего. Восемь из них отделились от основной группы и направились к понтонному мосту через Дон, чтобы вывести его из строя. Остальные 22 продолжали полет в сторону районного центра. Вскоре со стороны города послышались взрывы».*

5 июля 1942-го было днем воскресным. На Торговой площади, где располагался рынок, базар шумел вовсю. По рассказам очевидцев, сбросив бомбы, немецкие самолеты раз за разом заходили над рынком, расстреливая на бреющем полете беззащитных людей. Вот как описывает случившееся Л. Т. Турыгина, ветеран труда, жительница с. Колодезское: *«Я рано утром отправилась в Задонск на рынок. Еду купила и решила заглянуть к двоюродной сестре, жившей рядом с рынком. Не успела я зайти к ней и обменяться первыми новостями, как началась бомбежка. Одна бомба упала во двор дома, где жила сестра, но не взорвалась. Мы ки-*

нулись в подвал, там и отсиделись, пока бомбы сыпались на рынок. Людей на рынке было много, они бросились врассыпную, но не всем удалось спастись. Там была настоящая мясорубка».

«Только на небольшой улице Урицкого погибло тогда 5 человек. Наша авиация бомбить "юнкерсам" не мешала», – рассказывала К. И. Прокофьева. Некоторые Задонские старожилы были уверены, что налет спровоцировал проведенный днем ранее «парад» расквартированных в городе частей.

А вот что запомнилось М. Т. Подкопаеву, ветерану педагогического труда из Задонска: «У нас на квартире тогда, летом 1942-го, стояла женщина-военврач в звании капитана. К тому времени в Задонске уже был развернут военный госпиталь в здании средней школы №2. И вот однажды (хорошо помню, это было в самый канун 5 июля) она нам сообщила, что ночью госпиталь срочно съезжает, так как ожидается налет фашистской авиации. Кстати, немцы, которые летали тогда свободно, разбрасывали листовки и о бомбежке тоже предупреждали.

Утром 5 июля на город был совершен первый налет. А второй налет был днем 6 июля. Меня он застал в том месте, где сейчас располагается здание райотдела внутренних дел. А тогда здесь райисполком был. Во дворе были вырыты щели, где можно было укрыться от бомбежки. В одной из этих щелей я и оказался вместе с неизвестным мне капитаном. Бомбы рвались и рядом, и вдалеке от нас, но мы не пострадали. Хотя стоявшему поодаль под деревом старику срезало осколками кисти рук. Я это отлично видел. Страшная картина. Разрушено было тогда здание, где размещался батальон аэродромного обслуживания на улице Коммуны».

После бомбежек началась паника. Собрав, что поценнее, многие задонцы с семьями двинулись прочь от родных домов, в окрестные деревни и села. Но, так как налеты более не повторялись, то все вернулись по домам.

Среди погибших под бомбами были и воины базировавшейся до середины июля 1942 года в Задонске и окрестностях 167-й (2-го формирования) стрелковой дивизии под командованием И. И. Мельникова, входившей тогда в состав 3-й резервной армии Резерва Ставки ВГК. 19 июля 1942 года 167-я маршем прибыла в

ныне существующее Суриково, а 21 июля 1942 года перешла в наступление, заняв Малую Верейку и господствующую высоту, понеся серьезные потери. 21 августа сменила части 1-го танкового корпуса у села Большая Верейка, где вела оборону до начала Воронежско-Касторненской операции уже в составе 38-й армии Брянского фронта. В истории дивизии об этом сказано, что она *«участвовала в оборонительных боях»* в районе Задонска. Точнее — где-то на полпути между Задонском и Воронежем.

Местные аэродромы летом 1942 года (включая тот, что в Арх. Борках) находились в сфере ответственности 16 района авиационного базирования. Такие «районы» были структурными подразделениями авиационного тыла. Каждый предназначался для обеспечения трех-четырёх авиадивизий.

В это время на задонских аэродромах базировался, в частности, 24-й Краснознаменный бомбардировочный авиационный полк, входивший в состав 223-й авиадивизии 2-й Воздушной Армии, сформированной в мае 1942 г. на базе части ВВС Брянского фронта. Также с аэродрома в Задонске отправлялись на боевое дежурство 17-й истребительный авиационный полк (ИАП) и 508-й ИАП 205-й истребительной авиадивизии 2-й Воздушной Армии. Поэтому не единожды становились задонцы свидетелями воздушных боев.

На протяжении военных лет в Задонске и районе базировался целый ряд госпиталей. Бывали здесь и медсанбаты, когда фронт оказывался рядом, и полевые подвижные госпитали, и эвакуационные, куда отправляли долечиваться после первой помощи на передовой. Развертывали военно-медицинские подразделения как в самом городе, так и на территории бывших монастырей, включая пригородные.

Всего Задонск за время Великой Отечественной войны, согласно электронной базе данных, основанной на сохранившихся документах, побывали минимум 7 госпиталей. Мы пишем «минимум», потому что, как показывает практика исследований, даже современные базы данных нельзя назвать полными. В частности — из-за вполне естественных утрат документации, особенно в первый и второй год войны.

Помогали ухаживать за ранеными и выздоравливающими бойцами школьники. Ю. И. Плотников вспоминал: *«Мы ходили к раненым, читали им письма, носили из дома кисель, фрукты, все, чем были богаты. С какой теплотой нас встречали раненые, некоторые даже плакали. Видно, вспоминали дом и своих детей».*

Видели здесь и плененного врага. Память Михаила Николаевича Рублева, в то время 8-летнего мальчишки, наряду со страшными картинами бомбежек сохранила и то, как в 1942-м под Задонском впервые появились немецкие военнопленные, которых разместили в церкви у кладбища: *«И были они такие же несчастные, как и наши солдаты».* В сильные морозы не согревали тонкие шинельки и пилотки, а обмотки приходилось буквально отдиравать от обмороженных ног.

Попал Задонск и в хронику боевых действий 1943 года. О ситуации накануне Курской битвы Маршала Советского Союза А. М. Василевский в книге «Дело всей жизни» пишет так: *«Как же выглядела вся наша полоса преднамеренной обороны? Накануне вражеского наступления картина была следующей. По Дону, от Лебедяни через Задонск, Хлевное, Семилуки, Лиски и Павловск к Верхнему Мамону, шла линия укреплений “государственного рубежа обороны” (ГРО). Перед ней располагались стратегические резервы советских войск».*

В это время Задонск находился в зоне базирования Степного (Резервного) фронта*, созданного в связи с подготовкой сражения на Курской дуге.

В истории 70-й армии сообщается, что перед Курской битвой *«Вначале войска армии находились в резерве фронта, в районе Елец,*

* Резервный фронт образован 10 апреля 1943 г. из соединений резерва на воронежско-курском направлении. 15 апреля 1943 г. переименован в Степной военный округ. 9 июля 1943 г. преобразован в Степной фронт. Этому формированию придавалось срьезное стратегическое значение лично Главнокомандующим И. В. Сталиным. По воспоминаниям командовавшего фронтом в чине генерал-полковника Маршала Советского Союза И. С. Конева, Сталин заявил по этому поводу: *«Степной фронт... должен быть в готовности, если прорвется противник, отразить его удары и не допустить развития прорыва в восточном направлении как на орловском, так и на белгородском направлении. Поэтому полосу, занимаемую фронтом, надо хорошо подготовить в оборонительном отношении, а в тылу, по рекам Воронеж и Дон, подготовить государственный рубеж обороны».*

Ливны, Фатеж, Задонск, откуда совершили марш в район Ясная Поляна, западнее Троица, Боброво (70 км северо-западнее Курска), где приступили к оборудованию оборонительной полосы».

А начальник Главного управления автотранспортной и дорожной службы З. И. Кондратьев в числе «высоководных мостов», сооруженных в 1943 году в рекордные сроки называет и «через Дон – у Задонска».

Летом 1943-го, совершая инспекционную поездку, наш город посетил командовавший на тот момент кавалерией Красной Армии Маршал Советского Союза С. М. Буденный. Останавливался он в доме на углу улиц Урицкого и Маркса.

Причем, визит именно Семена Михайловича в Задонск был не случаен – здесь проходил переформирование практически разгромленный в весенних боях за Севск Брянской области знаменитый 2-й гвардейский кавалерийский корпус [«корпус Доватора»] под командованием генерал-майора В. В. Крюкова. Пополненный маршевыми эскадронами из Воронежской, Оренбургской, Северо-Казахстанской областей, со Ставрополя и Дона, корпус вновь был направлен на Брянщину – под Карачев.

Тем же летом увидели задонцы и то, как наши «ястребки» сбивают немецкие «юнкерсы». В книге «Войска ПВО страны в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов» есть следующее сообщение: *"16 июля 1943 года летчики 9-го Воронежского ИАК ПВО капитан В. П. Иванов и лейтенант Ю. В. Жилин перехватили в районе Задонска самолет противника Ju-88 и подбили его"*.

Впрочем, задонцы не только соперничали отзвукам и картинам боев, которым доводилось им, порой, стать свидетелями, но и активно поддерживали фронтовиков, чем могли, помимо труда на благо фронта. Ведь еще с конца 1942 года в стране началось массовое патриотическое движение по сбору средств на вооружение Красной Армии и Флота. Не остались в стороне и задонцы. В том числе – прихожане вновь открытого городского Успенского собора. 17 мая 1944 г. первому священнику новооткрытого Успенского собора Иоанну Иоанновичу Филиппову была выдана справка о регистрации уполномоченным Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Липецкой области.

Прихожане вновь открытого храма *«приносили добровольно в Успенскую церковь свои скромные сбережения и молились за здоровье мужей и родственников, за быстрый разгром гитлеровцев»*. Задонские верующие под руководством настоятеля собрали крупную сумму денег и сдали их государству на постройку боевого самолета для действующей армии. В том же году Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин прислал настоятелю Успенской церкви Иоанну Филиппову телеграмму, в которой сердечно благодарил верующих и настоятеля церкви за собранные средства и передал горячий привет и благодарность. И верующие продолжали сбор денежных взносов. А еще собрали для фронтовиков теплые вещи и получили от воинов за это несколько благодарностей.

Как сообщает А. Н. Прокофьев в документальном очерке, посвященном этим событиям, настоятель, отец Иоанн, за постройку боевого самолета и сбор теплых вещей, а также помощь фронту из личных сбережений был награжден медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.».

Не остались в стороне от массового патриотического движения и учащиеся задонских школ.

«Осенью 42-го по инициативе Орловского обкома комсомола начался сбор средств на строительство танковой колонны имени Орловских партизан и танка имени Героя Советского Союза Шуры Чекалина. Одними из первых включились в сбор средств учителя и учащиеся Задонской городской средней школы (в то время она располагалась в здании, где сейчас находится районная библиотека). Учащиеся и комсомольцы школы за короткий срок внесли свой вклад – 27 689 рублей. Это была большая по тому времени сумма. И складывалась она из металлолома». Вскоре после отправки вырученных за металлолом денег директор школы А. В. Севастьянов на торжественной линейке огласил текст телеграммы: *«Задонск, Орловской области. Директору средней школы тов. Севастьянову, секретарю комитета ВЛКСМ тов. Пузиковой, старшей пионервожатой тов. Яковлевой, пред. учкома тов. Успенской. Прошу передать учителям и учащимся Задонской средней школы, собравшим 18134 рубля на строительство танковой колонны имени Орлов-*

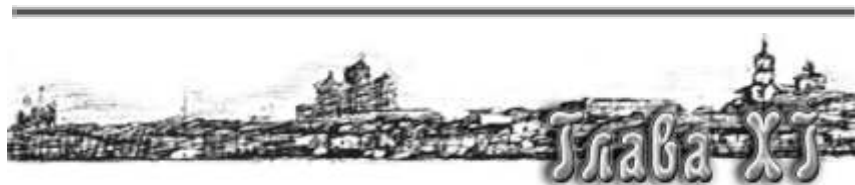
ких партизан и 9555 рублей на строительство танка имени Героя Советского Союза Шуры Чекалина, мой горячий привет и благодарность Красной Армии. И. Сталин».

А в доме на улице Урицкого, том, что по преданию, построен из бревен от кельи святителя Тихона, чудотворца Задонского, жила в то время Мария Матвеевна Фролова — многодетная мать, разделившая со всей страной радость Победы, но так и не увидевшая после войны шестерых сыновей.

В «Книге Памяти Задонского района» записано так: *«Из призванных за годы войны 10 800 задонцев погибло 8 532 человека, жертвами войны стали 132 мирных жителя».* Цифры эти общерайонные, но вот более сотни погибших мирных жителей, видимо, в основном — результат налетов вражеской авиации на Задонск в июле 1942 года.

В статье «Плач журавля», опубликованной газетой «Воронежская неделя» в 2002, приводится рассказ безымянного очевидца о том как встречали Победу в Задонске. *«Мне было семь, когда кончилась война. Жили мы тогда с матерью в Задонске. И вот однажды рано утром кто-то с криком сильно забарабанил в окно. Мы выскочили на улицу, а там кругом люди ходят, кричат: "Вставайте, война кончилась!". Все радовались, обнимались, целовались, поздравляя друг друга. Откуда-то появилась гармошка. Чего тут только не было: песни, частушки, смех, слезы... Глянул на мать, а она плачет. И я закричал, заревел. Меня стали успокаивать, а в это время с неба послышался громкий и печальный голос. Все взглянули вверх, а там большая птица, журавль, кружа над городом и Доном, уходила все выше и выше и вскоре исчезла в небе. Замолкли гармошка и смех, а вдовы завывли на разные голоса: "Это души наших погибших прощаются навсегда с нами". Такого громкого, дружного, исходящего откуда-то из глубины души плача я больше никогда не слышал»...*

ИЗ ВЕКА XX В ВЕК XXI

Пока не встряхнула перестройка

В первые послевоенные годы в облике Задонска перемен не происходит. Разрушенному войной государству не хватало сил и средств, чтобы восстановить спаленное пламенем военного пожара. До благоустройства ли тут было?! Поначалу радовались задонцы хотя бы тому, что город вернулся к привычному предвоенному ритму жизни.

Наладился учебный процесс в образовательных учреждениях, в который война внесла серьезные коррективы. «Все для фронта, все для победы!», — это касалось и школьников. Тем не менее возвращать «вторую» школу городу пока не спешат — временно объединенные в октябре 1941-го, школы учат и учатся единым коллективом.

Продолжает работать школа глухих детей, по воспоминаниям появившаяся в 1930 году. Впоследствии была реорганизована, и по документам *«Задонская школа глухонемых детей на 80 человек с интернатом открыта 25 ноября 1943 г. в соответствии с решением Орловского облисполкома от 18 октября 1943 г. №1080/25 как специальная общеобразовательная школа для детей с физическим недостатком в целях преодоления последствий дефекта, всестороннего развития ребенка и подготовки его к практической деятельности»*.

До середины 1960-х годов занимала школа глухих детей смежные городские усадьбы предводителя уездного дворянства статского советника А. А. Савельева и дворянского заседателя стат-

ского советника П. С. Кожина (от угла улиц Крупской и Коммуны до дома Коптева-Задонского).

Приказом №301 от 21 августа 1947 года Министерства сельского хозяйства РСФР на базе Задонской школы механизации сельского хозяйства (бывшей «ремесленных учеников») организован Задонский техникум механизации и электрификации сельского хозяйства.

Воспоминания В. Г. Василькова, поступившего в техникум через пару лет после этого, позволяют наглядно представить не только студенческий быт, но и, отчасти, жизнь в самом Задонске. Вот, что ему запомнилось: *«Стипендия студента Задонского сельхозтехникума в конце 40-х годов — 140 рублей. Каждый месяц 14 рублей вычитали на заем государству плюс комсомольские и профсоюзные взносы. 7 руб. 20 коп. — плата за проживание в общежитии. 90 рублей “на харчи” — по талонам без хлеба. Хлеб, 2-х килограммовую буханку стоимостью 1 руб. 90 коп., покупал каждый себе и старался растянуть на несколько дней к ежедневным завтракам, обедам, ужинам.*

Завтрак состоял из столовой ложки манной каши с каплей подсолнечного масла в центре. Обед: щи из кислой капусты, которую в техникуме заготавливали сами в больших деревянных бочках; отварка из чечевицы (чечевичная похлебка). Ужин: ложка гречневой каши или картошки.

Электрического света в г. Задонске не было. Но в техникуме имела своя дизельная электростанция и до 12 ночи “лампочки Ильича” горели. С 12-ти и до 2-х часов ночи зажигали две 12-ти линейные керосиновые лампы — доучивать уроки». На самом деле Задонская электростанция продолжала работать, просто обслуживала она в первую очередь учреждения и предприятия, а вот жилые дома освещались по-старинке.

Воспоминания детдомовца В. Ф. Деханова о тех же годах несколько светлее — в детстве и деревья выше, и трава зеленее, но тоже суровая реальность проглядывает: *«В военные годы в спецдетдоме №3 было около 300 воспитанников. Со временем это число убывало, и в 1956 г., когда я уехал в Москву, было воспитанников около 100 человек.*

Всем детям выдавались одежда и обувь, по мере износа и выроста они заменялись на новые. Регулярно нас водили в городскую баню — по воскресеньям (в пятницу и субботу мылись горожане).

Питание в военные годы и первые послевоенные было поскромнее, но вполне достаточное. Бывали и омлет, и яичница, творог и сыр. Летом — свежие овощи, фрукты. Зимой детям ежедневно предлагалась, даже навязывалась столовая ложка рыбьего жира, который в наличии был всегда. По большим праздникам — годовщина Революции, Новый год, 1 Мая — детям обязательно выдавались подарки: большой кулек со сладостями и вкусностями — конфеты, печенье, пастила, пряники, позже были и мандарины.

На территории детдома было несколько разрушенных бомбежкой зданий (до революции это были здания мужского монастыря). Все эти здания мы — воспитанники детдома — разобрали; мусор, битый кирпич вынесли, почистили годный кирпич (из него сложили ограду). И в этих зданиях были устроены хозяйственные объекты детдома: прачечная, столярная мастерская, склад.

В помещении колокольни на втором этаже устроили клуб, где проводили собрания, устраивали концерты художественной самодеятельности.

Всю территорию детдома, представлявшую собой пустырь, мы засадили деревьями аккуратными аллеями, для чего носили чернозем для ям из сада, затем сами носили воду и поливали несколько раз.

В детдоме не было водопровода. В 1950 году мы своими силами прокопали траншею и провели водопровод от водокачки. Это около 300 м, я тогда окончил 4 класса. Каждому воспитаннику отмерили 1,5 м длины и — копай на 2 м глубины. Выкопали, никто не сломался»...

В 1949 году Задонское педучилище, с 1937 года готовившее учителей общеобразовательных предметов 5-7 классов, переименовано в Задонское педагогическое училище физического воспитания. Теперь его задача — готовить преподавателей физического воспитания для средних учебных заведений. Размещалось училище в здании бывшей гимназии, а ныне средней школы №2.

Саму же среднюю школу №2 городу вернули как самостоятельную в 1951 году.

В 1950 году единственная городская водоканализационная станция работала с 9-10 часов утра и в 17.00 уже «закрывалась». И многие задонцы «не могут вовремя набрать воды» с возмущением писала районная газета «За победу коммунизма».

Постепенно на улицы приходит электрическое освещение. Например, в 1952 году закончили электрифицировать улицу Карла Маркса. А «свет» по-прежнему давала единственная городская электростанция, на которой еще в 1938 году поставили более мощный движок.

В 1950 году в Задонске появляется «Областная культурно-просветительная школа была». Открыта она была «в целях подготовки организаторов и методистов клубной работы средней квалификации». Подчинялось учебное заведение отделу культурно-просветительной работы Орловского облисполкома.

С 1950 года отсчитывает свою историю и Задонский хлебокомбинат, разместившийся в корпусах «Скорбященского» Свято-Троицкого монастыря.

В 1952 году было выделено 7 миллионов рублей на первое после революции крупное строительство в Задонске — возведение «нового трехэтажного здания техникума». Масштабную, и не только по задонским меркам, стройку завершили через 10 лет.

С осени 1953 года, по воспоминаниям Д. А. Зиборова, в Задонске действует «Задонская авторота Орловского автотреста "Союзсельхозавтотранс"». Как сообщает Дмитрий Арефьевич, *«Создавалась авторота на территории, где находится сейчас предприятие "Задонскгаз". Под производственную площадку отрезали огороды местных жителей — тогда это было нормой. Комплектовалась авторота в основном из автомашин ГАЗ-51, полученных прямо с завода. Часть автопарка была передана из АК-61 г. Ельца и из воинских частей Рязанской области (эти были с деревянными еще кабинами)».*

А 6 января 1954 года Задонску и его жителям довелось пережить очередное административное переподчинение. Была образована Липецкая область, куда вошел и Задонский район.

На этот раз сменой вывесок дело не ограничилось. В составе динамично развивавшегося нового территориально-ад-

министративного образования Задонский район и его центр ждали заметные перемены к лучшему.

По данным переписи населения СССР 1959 года в районном центре проживали 3 810 мужчин и 4 310 женщин, а всего 8 120 задонцев.

И кого-то из них явно огорчило то, что Задонское педагогическое училище физического воспитания было закрыто 1 сентября 1957 г. решением Липецкого облисполкома №498 от 26 июня того же года.

А вскоре город лишился одного из своих красивейших зданий некультового характера — «тюремного замка». Под предлогом ветхости это весьма интересное архитектурно, видное изда-ലെ здание на рубеже 1960-х годов было снесено.

Теперь уже трудно сказать наверняка — действительно ли постройка, более чем полуторавековой давности, дала такие трещины, что ремонт был невозможен или тут сказалоcь нежелание коммунистической власти иметь перед глазами напоминание о «старом режиме». На образовавшемся пустыре позднее разместился пищекомбинат районной потребкооперации, в цехах которого делали колбасу, а еще — смешивали и разливали по бутылкам лимонад.

А вот со своей горе-электростанцией в 1960 году Задонск попрощался без сожаления. Город наконец подключили к магистральной высоковольтной линии. Но прошло еще несколько лет, пока проблемы с подачей электроэнергии ушли в прошлое. В 1962-ом из-за серьезного сбоя на линии город три дня оставался «без света». Вынужденно простаивали в те дни консервно-сушильный и маслодельный заводы, хлебокомбинат и типография, не имевшие резервных источников питания.

Помимо упомянутых предприятий, числился в Задонске и райпромкомбинат, выпускавший столярные изделия, мебель, черепицу, «добывающий известняк».

За задонскими окнами на рубеже десятилетий зажигаются первые «голубые огоньки». И в 1962 году, когда здесь открывают телемастерскую, в частном пользовании насчитывается уже 40 телевизоров.

В 1962 году окончательно приобрело современный облик здание, долгие годы служившее культпросветучилищу — бывший особняк купца Галкина, ныне занятый начальными классами Задонской средней школы №2.

Частичные изменения «дома бывшего Галкина» имели место еще в 1927 году, когда он был капитально отремонтирован с пристройкой второго этажа для передачи «Задонской 7-летней опытно-показательной школе». И вот, четверть века спустя, в этот дом, где теперь размещалась «культпросветшкола», вновь пришли проектировщики и строители. К основному зданию, со стороны двора, пристроен был концертный зал, над южным крылом надстроили второй этаж.

В «школе», теперь уже «Липецкой областной», в 1960/1961 учебном году было 6 учебных групп по подготовке руководителей самодеятельных хоровых коллективов и оркестра народных инструментов. А в 1963 году здесь было открыто заочное библиотечное отделение для подготовки библиотекарей средней квалификации.

В марте 1963 *«трудящиеся Задонска получили хороший подарок — новое здание комбината бытового обслуживания»*. Там имелись «цех индивидуального пошива, художественная и сапожная мастерские, пункт приема химчистки». Это — здание из красного кирпича по улице Володарского, отданное под квартиры.

Постепенно центральные улицы Задонска покрываются асфальтом. Но, чуть в стороне — типичные картинки провинциального, только по названию «городского» быта, мало изменившегося за четыре с небольшим десятилетия Советской власти. Районная газета гневно замечает, что жители улиц Крупской, Карла Маркса, Ленина, Комсомольской, Максима Горького *«льют помои прямо на улицу, где бродят куриные, гусиные стада, отары овец»*.

К счастью, проезжие и приезжие этого уже не видят. Старую автостанцию, на месте которой по улице Ленина сегодня выстроены частные особняки, сменила ныне существующая — междугородние автобусы идут теперь по улице Коммуны. А по городским улицам в середине 1960-х пускают 2 автобуса внутрен-

них маршрутов. Чуть позже на улицах появляются и специально оборудованные автобусные остановки.

Заходит речь и о строительстве многоквартирных домов. Строится 24-квартирный дом по улице Советской. Внедряется строительство «хозспособом» домов на несколько квартир различными организациями и предприятиями для своих работников. В то же время на одной из сессий райсовета 1966 года отмечается, что *«район и особенно город плохо осваивают капитальные вложения на строительство жилья, очень низко качество строительных работ»*.

А вот райпотребсоюз, торговый монополист тех лет, не стесненный современной конкуренцией частных предпринимателей, недостатка в средствах не испытывающий, новые магазины строит охотно. И в 1966 году закладывает и сегодня не состарившееся здание «Универмага», реконструированное не так давно под торговый центр.

Одновременно разворачивается весьма крупное строительство на площади Революции (бывшей Монастырской) — так именовался большой пустырь, где сегодня разместились парк Победы и Районный Дом культуры. Как раз последний и начинают строить в 1966-ом.

А парк Победы уже существует. И 9 мая 1966 года здесь торжественно открывают обелиск памяти задонцев и жителей района, павших на фронтах Великой Отечественной. В тот день прозвучал салют из стрелкового оружия.

В 1967 году партийно-советское руководство района, с одобрения областного, решает, что «у Задонска прекрасное будущее; он должен стать курортным центром Липецкой области». В город прибывает группа архитекторов из «Ленгипрогора», чтобы спланировать город-сад. И этот план рождается, но, так и остается планом. Возможно, к счастью для Задонска и задонцев.

Куда более практично-полезной была другая инициатива местной власти — идея газификации Задонска, где было сплошь печное отопление и только-только начал получать хождение в быту газ баллонный. И затея с газификацией была довольно дерзкой — ведь в начале 1970-х природный газ еще пришел даже не

во все районы Московской области. Но райисполком, который возглавлял тогда В. А. Котуков, решил «зацепиться» за то, что магистральный газопровод должен был пройти совсем рядом — в районе Кашар.

«Пробивание» вопроса было поручено молодому и инициативному заместителю председателя райисполкома — В. В. Морозову, имевшему техническое образование. Его облекли полномочиями и снабдили должной материальной поддержкой, во все века полезной при ходатайствах в высоких кабинетах. С порученным Морозов справился. В июне 1971 года проект на прокладку «Задонского» газопровода был, наконец, закончен. Потом было согласование в «Союзгазспецстрое» на включение Задонска в план работ на 1972 год, решение вопросов с поставками труб и иные бесчисленные, но не безрезультатные хлопоты.

А пока, в решении №61 от 14.03.1972 г. «О перепланировке центральной площади г. Задонска», райисполком как бы обобщает первые итоги строительного бума, касающиеся центра города: *«В соответствии с генеральным планом застройки и реконструкции города, в центре города построен ряд двухэтажных административных зданий — райкома партии, типографии, зданий торгового и бытового назначения — Универмаг... Универсам, ателье “Новинка”, строится многоэтажное здание Дома связи. Намечено строительство Дома Советов, гостиницы, библиотеки, кинотеатра, заложен фундамент второго здания Дома быта».*

К концу 1972-го «газопровод подошел к Задонску, а в апреле 1973-го, когда была сдана газораспределительная станция в районе автододрома, состоялся пуск газа. Предварительно по трубе от Кашар до Задонска под давлением 35 атмосфер прогнали так называемый ерш с той целью, чтобы очистить ее от всякого мусора. Зрелище, когда он с шумом вылетал из трубы в районе ГРС, было довольно эффектным», — вспоминал в 2003 году В. В. Морозов.

9 мая 1973 года, во время митинга по случаю Дня Победы, у обелиска памяти павшим в парке Победы зажжен был Вечный огонь, запитанный от подведенной к Задонску «газовой трубы». Торжественное зажжение огня доверено было проживавшему в Задонске Герою Советского Союза Г. Ф. Иванову.

Несколькими днями ранее — 1 мая — в Задонске «было сразу два торжественных события. Сначала, как и полагалось в те годы, отпраздновали День международной солидарности трудящихся, а затем десятки людей пришли в городской парк. Здесь первый день последнего месяца весны ознаменовался торжественным пуском объекта, который вывел Задонский район в лидеры среди сельских районов области по развитию массовой физической культуры и спорта. Объект этот — спортивный зал [ныне — ДЮСШ], сооружение которого в одном из красивейших и уютнейших уголков Задонска заняло отрезок времени длиной в пять лет».

В 1973-ем завершилось наконец и с большим трудом ведшееся строительство Дома культуры на 600 мест.

Первоначально сдать его планировали к 50-летию октябрьской революции. Но подзадержались на 6 лет... И в 1974-ом объект, строившийся вкривь и вкось, торжественно и со вздохом облегчения был сдан.

А далее, уже «при Егорове», согласно народной периодизации местной истории привязывавшей тогда события к именам первых секретарей Задонского райкома КПСС, власть берется за изменение внешнего облика города.

Вот как вспоминал об этом позднее сам бывший первый секретарь Задонского районного комитета КПСС Н. И. Егоров: «Сразу по приезде в Задонск весной 1974 года обратил внимание на то, что город крайне бедно освещен. Как сейчас помню, на центральной улице горела всего одна лампочка у здания милиции. С тогдашним председателем райисполкома В. А. Котуковым с великими трудами нашли денег, стройматериалы и осветили Задонск. Протянулась линия электрических опор от Болховской горы до Тешевского поворота. Райцентр в ночное время приобрел совершенно другой вид.

Следующим этапом стало обустройство улиц. Руководителей организаций, предприятий, учреждений буквально водил за руку по городу и убеждал, что Задонск достоин более приглядного лица. Не было бордюров, так мы их нашли в чистом поле, где находилось великое множество железобетонных столбов и "пасынков" от брошенных электролиний. Не сразу, но появились первые клумбы.

В самом центре города начали сносить ветхие торговые точки и возводить новые. Построили подпорную стенку у торговой площади из природного камня, посадили ели. Благоустроили улицу Крупской по центру города. Я не хочу все это ставить в заслугу только себе. Работали все вместе».

29 октября 1974 года Совет по делам религий при Совмине СССР принял предложение Липецкого облисполкома «О передаче в пользование религиозному обществу в г. Задонске здания Троицкой церкви и об использовании здания Успенской церкви, состоящей под государственной охраной, под музей».

И на основании решения облисполкома № 787 от 23.09.1974 г. и постановления Совета по делам религии при Совете Министров СССР от 29.10.1974 г. Задонский райисполком своим решением № 236 передал Троицкий храм общине собора, а здание Успенского храма — районному отделу культуры под краеведческий музей.

В 1974-ом в Задонске завершают первую пятиэтажку — общежитие местного техникума. Возводит ее, как и многие другие городские объекты того времени, специально созданное для нужд райцентра строительное предприятие — ПМК-226. Активно строят жилье для своих рабочих и иные, неспециализированные предприятия. В частности — ПМК «Липецкводмелиорация» и «Сельхозхимия». Так появляются «пеэмковский» и «химовский» микрорайоны.

Но только ельчане на рубеже и в начале 1980-х сдадут в Задонске две пятиэтажки «под ключ», показав пример местным строителям, после которых новоселы еще долго доводят до ума часто даже неоштукатуренные стены.

Правда, не всех новостройки радуют. По пресловутому плану «Ленгипрогора» застройка ведется внутриквартальная, а значит — у владельцев частных домов отрезают сады и огороды.

Строительный бум, впрочем, не заслоняет роста местной промышленности, хоть и малой, но существующей и дающей существовать своим работникам. После постройки новых мастерских для Задонского техникума электрификации и механизации сельского хозяйства, на базе освободившихся старинных мас-

терских ремесленной школы, организовывается цех Воронежского завода цветных телевизоров — предприятие радиоэлектронной отрасли — завод «Цветрон», первоначально — как объект «номерной», засекреченный. Нарращивает производство специализирующийся на швейной продукции и изготовлении школьной мебели Задонский райпромкомбинат. Такая продукция овощесушильного завода, как смородиновое варенье, томатный соус и кабачковая икра пользуются стабильным спросом, реализуясь успешно даже в магазинах Москвы.

Улицы и городские тротуары покрываются асфальтом. Во многом — усилиями студенческих стройотрядов. Активно ведется прокладка различных городских коммуникаций.

Растет население города. Согласно результатам переписи населения СССР 1979 года число жителей Задонска составило 10 331 (4 957 мужчины и 5 374 женщины).

К началу 1980-х окончательно формируется новый архитектурный облик центра Задонска. Старое максимально снесено, новое, что смогли, построили. Сильно помогает городским и районным властям в успешной «административной» застройке то, что городок у Дона признан годным, чтобы стать резервной базой для областного руководства «на случай ядерной войны». А потому все новые административные здания строятся на совесть — вдруг придется въезжать в их кабинеты начальникам более высокого уровня. Про ядерную войну сегодня подзабыли, а вот добротные, пусть и архитектурно безликие здания служат до сих пор.

В 1982 году открываются двери свежестроенного типового школьного здания на улице Свободы, способного вместить более 1000 обучающихся. Сюда переселяется Задонская средняя школа №1, до того размещавшаяся в зданиях бывшего уездного училища на углу улиц Карла Маркса и Советской, объединенная с ликвидированной «восьмилеткой», занимавшей после войны здания нынешней городской библиотеки.

Районная газета писала 2 сентября: *«К строительству новой средней школы на 1176 учащихся причастны если и не все задонцы, то большая их часть наверняка. Объявленная народной, стройка эта стала кровным делом всех трудовых коллективов*

районного центра. Энтузиазм горожан... вкупе с усилиями строителей Задонской ПМК-226 управления "Липецксельхозстрой" и субподрядных организаций позволили значительно сократить сроки и в канун учебного года преподнести учащимся и учителям замечательный подарок».

А в канун нового, 1983 года, 30 декабря, в Задонске состоялось открытие отдела истории областного краеведческого музея. Около 3-х лет велась реконструкция интерьера бывшей Успенской церкви, где с 1975 года работал местный краеведческий музей, как и все прочее, созданный «хозспособом» — усилиями энтузиастов. В этот раз экспозиция создавалась в соответствии с методологическими требованиями, была выполнена силами сотрудников областного музея, а потому и доньше остается в основе своей актуальной — уже по новому адресу, в «доме Ульриха».

В общем, послевоенные, а вернее — послесталинские десятилетия оказались для Задонска не самым худшим временем его истории, а главное — город сделал-таки шаг вперед в своем развитии. И шаг был широкий. Остановила его перестройка, разморозившая скованную льдом коммунистической идеологии свободу и повергнувшая «застоявшуюся» экономику в необходимый, но так тяжело пережитый и еще переживаемый хаос обновления.

И вновь — у стен монастыря

Можно сколь угодно долго сокрушаться о бедах, которые принесла перестройка Задонску.

Он потерял свою и без того не слишком развитую, но предоставлявшую рабочие места промышленность. Искусственно взращенная в нежелезнодорожном и несырьевом райцентре, местная индустрия была составной частью социального эксперимента, затеянного, чтобы обеспечить всем равные права вместе с равным достатком, и вместе с экспериментом канула в прошлое. Но взамен Задонску был возвращен его исторический градообразующий и градосодержащий элемент — Богородицкий монастырь.

Произошло, это, впрочем, не сразу. В 1985-ом, в первый год перемен, все шло по-прежнему и город наш, открывая грандиозный для райцентра бронзовый памятник вождю мирового пролетариата В. И. Ленину, еще не понимал, что «икона коммунизма», канонически простирая руку в светлое будущее, благодаря особенностям местной топографии вовсе не случайно указывает именно на руины монастыря. Ленин, который любил, чтобы было «всерьез и надолго», направление городу указал правильное, проверенное историей — возрождайте, товарищи, монастырь и не пропадете...

Проект устройства в Задонске новой площади на месте пустыря между бывшим Успенским собором и зданием узла связи начал реализовываться с 1983 года. Именованная площадь предполагалась «Административной». Архитектурную часть взяла на себя группа специалистов во главе И. М. Студеникиным. Игорь Михайлович, кстати, автор не одного аналогичного проекта. В частности — в столице Эфиопии. Как и в Задонске, площадь Студеникина обрамляла бронзовый памятник Ленину (ныне демонтированный).

У нас в Задонске к превращению «Административной» площади в «площадь Ленина» привела хулиганская выходка в начале 1980-х двух ранее судимых горожан, разбивших гипсовую статую вождя, стоявшую в сквере на углу улиц Ленина и Крупской. После крушения гипсового вождя, в центре нынешней Торговой площади (на месте фонтана) был временно установлен гипсовый бюст Владимиру Ильичу и заказан более капитальный проект. Реализован он был маститым советским скульптором Ф. Д. Фивейским — автором собственно памятника, который и был открыт 25 ноября 1985 года.

Столичный проект был хорош на рисунках, а в итоге выполнен все тем же методом «народной стройки» из случайных материалов, раздобытых «хозспособом». Капитальными оказались сам бронзовый памятник и постамент, да базальтовые плиты «из далекой Армении» его обрамляющие. Сметная стоимость предусмотренного проектом объема работ составляла в действовавших на тот момент ценах 160 тысяч рублей.

Три года свежестановленный Ильич указывал на ветшающий Владимирский собор Богородицкого монастыря. И наконец, вместе с потеплением отношений государства и Русской Православной Церкви, только что полуофициально отметившей свое Тысячелетие, на гибнущий памятник архитектуры обратили внимание. После публикации в районной газете «Донская правда» письма ветерана труда М. Т. Подкопаева «Что потомки скажут?», задонцы активно поддержали идею реставрации собора. В номере «Донской правды» от 14 мая 1988 года было опубликовано сообщение об открытии целевого счета для сбора средств на ремонт здания Владимирского собора. Подключилась и Церковь.

В том же мае бригада строителей-реставраторов во главе с Н. Д. Телегиным, направленная в Задонск по личному распоряжению митрополита Воронежского и Липецкого Мефодия (Немцова), начала ремонт Владимирского собора. Попечение об организационных вопросах, связанных с осуществлением ремонта Владимирского храма, было возложено на приход Троицкой церкви г. Задонска, настоятелем которого с 1976 г. являлся протоиерей Владимир Игнатьевич Кондратюк (Феофан — в схиме). И вплоть до 1990 года Троицкий храм оставался центром деятельности Воронежско-Липецкой епархии и верующих Задонска по возрождению Богородицкого мужского монастыря.

23 августа 1989 года председателем Липецкого облисполкома В. В. Донских было подписано решение *«передать, как исключение, здание Владимирского собора Богородицкого Задонского мужского монастыря в ведение религиозной общины Свято-Троицкой церкви города Задонска для восстановления и использования по назначению»*.

К 26 августа 1990 года — дню ежегодного молитвенного поминовения святителя Тихона, епископа Воронежского и Елецкого, чудотворца Задонского, Владимирский собор, в основном отремонтированный и приведенный в порядок* заметно помолодел, убранный изнутри свежей травой, устелившей пол, и ис-

* За 2 года реставрационных работ храм было полностью перекрыт, оштукатурен снаружи, частично покрашен.

кусно сплетенными растительными гирляндами, протянувшись между колонн. Появились на стенах иконы, затеплились свечи. Парадность происходившему придавали золотого шитья ризы десятков священнослужителей, принимавших участие в богослужении. Освящение алтарной части Владимирского собора состоялось 25 августа 1990 года, с утра.

А по прибытии митрополита Воронежского и Липецкого Мефодия и именитого гостя — архиепископа Саратовского и Вольского Пимена (Хмелевского), в 16.00 того же дня началось всенощное бдение с чтением акафиста св. Тихону, продлившееся около четырех часов.

Следующий день, 26 августа, ознаменовался служением литургии по случаю дня памяти святителя Тихона, и крестным ходом вокруг собора. Непосредственно в служении было занято более 60 священников и дьяконов. За отсутствием разрушенной в советские времена колокольни, смонтировали походную, так сказать, звонницу, привезя несколько колоколов из Воронежа и одолжив у Свято-Троицкой церкви.

В том же 1990-м году город Задонск получил статус «исторического», как оказалось, реально ни к чему не обязывающий, зато осложнивший в перспективе застройку и капитальный ремонт, связанные со сносом или реконструкцией зданий, датируемых «до 1917 года».

А на исходе 1990-го задонцы послевоенных поколений познакомились с отпуском «товаров по талонам». В стране с декабря были введены «талоны по продаже растительного и животного масла, жиров и маргарина, макаронных и крупяных изделий, сигарет, папирос, спичек».

Год следующий — 1991-й — вновь принес духовную радость и утешение — в возрождающийся Задонский монастырь вернулись мощи святителя Тихона, пребывавшие в Орловском краеведческом музее, а в 1988 г. переданные Орловской епархии.

Перенесение мощей св. Тихона в Задонск состоялось 26 августа 1991 года.

На торжества съехалось около 3 тысяч паломников. Только автобусов типа «Икарус» было более 20. А вместе с горожанами, при-

шедшими на торжество, общее число побывавших в тот день в Богородицком монастыре превышало 5 тысяч.

Улица Коммуны, бывшая Монастырская, по которой двигался к обители крестный ход с мощами, была заполнена народом, желавшим соприкоснуться с таинством возвращения некогда отнятой святыни.

Задонск почтил визитом митрополит Воронежский и Липецкий Мефодий, которому сопутствовали три архиерея: архиепископ Саратовский и Вольский Пимен (Хмелевской), архиепископ Рязанский и Касимовский Симон (Новиков) и епископ Орловский и Брянский Паисий (Самчук). Они и совершили, в сослужении, Божественную Литургию в этот святой день.

По завершении торжеств, возвращенная Задонскому Богородицкому монастырю святыня обрела покой в специально устроенной раке, украшенной чеканной латунью, под балдахином, осеняемая сохраненной стараниями верующих и городского духовенства иконой с изображением святителя Тихона — той самой, что некогда занимала именно это место — у раки с мощами во Владимирском соборе.

В конце 1991 года в Задонском районе, как и в целом по области, был осуществлен переход к новому механизму административного управления. В соответствии с Указом Президента РСФСР от 22 августа 1991 года «О некоторых вопросах деятельности органов исполнительной власти в РСФСР», постановлением главы администрации Липецкой области от 11 ноября 1991 г. №4 деятельность райисполкомов была прекращена, а исполнительно-распорядительные функции государственного управления в районах переданы администрациям районов.

Зимой 1992 года был утвержден гражданский устав возобновленной в Задонске старинной иноческой обители, возрожденной под новым названием: «Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь».

В 1993 году местную власть ждала новая реорганизация, затронувшая и городское управление

Этому предшествовало противостояние президента страны Б. Н. Ельцина и Съезда народных депутатов и Верховного Со-

вета РФ, закончившееся 4 октября 1993 года расстрелом из танковых орудий «Белого дома», где заседали депутаты.

В этот день «демократическая общественность» на скорую руку собрала у задонского «Универмага», ступени которого и стали своеобразной трибуной, митинг в поддержку расстрела парламента. Власть его проигнорировала, а поглазеть на десяток организаторов, обрушивавших невнятные обвинения в адрес «коммунистов» собралось с полсотни любопытствующих горожан. Продолжалось это действие около часа и политических последствий не имело.

А вот события в Москве привели к упразднению системы «Советов» всех уровней — в том числе и городского в Задонске. В октябре 1993-го, постановлением главы администрации района (во исполнение соответствующего Указа Президента) был ликвидирован городской Задонский Совет народных депутатов. А через пару месяцев, *«в январе 1994-го аналогичным постановлением (на сей раз — по рекомендации "из области") была ликвидирована и городская администрация».*

Управление городскими делами отошло к соответствующему отделу районной администрации. Слова «горсовет» и «горисполком» исчезли из повседневного лексикона задонцев. Ответственность за решение городских проблем взяла на себя власть районная в лице главы администрации. Первым в этой роли решать вопросы управления городским хозяйством пришлось В. Н. Первееву, занимавшему должность районного главы с 1991 по 1995 годы.

Время было экономически крайне тяжелое, а потому мало что дало Задонску в плане материальном.

Чтобы закончить в 1993 году строительство 27-квартирного дома по ул. Советской пришлось искать спонсоров. На 1994-й наметили еще один такой же — по соседству, но завершение строительства затянулось еще три года.

С новостройки 1993 года квартиры уже не «распределяют» как раньше. Из 27 квартир городским очередникам достались лишь 7, остальные были приобретены на коммерческой основе. Кроме того, буквально накануне нового, 1994 года, удалось сдать дет-

сад на 140 мест на улице Карла Маркса. Помогало достраивать его АО «Задонскагросервис».

Зато с 1994 года у Задонска появился свой День. Впервые его отпраздновали по случаю 215-летия екатерининского указа о даровании городского статуса. Отмечали в субботу, 24 сентября. На Торговой площади шумела областная ярмарка. *«Особенно красивы и нарядны были ряды, оформленные работниками торговли Задонска - это на улице Советской и "Обжорные ряды" около универсама»*. Выступала самодеятельность в ярких костюмах, были устроены выставки работ мастеров-земляков — художника А. Т. Давыдова и искусного резчика по дереву И. М. Пономарева.

В канун Нового года — 1994-го — «многие задонцы были приятно удивлены необычайным для нашего города зрелищем» — высокие голубые ели в центре Задонска «сияли гирляндами разноцветных огней». Как пояснил начальник городского предприятия ЖКХ А. Т. Числов, в канун новолетия гирлянды были специально приобретены для того, чтобы «украсить не только традиционную елку на городской площади, но и ее "сестер", которые много лет стоят в центре города». С тех пор новогодняя иллюминация в Задонске становится привычной. Инициативу ЖКХ с каждым годом поддерживают уже не только предприятия и организации, но и задонцы, не жалеющие средств на праздничную иллюминацию. Этому способствует ставший традиционным городской конкурс на лучшее оформительское решение к Новому Году и Рождеству.

Год 1996 ознаменовался событием, придавшим особую значимость Задонскому Богородицкому мужскому монастырю — эта обитель была определена в качестве резиденции епископа Задонского. Таковым 31 марта стал архимандрит Никон (Васин), в должности наместника монастыря окормлявший братию Богородицкой обители с 1991 года.

В 1996-ом завершились отделочные работы на возобновленной монастырской колокольне. По весне увенчанная крестом, к лету она была оштукатурена. Шпиль покрыли листовым металлом с титановым напылением, создающим эффект позолоты. Высота шпиля, завершающегося 5-метровым крестом, — 22

метра (при общей высоте колокольни 83 метра). В верхнем ярусе установлены электромеханические куранты, изготовленные Санкт-Петербургским специализированным предприятием ТОО «Таймтронс». Диаметр циферблата курантов 2 метра.

А квартировавший с 1930 года в монастырских помещениях овощесушильный завод, с 1988-го постепенно возвращавший их вернувшимся хозяевам в рясах, окончательно покинул территорию монастыря. А с ней — и Задонск.

С 1977 года бывший филиалом Грязинского пищекомбината, «в связи с уменьшением объемов по выработке пищевых концентратов, для производства которых используются сушеные овощи, в 1996 году Задонский овощесушильный завод прекратил свою деятельность».

На исходе 1996 года, в конце октября, торжественно была сдана первая очередь нового больничного комплекса, первоначально возводившегося как госпиталь ветеранов войны и труда.

Подводя итоги 1996 года, глава района А. И. Свиридов (занимавший эту должность с 1995 по 1999 годы) сообщал: «В районном центре немало сделано по ремонту канализационного коллектора, установлены две водонапорные башни в районе автодрома». А уже перед 1997-м был сдан новый 70-квартирный дом на улице Коммуны (шестиэтажка на «семи ветрах»).

Летом 1997 года, 28 июля, главой администрации Липецкой области М. Т. Наролиным было подписано постановление «О передаче культовых зданий и сооружений Воронежско-Липецкой епархии», которым «де-юре» закреплялось положение, существовавшее до тех пор лишь «де-факто».

«В соответствии с обращениями наместника Задонского Богородицкого монастыря епископа Никона и в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 14 марта 1995 года №248 “О порядке передачи религиозным объединениям относящегося к федеральной собственности имущества религиозного назначения”» вышеупомянутое постановление передавало Воронежско-Липецкой епархии «для использования по первоначальному назначению» весь исторически сложившийся комплекс построек бывшего Задонского Богородицкого первоклассного

мужского монастыря, располагающийся по адресу: г. Задонск, ул. Коммуны, д. 14.

Парой месяцев ранее подписал М. Т. Наролин и еще один документ, задонцев совсем не обрадовавший: «Постановление главы администрации Липецкой области от 13.05.1997 №223 "Об областном училище культуры"».

Пункт 1-й постановляющей части гласил: *«Перевести областное училище культуры из г. Задонска в г. Липецк»*, а пункт 5-й — *«Управлению труда и занятости (И. А. Лапыгин) совместно с администрацией Задонского района (А. И. Свиридов) принять меры по трудоустройству работников училища культуры, которые не смогут переехать на новое место его размещения»*.

Так закончилась история областного училища культуры в городе Задонске.

Время созидания

И, пожалуй, потеря культпросветучилища стала последней серьезной потерей Задонска в результате перестройки.

С тех пор в жизни города явно просматриваются две вполне конструктивные тенденции.

Одна связана с результатами мер, которые принимают федеральные, региональные и местные власти по исправлению промахов и ошибок «времени перемен». А вторая, для Задонска исторически естественная, обусловлена тем, что перестройка, отняв у Задонска многое, вернула ему главное — Задонский Богородицкий монастырь, а за ним — и другие некогда славные среди богомольцев монастыри «Русского Иерусалима».

К 1998 году в Задонском Рождество-Богородицком мужском монастыре числилось 100 насельников, включая около двух десятков монашествующих в схиме и мантии.

Главным событием 1998 года для Задонского Рождество-Богородицкого монастыря стал визит Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II (Ридигера), состоявшийся в рамках поездки Предстоятеля Русской Православной Церкви по Воронежско-Липецкой епархии.

16 ноября 1998 года Алексей II ступил на землю, освященную молитвенными трудами и подвигами святителя Тихона, епископа Воронежского, чудотворца Задонского. Святейший, сопровождаемый митрополитом Воронежским и Липецким Мефодием, был встречен наместником Задонского монастыря, епископом Никоном (Васиным).

На паперти Владимирского собора, у дверей храма, Предстоятеля с хлебом-солью почтительно ожидали насельники Задонской обители. Патриарх остановился, преломил и отведал поднесенный каравай.

Далее процессия последовала внутрь, под своды, осеняющие место упокоения чудотворных мощей святителя Тихона. Здесь Алексей II, поклонившись святыне, прочел молитву св. Тихону. Затем Святейший прошел в алтарь и поклонился Святой Святым, поцеловав на престольный крест.

Уже во Владимирском соборе от имени братии обители епископ Никон вручил Святейшему Белевскую икону Пресвятой Богородицы — образ старинного (конца XVIII века) письма. Поднесен был Алексею II и еще один предмет старинной художественной работы — портрет князя Юрия Долгорукого, чеканенный по серебру. В ответ Патриарх благословил принявшую его обитель иконой Преображения Господа Иисуса Христа.

Проводив Предстоятеля Русской Православной Церкви, насельники Задонского Богородицкого монастыря, получившие благословение трудов своих из уст Святейшего, с особым вдохновением продолжили возрождение утраченного.

С возвращением в городскую жизнь монастыря, Задонск вернул прежнюю известность как центр религиозный, привлекая паломников и туристов. Это и заставляет руководство Липецкой области уделять непромышленному Задонску особое внимание на благо и городу, и его жителям.

А к счастью для нашего региона в целом и Задонского района в частности, обновившееся в 1998 году руководство Липецкой области еще раньше общероссийского взяло курс на нейтрализацию и сдерживание особо негативных последствий особо поспешных реформ 1990-х.

12 апреля 1998 году на выборах главы администрации Липецкой области О. П. Королев, с тех пор бессменно возглавляющий исполнительную региона, получил 79,38% голосов. Руководимая им администрация, поддержанная на местах, немало сделала для развития районных центров за последнее уже более, чем десятилетие. При этом Задонску, как центру духовному, уделялось и уделяется особое внимание.

Хотя путь к зримым переменам, как и по всей стране, был не прост. Еще в апреле 1999 года директор Задонского коммунального предприятия (МПП ЖКХ) А. Т. Числов так отвечал читателям «Задонской правды» на вопрос о ситуации в подведомственной ему сфере: *«Ямочный ремонт и чистку улиц с помощью единственной оставшейся на ходу плужно-щеточной машины проводить будем. В последние годы на нашу службу требовалось 10 миллионов рублей, давали только 2. Этого очень мало. А строить дороги совсем не на что»*. Была лишь высказана надежда, что с помощью областных средств получится «хотя бы дорогу по улице Советской достроить» (ее реконструкция была начата к тому времени).

Но уже в апреле 2000 года районная газета отмечает, что *«За последние два года немало сделано, чтобы райцентр наш преобразился. Уложен асфальт на Торговой площади и части прилегающей к ней улицы Крупской, ведется реконструкция улицы Советской, началась реконструкция Каменной Горы, к которой примыкает храм Живоносного источника»*.

А начальник отдела архитектуры и капитального строительства В. Д. Бурцева тогда же обозначила *«узловые направления работы, по которым надо двигаться, чтобы уже в текущем году, который является рубежным на пути во второе тысячелетие, Задонск существенно преобразился. Это и обустройство въездов в город, и высадка цветов по улице Советской, устройство клумбы на площади, где установлен памятник Ленину, приведение в надлежащее состояние площади между церковью Успения и районным узлом связи, обустройство зоны отдыха в районе храма Живоносного источника. К этому надо добавить обязательное завершение ремонта здания музея в доме Ульриха и раз-*

бивку здесь аллеи Славы, ремонт стены Каменной горы, завершение благоустройства улицы Советской».

В число приоритетов, заявленных тогдашним «главным архитектором», вовсе не случайно попала старинная Каменная гора. Эта задонская достопримечательность так обветшала, что ее опорные стены который год осыпались чуть ли не после каждого приличного дождя.

Уже к маю наиболее пострадавшую западную опорную стену силами МПП ЖКХ частично укрепили, смонтировав заново из фундаментных бетонных блоков. В следующем году работа была продолжена. В итоге крепости это сооружению придало, а вот с эстетикой на долгие годы стало совсем плохо. Регулярная побелка не могла скрыть явную лоскутность старой привычной «Каменки», превратившейся в уродливое сочетание изначального, от первостроителей, тесаного известняка, разновременных советских кирпичных заплаток, и свежей, поистине мегалитической, железобетонной кладки.

Практически одновременно развернулось масштабное обустройство участка берега Тешевки от улицы Карла Маркса до Каменной горы вдоль южной стороны монастыря. Силами ДСФ-5, строившей объездной участок трассы М-4 «Дон», в счет налоговых платежей в районный бюджет, летом 2000 года была проложена отличная асфальтовая дорога к возрожденному усилиями черноризцев храму Живоносного источника и роднику, чья вода считается святой.

К осени завершилось и благоустройство «дорожниками» улицы Советской.

Явные подвижки к лучшему в деле благоустройства районного центра позволили местной власти обратить взор не только на неотложные внутригородские проблемы, но и в совете с общественностью повести разговор о серьезных мерах по дальнейшему приданию современного облика Задонску.

Уже в самом начале 2001-го, 5 марта, в районном Доме культуры состоялась встреча с горожанами главы администрации Задонского района Ю. Н. Божко (возглавлял районную администрацию в 1999-2003 гг.), вылившаяся в диалог власти и задонцев,

в том числе, и по проблемам перспектив благоустройства районного центра.

Плоды этого диалога оказались весьма конструктивны – в конце февраля 2002-го стали известны итоги областного конкурса на лучшее оформление территорий городов к новогодним и рождественским праздникам. Задонск занял III место и был отмечен денежной премией. Понятное дело, это было признанием не только удачного размещения новогодних гирлянд, но и в целом – работы по благоустройству городской территории. Особую изюминку в облик центра города внес декорированный диким камнем фонтан на Торговой площади, открытый 23 сентября, в канун Дня города 2001 г.

Новый, 2002-й год принес не только лестную для города награду, но и порадовал всех жителей района завершением работ на строительстве здания поликлиники Центральной районной больницы. 6 ноября состоялось его открытие. На торжества приезжали губернатор области О. П. Королев, председатель областного Совета депутатов А. И. Савенков, главный федеральный инспектор А. Н. Ларин.

7 мая уже 2003 года Священный Синод Русской Православной Церкви своим постановлением образовал епархию Липецкую и Елецкую. Временное, а с 26 декабря и постоянное управление епархией Синод поручил наместнику Задонского Богородицкого монастыря епископу Задонскому Никону (Васину), викарию Липецкой епархии, ставшему епископом Липецким и Елецким.

И древняя Задонская обитель – крупнейший монастырь новооснованной епархии – была избрана правящим архиереем в качестве загородной резиденции. Теперь уже как священноархимандрит Рождество-Богородицкого мужского монастыря владыка Никон продолжил труды, которыми старинная обитель была возрождена из руин, обретая былое величие.

23 мая 2003 г. 26-я сессия Задонского районного Совета депутатов назвала первых почетных граждан города Задонска. Ими стали: бывший директор Задонского лесхоза Н. П. Рыжков и бывший хирург районной больницы В. В. Самбикин.

В 2004-м районный суд справил новоселье, разместившись в капитально отремонтированном здании, изначально построенном в советское еще время для управления сельского хозяйства, а затем на несколько лет приютившем налоговую инспекцию. Отмечалось, что *«здесь просторные залы заседаний и кабинеты. Созданы комфортные условия и для посетителей»*.

Продолжалась реализация комплекса проектов, направленных на поддержку и развитие массового спорта. В Задонске строятся плавательный бассейн, лыжная база, модульный спортивный зал городской средней школы №2.

Год 2005-й ознаменовался активной работой по благоустройству районного центра. К уже уложенному асфальтовому покрытию современного городского дизайна по улице Советской с выходом на улицу Карла Маркса, решено было добавить аналогичный участок по той же ул. К. Маркса, на участке от улиц Коммуны до Рабочей.

А липецкая фирма «Пересвет» начала работу по благоустройству правого берега Тешевки на участке от Святого источника до «Мойки». В итоге этот уголок с фонарями под старину, декоративной отмосткой и ажурными скамейками стал одним из красивейших в райцентре.

Но с капитальной реконструкцией Каменной горы у этой же фирмы не заладилось. Необходимые средства, были выделены из областного бюджета, но исполнение работ передоверили набранным в Задонске строителям, не имевшим достаточного опыта и навыков для должного выполнения задачи такой сложности, а потому через несколько лет проект пришлось завершать другому подрядчику.

2005 год подарил Задонску два новых памятника-символа. 26 августа, в день поминовения святителя Тихона, епископа Воронежского, чудотворца Задонского, на территории Рождество-Богородицкого монастыря открыт был памятник «Российскому Златоусту» работы воронежца Ивана Дикунова. А 24 сентября, в День города, в Задонске торжественно открыли памятник Матери – Марии Матвеевне Фроловой, выполненный по проекту липчанина Юрия Гришко.

Главным же политическим событием 2005 года стало возвращение районному центру городского самоуправления.

Еще 4 августа состоялось постановление территориальной избирательной комиссии о назначении на 16 октября выборов депутатов Совета депутатов г. Задонска и главы города.

И в назначенный день состоялись выборы главы администрации Задонска и депутатов городского Совета. Главой города был избран А.Т. Числов. А 8 ноября состоялась первая сессия 1-го созыва Совета депутатов г. Задонска Задонского района Липецкой области, завершившая формирование городской власти. Председателем горсовета избран был Ю. Д. Седов.

Впрочем, это событие не сняло полностью с администрации района ставшей для нее уже привычной заботы о городских проблемах. Решение наиболее значимых и дорогостоящих вопросов осталось в компетенции власти районной. Ее к тому времени возглавлял В. В. Бесперстых, сменивший в 2003 году на посту главы администрации Задонского района Ю. Н. Божко, назначенного заместителем главы исполнительной власти области.

На финише 2005 года – 23 декабря – в Задонске в торжественной обстановке были открыты плавательный бассейн «Янтарь» и детский реабилитационный центр «Надежда». Реабилитационный центр разместился в отремонтированном с учетом архитектурных особенностей старинном здании Задонского земства, по сути дав ему вторую жизнь.

Год 2006-й стал для Задонска и района годом, открывшим новую перспективу развития. Еще в начале сентября в Липецкой области начался конкурсный отбор заявок на создание особых экономических зон регионального управления. Задонский район был заявлен в числе претендентов на создание особой экономической зоны туристско-рекреационного типа.

А 13 декабря специальная комиссия под председательством заместителя главы администрации Липецкой области Л. В. Кураковой утвердила проекты двух особых экономических зон туристско-рекреационного типа регионального уровня, запланированных на территории Елецкого и Задонского районов. Создаваемая на территории нашего района получила наименование «Задонщина».

В этом же году уже всерьез заявил о себе, как полноправном участнике городского развития, частный капитал, до того в основном представленный магазинами «шагового доступа», киосками и тому подобными мелкими торговыми предприятиями. 6 октября в Задонске в торжественной обстановке был открыт филиал Липецкой сети универсамов «Корзинка».

С этого события началась реализация широкомасштабных проектов частного предпринимателя из Задонска Ю. В. Мишустина, постепенно создавшего в городе целый ряд торговых площадок современного уровня (первой из которых стал торговый центр «Карат», принявший «Корзинку»). Благодаря чему Задонск стал привлекателен для серьезных торговых операторов – в том числе, и общероссийского значения.

А уже первые дни 2007 года принесли радостную весть: принято окончательное решение об утверждении проекта по созданию на базе нашего района особой туристско-рекреационной экономической зоны «Задонщина».

25 января в администрации района состоялось совещание, посвященное практической реализации нового законодательства о рынках. Стало ясно, что традиционный рынок с Торговой площади Задонска будет перенесен. Что впоследствии и случилось. Усилиями все того же Ю. В. Мишустина ко Дню города новый рынок был готов. Вместе с прилегающим торговым комплексом «Карат» он образовал безусловно доминирующий в районном центре торговый комплекс.

В 2007-ом традиционный День города отмечали 29 сентября. Правда, вполне обычным назвать его трудно. И не только потому, что коммунисты решили накануне покрасить в золотистый цвет до того черно-бронзовую статую В. И. Ленина на центральной городской площади. И даже не только потому, что именно в этот день был официально открыт (с участием правящего архиерея Липецкой и Елецкой епархии владыки Никола) новый городской универсальный рынок подле «Корзинки» (ныне «Пятерочки»).

Более всего впечатлил задонцев установленный здесь же, неподалеку, на монументальном постаменте, вполне натуральный

истребитель МИГ-23. Хотя мнения по поводу этого памятника разделились, это – своего рода память о летчиках, «работавших» в войну с местных взлетных полос.

Несколькими месяцами ранее – 22 июня, ровно в 4 часа утра, на опушке «Горелого леса», где в годы Великой Отечественной базировалась 223-я дальнебомбардировочная авиадивизия Второй воздушной армии, был торжественно открыт памятник-обелиск погибшим летчикам. Работу по установке памятника выполнили ребята из Задонской детско-юношеской спортшколы под руководством тренера В. И. Богданова.

На 2008-й год пришлось очередные выборы главы администрации Задонского района. Состоялись они 2 марта. 72 процента избирателей поддержали Г. И. Мосолова.

Новоизбранный глава района и председательствовал на состоявшихся 16 июля 2008 г. публичных слушаниях по обсуждению «Генерального плана, проекта планировки, правил землепользования и застройки г. Задонска». На слушаниях присутствовала главный архитектор Липецкой области Б. П. Канцане. О проделанной работе собравшимся в зале представителям общественности доложила главный инженер ОАО «Воронежпроект» Е. М. Иванова, представлявшая коллектив авторов нового Генплана. И участники слушаний рекомендовали Совету депутатов Задонского муниципального района утвердить «Генеральный план, проект планировки, правила землепользования и застройки г. Задонска» с учетом озвученных и одобренных собранием предложений.

Этот масштабный проект был выполнен с учетом потребности не просто превращения Задонска в современный райцентр, а обозначения перспектив развития нашего города как центра туристско-рекреационной экономической зоны регионального уровня «Задонщина».

И на очередной сессии, состоявшейся 19 сентября, своим решением №51 «О проекте “Генеральный план, проект планировки, правила землепользования и застройки города Задонска”» районный Совет депутатов утвердил новую «дорожную карту» развития г. Задонска.

Согласно справке городской администрации, в 2008 году численность городского населения составляла 10 500 жителей. Поселение является дотационным. Собственная доходная база была «чуть более 16%» при том, что в 2008 г. бюджет города составил 42,9 млн.

2009-й стал годом реальных шагов в плане формирования особой экономической зоны туристско-рекреационного типа «Задонщина». В реализацию этого крупного инвестиционного проекта было вложено более 50 млн. рублей, изрядная часть которых досталась и на долю Задонска.

А тем временем полным ходом шла подготовка к 400-летию юбилею Богородицкого монастыря*.

Епископ Липецкий и Елецкий Никон, основываясь на изысканиях последних лет в области церковного краеведения и на мнении по этому поводу, высказывавшемся еще иеромонахом Геронтием, обратился к Святейшему Патриарху Московскому и Всея Руси, испрашивая благословения на устройство в 2010 году соответствующих торжеств по церковному чину. Ознакомившись с предложенными его Первосвятительскому вниманию соображениями, Святейший Патриарх Кирилл признал их заслуживающими доверия и благословил отметить 400-летие Задонского Богородицкого монастыря 26 августа 2010 года, в день общецерковного поминовения святителя Тихона, Чудотворца Задонского.

Не осталась в стороне и светская власть. Губернатор Липецкой области Королев сразу поддержал это благое начинание. И, после того как было получено благословение Святейшего, 21 января 2010 года подписал распоряжение «О праздновании 400-летия Задонского Рождество-Богородицкого мужского монастыря». Этим документом был утвержден состав особой рабочей группы по подготовке и проведению юбилейных мероприятий, посвященных 400-летию. Возглавил ее первый заместитель гла-

* Штатными насельниками обители на 31 декабря 2009 г. числились: 1 епископ (настоятель - епископ Липецкий и Елецкий Никон), 4 игумена, 26 иеромонахов, 12 иеродиаконов, 3 схимонаха, 37 мантийных монахов, 21 рясофорный монах, 27 послушников.

вы администрации области Ю. Н. Божко, в бытность свою главой Задонского района немало сделавший для возрождения старинной обители.

В воскресенье, 14 марта 2010 г., в Задонском районе, как и во всей Липецкой области, прошли муниципальные выборы, в ходе которых избирались главы городского и сельских поселений, а также депутаты Задонского городского и сельских Советов депутатов. На выборах главы городского поселения города Задонска победу одержал кандидат от «Единой России» В. Н. Калугин. Одной из первых масштабных задач, которые пришлось решать новому городскому главе при активной поддержке районной власти, стала подготовка к 400-летию монастыря.

Во исполнение упомянутого выше распоряжения главы области, городу Задонску были выделены средства, за счет которых была основательно приведена в порядок территория, примыкающая к монастырю-юбилею. На тротуарах и спуске по Каменной горе, искусно облицованной «под дикий камень», появилась узорная плитка.

Город не случайно прихорашивался ко дню знаменательного юбилея — ведь, как населенный пункт, рос он почти год в год вместе с монастырем. И четырехсотлетие обители фактически было и четырехвековым юбилеем Задонска.

26 августа Задонск посетил Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл, принявший участие в торжествах по случаю 400-летия Задонского мужского Богородицкого монастыря.

Патриаршее богослужение было назначено на 9.30 утра. К этому времени монастырская площадь была просто-таки запружена народом. Порядок поддерживался караулом из казаков Всевеликого войска Донского и светскими силовыми структурами. На разных участках, в общей сложности, было задействовано около 500 сотрудников УВД Липецкой области. Так что приподнятое настроение совмещалось с благоговейной тишиной в ожидании Первосвятителя.

И вот под приветственный благовест, разнесшийся с монастырской колокольни, Патриарший кортеж приблизился к главным Святым вратам Богородицкой обители. Честь первым при-

ветствовать Патриарха Кирилла, вышедшего из лимузина с патриаршим штандартом, предоставлена была богородицкому иеромонаху Даниилу (Шатову), вручившему Предстоятелю, от имени священноархимандрита и братии, великолепный, со вкусом составленный букет красных роз.

Далее, до врат в основании колокольни, осеняемых восстанавливаемым ныне храмом во имя святителя Николая, чудотворца Мир Ликийских, Патриарха Московского и всея Руси сопровождали встретившие его схиархимандрит Илий (Ноздрин) — духовник Святейшего и духовник Оптиной пустыни, а также секретарь Липецкой и Елецкой епархии протоиерей Василий Бильчук. К ним присоединились светские руководители Липецкой области — глава администрации региона Олег Королев и председатель областного Совета депутатов Павел Путилин. Участвовало во встрече Святейшего и руководство Задонского района и города Задонска.

Под сводами монастырских врат Его Святейшество встречали архиереи, собравшиеся для сослужения в Задонске: управляющий делами Московской Патриархии митрополит Саранский и Мордовский Варсонофий (Судаков), митрополит Воронежский и Борисоглебский Сергей (Фомин), руководитель Административного секретариата Московской Патриархии епископ Солнечногорский Сергей (Чашин) и епископ Липецкий и Елецкий Никон (Васин).

Положенным чередом было совершено Патриаршее богослужение. И, надо заметить, что, как отмечали позднее многие, в храме царил особая атмосфера духовного единения. Неспешный, сильный голос Святейшего, его молитвы и благословения умиротворили и соединили всех не только в храме, но и за его стенами. Яркие солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь окна алтаря, освещали храм.

Все слилось в единой гармонии: переливающиеся в лучах солнца парчовые одежды священнослужителей, их степенные возгласы, струящиеся волны каждений и, как бы с небес, — льющееся божественное пение хора. У многих на глазах сверкали слезы радости и умиления.

По окончании литургии рака с честными мощами святителя Тихона крестным ходом была изнесена из Владимирского собора и поставлена у памятника Задонскому Чудотворцу.

Здесь Патриарх Кирилл совершил молебен святителю Тихону. Затем Святейший обратился к собравшимся с Первосвященительской проповедью. В своем прочувствованном слове, не оставившем равнодушными внимавших ему, Предстоятель высоко оценил духовный подвиг святителя Тихона Задонского и значение его праведной жизни для всех нас в нынешнее весьма непростое время.

В заключение монастырю-юбилею Святейший Патриарх даровал Оршанскую икону Божией Матери с памятной надписью. Богомольцам же, от имени Предстоятеля, были розданы образки святителя Тихона с Патриаршим благословением.

Перед тем как покинуть Богородицкий монастырь, Патриарх Московский и всея Руси Кирилл соблаговолил разделить с братией обители, благотворителями и почетными гостями праздника братскую трапезу. Во время вкушения трапезы, как обычно, читалось житие святителя Тихона.

2 октября в Задонске прошли мероприятия, посвященные Дню города и района.

В торжественной обстановке в городе были открыты отреставрированная Каменная гора и современный гостиничный комплекс, возведенный на месте совсем обветшавшего дома № 13 по ул. Коммуны, некогда служившего монастырской певческой, а потом переделанного под многоквартирное жилье. Назвали новую гостиницу просто: «Задонск». Что же касается самого здания, то оно весьма украсило эту часть города, став достойным дополнением монастырскому комплексу и «Дому Ульриха».

Не случайно в рамках регионального профессионального состязания архитекторов «Золотая капитель» за 2010-2011 годы автор проекта — липчанин А. К. Николюкин — был удостоен серебряного диплома.

Год 2011-й открылся сдачей в эксплуатацию восьмиквартирного жилого дома по улице Рабочая, где ключи от квартир получили семьи, проживающие в аварийных домах. При всех эконо-

мических нюансах рыночной экономики, районная и городская власть, при поддержке из областного центра, не снимают с повестки дня социальную составляющую жилищного строительства...

В 2011 году липецкая фирма «Эверест», старательными руками рабочих из Средней Азии, до того преобразив улицу Коммуны и Каменную гору, успешно продолжила реконструкцию уже административного центра города.

И когда 24 сентября в Задонске прошли праздничные мероприятия, посвященные Дню города и района, завершился праздник на полностью реконструированной Торговой площади с обновленным, теперь уже светомузыкальным фонтаном.

В канун 2012 года распахнул свои двери многофункциональный центр по оказанию государственных и муниципальных услуг, с тех пор ставший привычным жителям города и района. В ходе 2012 года был открыт наисовременнейший торговый центр «Сити Молл», ряд ключевых улиц старой застройки или получил впервые асфальтовое покрытие, или оно, обветшавшее, было полностью реконструировано. Продолжается замена тротуаров в центральной части города. Здесь же выросло симпатичное, оригинальной архитектуры кафе...

еж тем, время созидания для все молодеющего города с четырехвековой историей, как видят сами задонцы, на этом не остановилось. Так хорошо Задонск не выглядел ни перед Первой Мировой войной, породившей революцию, ни перед перестройкой, породившей Ельцина с равно разрушительными последствиями. Есть чем удивить гостей...

А что их стоит ждать в числе все большем, доказывают туристические объекты, все плотнее окружающие районный центр. Туристско-рекреационная зона «Задонщина» обретает реальные черты. «Сафари-парк» близ села Каменка, спортивный «Форест парк», веревочные городки для любителей туристического экстрима, турбаза «Чайка», обретающая все более широкую известность, уже притягивают невиданное до того районом число иногородних гостей. А целый ряд проектов, как, например, восстанавливаемая в Скорняково усадьба Муравьева-Карского и автотуристский кластер «Задонщина» при трассе М-4 «Дон», еще только реализуются или находятся в стадии проектирования.

Но сегодня ясно одно — перспективы у Задонска, хоть и лишившегося искусственно выращенной советско-партийной властью промышленности, вновь появились. И два основных залога успешности этих перспектив — возвращение крупнейшего центра православия в лице Задонского Богородицкого монастыря и реализация планов туристско-рекреационной зоны «Задонщина».

Дореволюционные и современные названия улиц Задонска

(Список составлен С. Г. Заворыкиным)

МАРЬИНА — Рабочая

ЛЕБЯЖЬЯ — Максима Горького

МАЛОДВОРЯНСКАЯ — Свободы

МОНАСТЫРСКАЯ — Коммуны

ОДНОЛИЧКА — Одноличка

ЯМСКАЯ — Ленина

МОСКОВСКАЯ — Советская

БОЛЬШАЯ МЕЩАНСКАЯ — Урицкого

СРЕДНЯЯ МЕЩАНСКАЯ — Комсомольская

МАЛАЯ МЕЩАНСКАЯ — Семашко

ДВОРЯНСКАЯ — Карла Маркса

СОБОРНАЯ — Крупской

РАЗНОЧИНСКАЯ — Бебеля

МАЛАЯ РАЗНОЧИНСКАЯ — Труда

ПЕРВАЯ ОСТРОВСКАЯ — Володарского

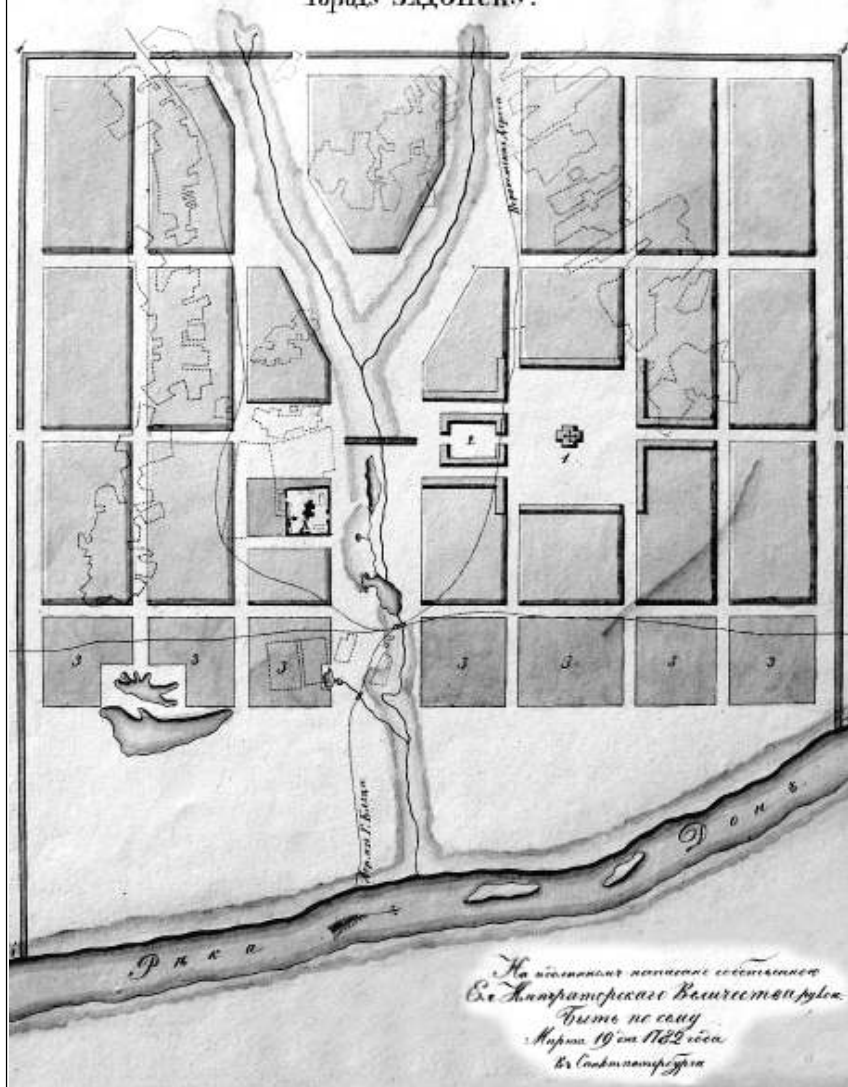
ВТОРАЯ ОСТРОВСКАЯ — 25 лет Октября

ПРИМЕЧАНИЕ. Были в городе до революции и площади.

Одна — **Базарная** — на месте нынешней Торговой, частично обустроенная. Вторая — **Ярмарочная** — перед Успенским собором, на месте пл. Ленина и сквера. На фото из архива А. А. Кудинова видно, что ярмарочные торги проходили как раз здесь (в документах Базарную и Ярмарочную площади часто путали или объединяли). Площадь **Монастырская** располагалась на месте нынешних сквера Победы, кафе «Дорожное» и районного Дома культуры, и была просто незастроенным пустырем.

ПЛАНЪ Вережскаго Наместничества
Города ЗДОНСКУ.

Утвержденный Екатериной II Генеральный план города Задонска.
Пунктирной линией обозначена уже существовавшая застройка.

*Гравюра с прижизненного портрета святителя Тихона
написанного художником Басовым
по поручению Платона, митрополита Московского.*

*Электронная реконструкция
Владимирской иконы
на базе подлинной работы московской
школы XVII в. «курсунского типа»
и подходящих по времени
иконописных изображений
св. Димитрия и св. Василия.*

*Архимандрит Геронтий
(Кургановский)
в бытность иеромонахом
Богородицкого монастыря
составивший подробнейшее
описание обители.*

*Крестный ход на Монастырской площади в день празднования 50-летия
прославления св. Тихона. На месте дома стоит гостиница «Задонск».*

Рака во Владимирском соборе, в коей до 1922 года сохранялись мощи святителя Тихона, и сень над нею, изготовленные из чеканного серебра в мастерской художника-ювелира Ф. А. Верховцева.

*М. А. Богушевская –
создательница первого
детского сада в Задонске.*

*Первый редактор
газеты «Задонский листок»
М. В. Эпельман.*

*Семья городского головы, купца А. Н. Коптева за чаем в саду своей
городской усадьбы. Мальчик справа – будущий писатель Н. Задонский.*

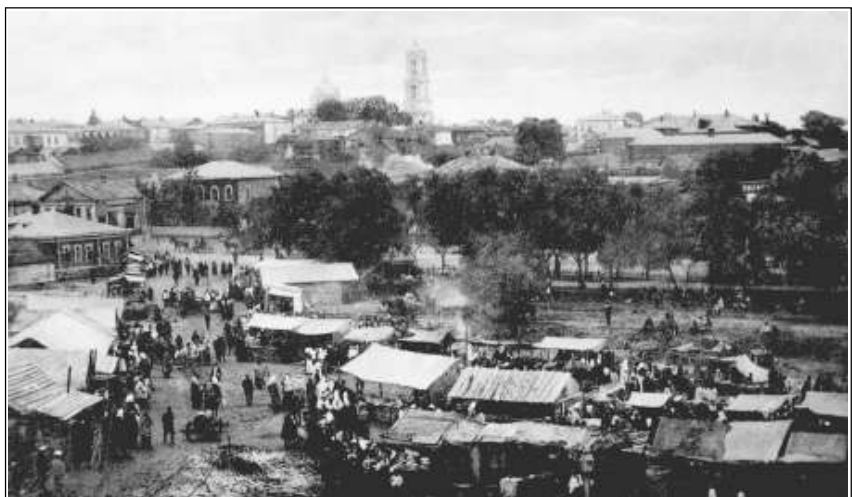

*Снимки, публикуемые на этой странице, сделаны
с колокольни городского Успенского собора.
Верхний дает представление о городской панораме
к северо-востоку от места съемки, нижний — к северо-западу.*

Два берега Тешевки: у «Медового колодца» («Мойки») и знаменитые некогда «Пески» — городские «обжорные ряды», где можно было перекусить и приобрести что-нибудь из ходового товара. Угловой дом слева, как сообщается, принадлежал Осипу Тагинцеву, в чайной или трактире предков которого отобедал по местной легенде А. С. Пушкин.

Видь Задонского Монастыря из-за реки Дона.

Как эмоционально замечал иеромонах Геронтий: «в настоящее время, при общей гармонии величественных монастырских зданий, башни эти составляют величайшую красу, особенно если смотреть на монастырь из-за реки Дон, с Московского шоссе».

*На нижнем снимке – Задонский мост «на камнях» и въезд в город.
Фото Е. С. Бехтеевой (около 1900 г.).*

*Полководец
Н. Н. Муравьев-Карский,
похороненный в Задонском
Богородицком монастыре.*

*Последний настоятель
Богородицкого монастыря –
архимандрит
Никандр (Стуров).*

Молебен по случаю закладки мастерских ремесленной школы.

Задонский «тюремный замок» и часть современной улицы Карла Маркса. В этом же здании размещались казначейство и полицейский участок. В снимок вмонтирован проект фасада здания.

Городской парк, о котором о. Геронтий отзывался так: «существует здесь прекрасный общественный сад, под сенью которого... в часы досуга находят для себя приятную прохладу и освежающее успокоение духа, отягченного обыденными заботами жизни». В конце аллеи виден вход в церковь во имя святителя Тихона Амафунтского.

Так выглядело начало Каменной горы от перекрестка с современной ул. Ленина. А на нижнем снимке – храм Живоносного источника

Содержание

Введение	3
Глава I. На извилистых тропах краеведения	
От времен древнейших	5
А что там, за словом «Тешев»	14
Глава II. От старцев Кирилла и Герасима	
О чем рассказала икона	27
«За Филиппом за Ивановым сыном Тюнина»	38
Монастырь, да к нему — слободка	43
При дороге, на перевозе	47
С «хозрасчета» на «бюджет»	56
Глава III. Указом матушки Екатерины	
По требованию местных выгод	61
Первые годы задонские	66
Город строится	73
Заботы мирные и военные	79
Глава IV. И стал монастырь первоклассным	
Обречены нетленными	91
Черепица и кирпич здесь дешевы	100
У дверей Синода	109
Глава V. Русский Иерусалим	
Великое открытие	115
Под скромным гранитным надгробьем	125
Монастыри строятся	128

Глава VI. О чем земство хлопотало	
От железных путей в стороне	136
Для удобства помещения больных	143
Дом, который построило земство	148
Глава VII. На рубеже столетий	
Императора лицезрев	154
Вступая в новое столетие	165
Глава VIII. От революции до революции	
И всерьез, и... по пьянке	172
«Бунт» в ремесленной школе	178
В годы всероссийских юбилеев	189
Под звуки автомобильного клаксона	193
Глава IX. Под власть Советов	
После февраля 1917-го	200
При поддержке товарища Клявина	205
«Задонск. Исполком. Болдыреву»	209
Кошунство	216
Белоказаки у нас не задержались	221
Глава X. От Гражданской до Отечественной	
Суровые годы «военного коммунизма»	229
В центре Задонской волости	236
Стал монастырь бывшим	240
Сталинские тридцатые	245
Война ворвалась в каждый дом	248
Глава XI. Из века XX в век XXI	
Пока не встряхнула перестройка	260
И вновь — у стен монастыря	271
Время созидания	279
Заключение	293
Дореволюционные и современные названия улиц Задонска	294
Запечатленное прошлое (фотоальбом)	295

Морев Л. А.

ЧЕТЫРЕ ВЕКА ИСТОРИИ

*Издание основано на переработанном и дополненном
тексте книги «Под перезвон колокольный» 1999 и 2004 гг.*

*Издание подготовлено к печати автором,
включая набор, оформление, компьютерный дизайн,
верстку и корректуру*

* * *

*Автор выражает благодарность за помощь в подготовке
подборки фотоиллюстраций Задонскому краеведческому
музею, Татьяне Дыкиной, монахине Евфимии (Ворониной),
Александру Клокову и Андрею Найденову*

ЛР № 010177 от 03.02.97 г.

Сдано в набор 21.08.04 г. Подписано в печать 15.09.04 г. Формат 60x84 1/16.
Объем 14 п. л. Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Заказ 2619.

Отпечатано в ГУП Воронежская областная типография -
издательство им. Е. А. Болховитнова
394071 г. Воронеж, ул. 20 лет Октября, 73а